

ДРАМА ТЕАТР

*Журнал
о современной драматургии
и театре*

№ 1 (5) - 2022

Издание Гильдии драматургов России

Николай КОЛЯДА
«Моя частица труда в этом есть...»..... [4](#)

Лев ТОЛСТОЙ
Анна Каренина
(инсценировка Николая Коляды)..... [8](#)

Кирилл КРОК
«Это всегда о человеке...»..... [98](#)

Русский театр за рубежом

Вячеслав ЛИСИН [104](#)

«Театр Сац – это моя судьба» [111](#)

Валерия КРЫМСКАЯ

А до века - четыре шага
(к юбилею Юрия Померанцева) [119](#)
Алексей ГОСТЕВ.

Анна КУЗНЕЦОВА
Только пусть тебе будет хорошо! (пьеса)
(Максим Горький и Мария Андреева)..... [124](#)

Наши конкурсы [188](#)

Г е о р г и й П Р Я Х И Н
Допрос (пьеса) [192](#)

К а т е р и н а Ф А Й Н
Бродский. Круг и треугольник (пьеса)..... [224](#)

Гадёныши (*Сценическая версия московского
 театра Арт-аллея на основе киносценария
 Джона Хьюджеса «Клуб «Завтрак»*)..... [270](#)

Н а ш е н а с л е д и е

В а с и л и й Ш К В А Р К И Н
Лира напрокат (пьеса)..... [312](#)

В а л е р и й Б Е Г У Н О В
**Мистика воображенного
 и реальность сцены**
 (Пермский театр «У моста»
 и Сергей Федотов) [382](#)

В л а д и м и р Б Е Й Л И С
**«Мое сердце связано с Малым театром
 навсегда»** [388](#)

·
 К о н с т а н т и н Б О Б Р О В
Казенная затворница (монопьеса) [395](#)

Н и к о л а й К О Л Я Д А

Моя частица труда в этом есть...

Николай Коляда – один из самых успешных современных драматургов и режиссеров. Его пьесы, среди которых «Мурлин Мурло», «Полонез Огинского», «Персидская сирень», «Мы едем, едем, едем в далекие края...», «Уйди-уйди» с успехом идут как на российских сценах, так и за рубежом. Николай Коляда живет и работает в Екатеринбурге, где руководит своим авторским театром. Он также является преподавателем Екатеринбургского государственного театрального института.

– Николай Владимирович, Вы открыли этот сезон в своем театре «Анной Карениной». Чем привлек Вас роман Толстого?

– Я решил поставить «Анну Каренину», потому что мне захотелось сделать спектакль про молодых людей. Анна Каренина – молодая женщина, которая не знала, что такое любовь и вдруг узнает ее. И так складываются обстоятельства, что в ее жизни все рушится. Я предлагаю современный взгляд на классику. При этом текст Толстого, сюжет, интрига – полностью сохраняются. Я сам написал инсценировку. Уместить огромный роман в 45 страниц – это адский труд. Спектакль сделан на сегодняшнем театральном языке, в «Анне Карениной» занята вся труппа.

– Какие новые произведения у Вас появились?

– Я снова пишу рассказы. Мне так захотелось по своей первой профессии что-то сделать, ведь я учился в Литературном институте на отделении прозы, начинал с этого. Потом стал писать пьесы. И вот мне захотелось вернуться к прозе, я целый год писал рассказы. Сложил их в книгу, она вышла. Каждый вечер в театре по пять-десять книжек мы продаем. Приходят зрители и покупают. Отзывы просто прекрасные. Меня это очень радует: кто-то рыдает, кто-то плачет, кто-то смеется. Для писателя очень важен отклик. Сейчас я взялся за вторую книгу. Может быть, года к суровой прозе клонят. Также я написал инсценировку «Крокодила» по рассказу Достоевского. Написал маленькую пьесу «Богодул». Богодул – жаргонное слово, означающее «пьющий человек». Пьеса так называется, но главный герой совсем не пьет. Там – про другое. Название красивое – мне понравилось.

– Вы часто делаете своими героями людей, неустроенных, измученных. Почему?

– Я стараюсь своих героев выбирать с полным соответствием традициям великой русской литературы. Все мы вышли из гоголевской «Шинели». У наших писателей всегда была жалость к маленькому человеку. Я стараюсь придерживаться этого правила, стараюсь посочувствовать нищим, несчастным, покалеченным. Я всегда помню, что ставить спектакли и писать пьесы нужно про нашу любимую родину. Про Россию, великую, несчастную, убогую, прекрасную, всякую, разную. Если ты не любишь Россию, людей, которые живут на этой великой священной земле, тебе не о чем будет писать. Любовь – это всегда сострадание, помощь.

А как я могу помочь маленькому человеку? Только тем, что я о нем пишу: я рядом, я вижу всю твою боль.

– Когда критики говорят, что Вы продолжаете линию Вампилова, Вы соглашаетесь?

– Критики могут говорить все, что им угодно. Я всегда читаю рецензии и отзывы, иногда от чего-то огорчаюсь, иногда меня что-то радует. Но если сказать правду: это не нам судить, не сегодня и не завтра— кто какую линию продолжает. Не нам судить: кто останется, а кто не останется. Только будущее-все поставит на свои места. Я сам живу как сороконожка. Если буду думать, что делают мои ноги, куда они идут, то я остановлюсь. Я работаю, двигаюсь вперед, а дело критиков смотреть и оценивать. А кто из них окажется прав или не прав, покажет время.

– Как Вы воспитали такую плеяду звезд – популярных драматургов?

– Я преподаю в театральном институте на отделении «Литературное творчество». Каждый год я выпускал по 5-10 человек, будущих драматургов. У всех судьба складывается по-разному: кто-то работает журналистом, пишет о культуре, кто-то работает завлитом в театре, кто-то пишет пьесы, кто-то пишет сценарии. У кого-то из моих учеников очень удачно все сложилось, например, у Василия Сигарева, у Олега Богаева. Сейчас заявляют о себе молодые и талантливые ребята— Роман Дымшаков, Роман Козырчиков и другие. Их очень много и выделить кого-то одного, вот мой самый любимый, я не могу. Все хорошие. Дай Бог, чтобы они не потеряли любовь к театру, не ушли в сериалы на заработки, чтобы

они писали хорошие пьесы. Одному Богу известно, у кого какие силы. Кто-то пишет талантливые пьесы, а их не ставят. Кто-то напишет одну пьесу и ее поставят. И ему после этого больше ничего не надо. По-разному бывает. Но пути учеников и учителей очень часто в жизни расходятся. Я ничего страшного в этом не вижу. Пусть они живут как хотят, и себя радуют, и театр радуют, и актеров радуют.

– Ученики – это тоже Ваше продолжение?

– Это называется: «Нет, весь я не умру– душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит...». Или «Учитель, воспитай ученика...». Невероятно радостно, когда у твоих детей какие-то успехи. Я сбоку сижу и наблюдаю. Так дедушка приходит на новогодний утренник в детский садик, а его внучка встает на табуретку и читает стихотворение. Дедушка сидит, вытирает слезы от умиления и удивляется. Хотя он учил с внучкой это стихотворение дома много-много раз. Вот так и я. Я умиляюсь и радуюсь, когда у моих учеников успехи, признание. Моя частица труда в этом есть. Они талантливые парни и девушки. Дай Бог, им здоровья и удачи.

Беседовала Т а т ь я н а М Е Д В Е Д Е В А

Лев ТОЛСТОЙ

Анна Каренина

*Инсценировка Николая Коляды по роману Л.Н.Толстого
в двух действиях.*

Действующие лица

Вронский, Алексей Кириллович, граф – 21 год

Каренин, Алексей Александрович, муж Анны, 47 лет

Каренина, Анна Аркадьевна, 26 лет

Лёвин, Константин Дмитриевич, 32 года

Облонская, Дарья Александровна (Долли), 33 года,
жена Степана Аркадьевича

Облонский, Степан Аркадьевич (Стива), 34 года,
муж Дарьи

Вронская, графиня, мать Алексея Вронского

Щербацкая, Екатерина Александровна (Кити), позже
- жена Лёвина, 18 лет

Щербацкая, княгиня, мать Кити

Щербацкий, Александр Дмитриевич, князь, отец
Кити

Нордстон, Мария, графиня, подруга Кити

Мадмуазель Линон, француженка

Тверская, Елизавета Фёдоровна (Бетси), княгиня,
подруга Анны

Корсунский, Егорушка, дирижер бала

Корсунская Лиди, его жена

Жюль Ландо (Jules Landau), граф Беззубов,
ясновидящий

Княгиня Мягкая

Начальник станции

Штаб-Капитанша Калинина

Матвей

Цирюльник

Матрена

Танчурка

Гриша

Катальщик

Лакеи, прохожие, гости.

Петербург, Москва, конец 19 века

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Приближение поезда все более и более обозначалось движением приготовлений на станции. Сквозь морозный пар виднелись рабочие в полушубках, в мягких валеных сапогах, переходившие через рельсы загибающихся путей. Поезд остановился. В купе вошел Вронский.

Вронская. Алеша, милый! Получил телеграмму? Здоров? Слава Богу.

Вронский. Хорошо доехали?

Анна. Я все-таки с вами не согласна, графиня.

Вронская. Петербургский взгляд, сударыня, петербургский ... У нас тут в Москве ...

Анна. Не петербургский, а просто женский. (*Аннушке.*) Аннушка, посмотри, не тут ли брат, и пошли его ко мне.

Вронский. Я вашу беседу прервал, простите. Ваш брат здесь. Я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, что вы, верно, не помните меня. Добрый день.

Анна. О, нет, я бы узнала вас всегда, потому что мы с вашею матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас. А брата моего все-таки нет.

Вронская. Позови же Стиву, Алеша. Она так мила.

Анна вышла на платформу. Вронский свесился со ступеньки поезда и крикнул:

Вронский. Облонский! Здесь! Сюда!

Вернулся в купе.

Вронская. Не правда ли, очень мила? Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили. Ну, а ты, тут не пропускаешь хорошеньких женщин ...

Вронский. Я не знаю, на что вы намекаете, тамап. Что ж, тамап, идем.

Анна (вернулась). Ну вот, графиня, вы встретили сына, а я брата. Да и все истории мои истожились. Дальше нечего было бы рассказывать.

Вронская. Ну, нет, я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась бы. Вы одна из тех милых женщин, с которыми и поговорить, и помолчать приятно. А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться. Алеша, у Анны Аркадьевны есть сыночек восьми лет, и она никогда с ним не разлучалась и все мучается, что оставила его.

Анна. Да, мы все время с графиней говорили, я о своем, а она о своем сыне.

Вронский. Вероятно, это вам очень наскучило,

Анна. Благодарю вас. Я и не видала, как провела вчерашний день. До свиданья, графиня.

Вронская. Прощайте, мой дружок. Дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи,

прямо говорю, что полюбила вас. (*Анна сошла на платформу*). Очень мила.

Вронский. Матап, вы совершенно здоровы?

Вронская. Все хорошо, прекрасно. Alexandre очень был мил. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна. Крестины внука – прекрасно, а государь так благоволит к старшему сыну, твоему брату ... Брат красивее тебя, и румянее, и выше ростом.

Вронский. Не начинайте, матап. Он вечно пьян.

Вронская. И что ж? Умный проспится ...

Вронский. Пойдемте, теперь мало народа.

Вронский взял под руку мать. Но, когда они уже выходили из вагона, вдруг несколько человек пробежали мимо. Очевидно, что-то случилось. Народ от поезда бежал назад.

Все. Что?.. Что?.. Где?.. Бросился!.. Задавило!...

Стива. Сторож был ли пьян, или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили. Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! Ах, если бы вы видели, графиня. И жена его тут... Ужасно видеть ее... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!

Анна. Нельзя ли что-нибудь сделать для нее?

Вронский. Я сейчас приду, матап.

Прохожий 1. Вот смерть-то ужасная! Говорят, на два куска.

Прохожий 2. Я думаю, напротив, самая легкая, мгновенная.

Дама 1. Как это не примут мер.

Дама 2. Как опасно кататься на поездах!

Стива. Это печально, но что делать? Русский народ, он такой – под колеса поезда: запросто! Анна, но какая певица сейчас в Москве, француженка. Ты должна видеть ...

Начальник станции (*Вронскому*). Вы передали моему помощнику двести рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете их?

Вронский. Вдове.

Начальник станции. Вдове?

Вронский. Я не понимаю, о чем спрашивать.

Стива. Вы дали? Очень мило! Не правда ли, славный малый? Мое почтение, графиня.

Вронская. Добрый день. Алеша, идем ...

Стива. Что с тобой, Анна?

Анна. Дурное предзнаменование.

Стива. Пустяки! Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

Анна. А ты давно знаешь Вронского?

Стива. Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.

Анна. Да? Ну, теперь давай говорить о делах... Я получила твое письмо и вот приехала.

Стива. Да, вся надежда на тебя.

Анна. Ну, расскажи мне все.

Стива. Боже, что рассказывать? Сегодня утром всё смешалось в доме Облонских. Знаешь, Анна, где-то читал, что все счастливые семьи счастливы одинаково, или что-то в этом роде.

Анна. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Стива. Так вот ... Это всё и произошло в моей семье!

Анна хохочет, бьет веером Стиву, тот тоже смеется, уворачивается.

Анна. Ты как всегда! Как всегда, Стива! В который уже раз? Как тебе не надоест вылезать из этих историй?! Ну, расскажи, как всё было ...

Стива. Было так

Оба хохочут. Идут с вокзала к извозчику, следом Аннушка.

Вторая картина

В доме Облонских.

Стива. Это все как нарочно! Ай, ай! Но что же делать? Надо жить потребностями дня, то есть, забыться. Забыться сном нельзя, по крайней мере до ночи, нельзя вернуться к той музыке, которую пели графинчики-женщины. Стало быть, надо забыться сном жизни ...

Степан Аркадьич привычным шагом подошел к окну, поднял штору и позвонил. На звонок вошел камердинер Матвей. Вслед за Матвеем вошел и цирюльник с припасами для бритья.

Матвей. Пожалуйста.

Стива. Из присутствия есть бумаги?

Матвей. На столе. От хозяина извозчика приходили. Я приказал прийти в то воскресенье, а до тех пор чтобы не беспокоили вас и себя понапрасну.

Цирюльник. Пожалуйста. Шейку порезать могу. Не дергайтесь ...

Стива. Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра.

Матвей. Слава богу. Одни или с супругом?

Цирюльник. Я занят верхнею губой. Я эдак вас и до крови разрезать могу ...

Матвей. Одни. Наверху приготовить?

Стива. Дарье Александровне доложи, где прикажут.

Матвей. Дарье Александровне?

Стива. Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут.

Матвей. Попробовать хотите. Слушаю-с.

Цирюльник. Прощайте.

Матвей. Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. И сказали, что пускай делают, как им, вам, то есть, угодно.

Стива. А? Что? Матвей?

Матвей. Ничего, сударь, образуется.

Стива. Образуется?

Матвей. Так точно-с.

Стива. Ты думаешь? Это кто там?

Матрена (*входит*). Это я-с.

Стива. Ну что, Матреша? Ну что?

Матрена. Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься....

Стива. Да ведь не примет...

Матрена. А вы свое сделайте. Бог милостив, Богу молитесь, сударь, Богу молитесь.

Стива. Ну, хорошо, ступай. Ну, так давай одеваться.

Матвей уже держал приготовленную рубашку и облек в нее холеное тело барина. Два детские голоса слышались за дверьми. Дети что-то везли и уронили.

Танчурка. Я говорила, что на крышу поезда нельзя сажать пассажиров, вот подбирай! (*Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу.*)

Девочка вбежала, обняла его.) Папочка, у тебя такие вкусные духи ...

Стива. Что мама? Здравствуй.

Танчурка. Мама? Встала.

Стива. Значит, опять не спала всю ночь. Что, она весела?

Танчурка. Не знаю. Она не велела учиться, а велела идти гулять с мисс Гуль к бабушке.

Стива. Ну, иди, Танчурочка моя. Ах да, постой ... Конфетки.

Он достал с камина коробочку конфет и дал ей две, шоколадную и помадную.

Танчурка. Одну Грише?

Стива. Да, да.

Матвей. Карета готова. Да еще просительница. Штаб-капитанша Калинина. С полчасика.

Стива. Сколько раз тебе приказано сейчас же докладывать! Ну, проси же скорее.

Матвей. Надо же вам дать хоть кофею откусать.

Калинина (*входит*). Батюшка! Мне исхлопотать за мужа покойника деньги. Он был штабс-капитан, а я, стало быть, штабс-капитанша, но он, умерши, не оставил завещания, идучи к вам, ступаючи по мостовой, ищущи пути и научаяся кротости ...

Стива. Я понял. Я дам записочку и совет, к кому обратиться. Миленькая, я скажу: либеральная партия говорит, что в России все дурно, и действительно, у меня долгов много, денег не хватает. Либеральная партия говорит, что брак есть отжившее учреждение, и действительно, семейная жизнь доставляет мне мало удовольствия и принуждает притворяться. Либеральная

партия сказала, что религия узда, и я не могу вынести без боли в ногах даже короткого молебна. И к чему в церкви все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. Ступайте, вот, я написал, ступайте.

Калинина. Бойко и складно и крупным, растянутым, красивым и четким почерком пишете вы, батюшка ... Записочка пособит?

Стива. Ступайте. Записочка к лицу, которое может пособить.

Калинина. Спасибо, батюшка ... Идучи, ищущи, глядячи, ступаючи, научаяся ...

Стива. Матвей, ты тут? Да проводи уже ее! Ну, что, Матвей? Пойти или не пойти?

Матвей. Пойти. Не впервой.

Стива. Молчи. (*Степан Аркадьич вошел в комнату к жене.*) Долли!

Третья картина

Долли собирала чемоданы.

Долли. Что вам нужно?

Стива. Долли! Анна приедет сегодня.

Долли. Ну что же мне? Я не могу ее принять!

Стива. Но надо же, однако, Долли.

Долли. Уйдите, уйдите, уйдите!

Стива. Боже мой, что я сделал! Долли! Долли, что могу сказать? Одно: прости, прости... Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты... минуты увлечения...

Долли. Уйдите отсюда! И не говорите мне про ваши увлечения, про ваши мерзости!

Стива. Долли! Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, накажи меня, вели мне искупить свою вину! Чем я могу, я все готов! Я виноват, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, прости!

Долли. Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь. Я помню про детей и поэтому все в мире сделала бы, чтобы спасти их! Но я сама не знаю, чем я спасу их: тем ли, что увезу от отца, или тем, что оставлю с развратным отцом, да, с развратным отцом... Ну, скажите, после того, что было, разве возможно нам жить вместе? Скажите же, разве это возможно? После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...

Стива. Но что ж делать? Что делать?

Долли. Вы мне гадки, отвратительны! Ваши слезы – вода! Вы никогда не любили меня; в вас нет ни сердца, ни благородства! Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой!

Стива. Это ужасно! Ужасно! Долли, еще одно слово ...

Долли. Если вы пойдете за мной, я позову людей, детей! Дети, сюда! (*Прибежали дети.*) Пускай все знают, что вы – подлец! Я уезжаю, а вы живите здесь со своей любовницей!

И она вышла с детьми, хлопнув дверью.

Стива. Матвей! Так устрой же все там с Марьей в диванной для Анны Аркадьевны.

Матвей. Слушаю-с. Кушать дома не будете?

Стива. Как придется. Да вот возьми на расходы. Довольно будет?

Матвей. Довольно ли, не довольно, видно обойтись надо.

Стива ушел, но тут же вбежала Долли и стала кричать Матвею и Матрене.

Долли. Ах, оставьте меня! Где он? Уехал! Но чем же кончил он с нею? Неужели он выдает ее? Зачем я не спросила его? Нет, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Навсегда чужие! А как я любила, Боже, как я любила его!.. И теперь разве я не люблю его? Не больше ли, чем прежде, я люблю его? Ужасно, главное, то ...

Матрена. Уж прикажите за моим братом послать, всё он изготовит обед. А то, по-вчерашнему, до шести часов дети не евши.

Долли. Ну, хорошо, я сейчас выйду и распоряжусь. Да послали ли за свежим молоком? Господи, какое молоко! А это кто?

Матвей. Цирюльник. Расплатиться бы...

Долли. Мне он зачем, ваш цирюльник!

Четвертая картина

На катке. На льду собирались в этот день недели люди одного кружка, все знакомые между собою. Были тут и мастера кататься, и учившиеся за креслами, с робкими неловкими движениями, и мальчики, и старые люди, катавшиеся для гигиенических целей. Стива сидел с коньками на ногах на скамейке и, увидав Лёвина, закричал ему:

Стива. Лёвин, моё почтение, ты как тут?! Первый русский конькобежец! Давно ли? Отличный лед, надевайте же коньки.

Лёвин. У меня и коньков нет ...

Кити подкатилась прямо к Стиве и, ухватившись за

него рукой, улыбаясь, кивнула Лёвину.

Стива. Кити, у него нет коньков!

Кити. Давно ли вы здесь? (*Лёвин поднял платок, выпавший из ее муфты.*) Благодарствуйте.

Лёвин. Я? Я недавно, я вчера ... нынче то есть ... приехал ... Я хотел к вам ехать. Я не знал, что вы катаетесь на коньках, и прекрасно катаетесь.

Кити. Вашу похвалу надо ценить. Здесь сохранились предания, что вы лучший конькобежец.

Лёвин. Да, я когда-то со страстью катался. Мне хотелось дойти до совершенства.

Кити. Вы все, кажется, делаете со страстью. Мне так хочется посмотреть, как вы катаетесь. Надевайте же коньки, и давайте кататься вместе.

Лёвин. Кататься вместе! Это возможно? Сейчас надену.

Катальщик. Давно не бывали у нас, сударь. После вас никого из господ мастеров нету. (*Затянул ремень Лёвину на коньке.*) Хорошо ли так будет?

Лёвин. Хорошо, поскорей, пожалуйста. Да, вот это жизнь, вот это счастье! Вместе, давайте кататься вместе. Сказать теперь? Но ведь я оттого и боюсь сказать, что теперь я счастлив, счастлив хоть надеждой ... А тогда?.. Но надо же! Надо, надо! Прочь слабость!

Лёвин стал на ноги, снял пальто и, разбежавшись по льду, покатился без усилия. Она подала руку.

Кити. С вами я бы скорее выучилась, я почему-то уверена в вас.

Лёвин. И я уверен в себе, когда вы опираетесь на меня. У вас нет ничего неприятного?

Кити. Отчего же?.. Нет, у меня ничего нет неприятного. Вы не видели mademoiselle Linon?

Лёвин. Нет еще.

Кити. Подите к ней, она так вас любит.

Лёвин и побежал к старой французенке с седыми букольками, сидевшей на скамейке. Улыбаясь и выставляя свои фальшивые зубы, она встретила его, как старого друга.

Linon. Да, растем, и стареем. Tiny bear уже стал большой! Помните шутку о трех барышнях, которых вы называли тремя медведями из английской сказки? Помните, вы, бывало, так говорили?

Лёвин. Решительно не помню. Вы уже десять лет мне это вспоминаете ...

Linon. Ах, забыли! Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Лёвин снова разогнался на льду и подъехал к Кити.

Кити. Неужели вам не скучно зимою в деревне?

Лёвин. Нет, не скучно, я очень занят.

Кити. Вы надолго приехали?

Лёвин. Я не знаю. Я не могу уехать, ничего не решив.

Кити. Как не знаете?

Лёвин. Не знаю. Это от вас зависит.

Лёвин разбежался, удерживая равновесие руками.

Кити. Не убейтесь, надо иметь привычку!

Щербацкая. Славный, милый. Ты не любишь его? Дурно.

Кити. Неужели я виновата, я сделала что-нибудь дурное? Они говорят: кокетство. Я знаю, что я люблю не его. Но мне весело с ним, он такой славный. Только зачем он это сказал?

Щербацкая. Что он, давно ли приехал?

Кити. Нынче, тамап.

Щербацкая. Я одно хочу сказать ...

Кити. Мама, пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Щербацкая. Я только хочу сказать, что, подав надежду одному...

Кити. Мама, голубчик, ради Бога, не говорите! Так страшно говорить про это.

Щербацкая. Не буду, не буду, но одно, моя душа: ты мне обещала, что у тебя не будет от меня тайны. Не будет?

Кити. Никогда, мама, никакой. Но мне нечего говорить теперь. Я если бы хотела, я не знаю, что сказать и как... я не знаю.

Лёвин подкатил к скамейке, где были мать с дочерью.

Щербацкая. Рада. Четверги, как всегда, мы принимаем. Очень рады будем видеть вас.

В это время подъехал Степан Аркадьич, со шляпой на боку, блестя лицом и глазами, веселым победителем. Увидев тещу, он стал грустным.

Стива. Жена здорова. Да. Дети здоровы.

Щербацкая. Ты как всегда, батюшка. И когда уже это кончится?

Стива. Маман, это неправда, и я бы попросил ...

Щербацкая. Да помолчи ... Говорила я ей: не ходи за него. Прощайте же ... Кити, ты еще останешься?

Кити. Я хочу на воздухе, мама. Подождите меня на скамейке. Вот и папа идет ...

Кити стала кататься. Проводив взглядом тёщу, Стива радостно кинулся к Лёвину.

Стива. Я очень рад, что ты приехал. У меня горе. Жена узнала, что я был в связи с француженкою-

гувернанткой, и объявила, что не может жить со мной. И как хорошо все было до этого, как мы хорошо жили! Долли глупа и довольна, участлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда, нехорошо, что эта моя была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо!

Лёвин. Есть что-то пошлое в ухаживанье за своею гувернанткой.

Стива. Но какая гувернантка! Ах, какие у нее черные плутовские глаза, какая улыбка. И пока она была у нас в доме, я не позволял себе ничего. И хуже всего то, что она уже... Едем? У тебя есть извозчик? В «Англию» или в «Эрмитаж»? Ты ведь любишь тюрбо?

Лёвин. Что? Тюрбо? Да, я ужасно люблю тюрбо. Я еще тут побуду.

Приятели катались по кругу катка, не обращая внимания ни на кого, и болтали, иногда понижая голос при виде кого-то из знакомых, кто так же лихо рассекал на коньках мимо них.

Стива. Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам. У тебя все впереди.

Лёвин. А у тебя разве уж назади?

Стива. Нет, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее – так, в пересыпочку. Так ты зачем же приехал в Москву?..

Лёвин. Ты догадываешься? Ну что же ты скажешь мне? Как ты смотришь на это?

Стива. Я? Я ничего так не желал бы, как этого, ничего. Это лучшее, что могло бы быть.

Лёвин. Ты знаешь, о чем мы говорим? Ты думаешь, что

это возможно?

Стива. Думаю, что возможно. Отчего же невозможно?

Лёвин. Нет, ты точно думаешь, что это возможно? Нет, ты скажи все, что ты думаешь! Ну, а если, если меня ждет отказ?.. И я даже уверен... Так мне иногда кажется. Ведь это будет ужасно и для меня, и для нее.

Стива. Ну, во всяком случае для девушки тут ничего ужасного нет. Всякая девушка гордится предложением.

Лёвин. Да, всякая девушка, но не она.

Стива. Для тебя все девушки в мире разделяются на два сорта: один сорт — это все девушки в мире, кроме нее, и эти девушки имеют все человеческие слабости, и девушки очень обыкновенные. Другой сорт — она одна, не имеющая никаких слабостей и превыше всего человеческого. Как это смешно.

Лёвин. Нет, ты постой, постой. Ты пойми, это для меня вопрос жизни и смерти. Я никогда ни с кем не говорил об этом. И ни с кем я не могу говорить об этом, как с тобой. Ведь вот мы с тобой по всему чужие: другие вкусы, взгляды. Но я знаю, ты меня любишь и понимаешь, и от этого я тебя ужасно люблю.

Стива. Я тебе скажу: моя жена — удивительнейшая женщина ... У нее есть дар предвидения. Она насквозь видит людей. Но этого мало, — она знает, что будет, особенно по части браков. Так, что она говорит, что Кити будет твоею женой непременно.

Лёвин. Я всегда говорил, что она прелесть, твоя жена.

Стива. Хорошо, но закончим кататься?

Графиня Нордстон была сухая, желтая, с черными блестящими глазами, болезненная и нервная женщина. Графиня Нордстон подъехала и тотчас же накинулась

на Лёвина.

Нордстон. Константин Дмитрич! Опять приехали в наш развратный Вавилон? Что, Вавилон исправился или вы испортились?

Лёвин. Мне лестно, графиня, что вы помните мои слова. Они на вас очень действуют.

Нордстон. Ах, как же! Я все записываю. Вы надолго приехали в Москву? Ведь вы, кажется, мировым земством занимаетесь, и вам нельзя надолго.

Лёвин. Нет, графиня, я не занимаюсь более земством. Я приехал на несколько дней.

Нордстон. Что-то с вами особенное, вы не втягиваетесь в свои рассуждения. Но я уж выведу вас. Ужасно люблю сделать его дураком пред Кити, и сделаю. А вот и она.

Кити. Не надо.

Нордстон. Надо. Константин Дмитрич, растолкуйте мне, пожалуйста, что такое значит, — вы все это знаете, — у нас в калужской деревне все мужики и все бабы все пропили, что у них было, и теперь ничего нам не платят. Что это значит? Вы так хвалите всегда мужиков.

Лёвин. Извините, графиня, но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вам сказать.

Нордстон. Не забудьте, у нас будет спиритический сеанс, я жду вас, есть очень сильный медиум, граф Беззубов, ясновидящий, будет, мы ждем вас!

Стива. Я украду его, графиня ... (*Покатились по кругу.*)
Что она тебе болтала?

Лёвин. Ах, как всегда глупости. Ведь я уехал, потому что решил, что с Кити ничего не может быть, понимаешь, как счастье, которого не бывает на земле. Бился с собой и вижу, что без этого нет жизни. И надо

решить...

Стива. Для чего же ты уезжал?

Лёвин. Ах, постой! Ах, сколько мыслей! Сколько надо спросить! Ты ведь не можешь представить себе, что ты сделал тем, что сказал. Я так счастлив ... Вот ты женился, ты знаешь это чувство ... Ужасно, что мы – старые, вдруг сближаемся с существом чистым, невинным. Это отвратительно, и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойным.

Стива. Ну, у тебя грехов немного.

Лёвин. Ах, все-таки, все-таки, «с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуюсь ...» Да.

Стива. Что ж делать, так мир устроен.

Лёвин. Одно утешение, как в молитве, что не по заслугам прости меня, а по милосердию.

Стива. Я тебе должен сказать. Ты знаешь Вронского?

Лёвин. Нет, не знаю. Зачем мне знать Вронского?

Стива. А затем тебе знать Вронского, что это один из твоих конкурентов.

Лёвин. Что такое Вронский?

Стива. Вронский – это один из сыновей графа Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской. Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый. Ну-с, он появился вскоре после тебя, и, как я понимаю, он по уши влюблен в Кити, и ты понимаешь, что мать ...

Лёвин. Извини меня, я не понимаю ничего.

Стива. Ты постой. Я тебе сказал, что мне кажется, шансы на твоей стороне. Но я бы советовал решить дело

скорее. Подкати к ней сейчас делать предложение, и да благословит тебя Бог... Да, брат, – женщины – это винт, на котором все вертится. Вот и мое дело плохо, очень плохо. И все от женщин. Ты мне скажи откровенно, ты мне дай совет.

Лёвин. Но в чем же?

Стива. Вот в чем. Положим, ты женат, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

Лёвин. Извини, но я решительно не понимаю этого. Это все равно как я бы теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач.

Стива. Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься. Ты пойми, что женщина, та гувернантка, милое существо, кроткое, одинокая и всем пожертвовала. Теперь, когда уже дело сделано, – ты пойми, – неужели бросить ее? Положим: расстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь. Но неужели не пожалеть ее, не устроить, не смягчить?

Лёвин. Ну, уж извини. Я прелестных падших созданий не видал и не увижу, а такие, как та крашеная француженка, с завитками, – это для меня гадины, и все падшие – такие же.

Стива. А евангельская?

Лёвин. Перестань! Христос не сказал бы этих слов, если бы знал, как будут злоупотреблять ими. Изю всего евангелия только и помнят эти слова. Я говорю не то, что думаю, а то, что чувствую. Я имею отвращение к падшим женщинам. Ты пауков боишься, а я этих гадин. Ты ведь, наверно, не изучал пауков и не знаешь их нравов: так и я.

Стива. Что ж делать, ты мне скажи, что делать? Жена

стареется, а ты полон жизни. Ты не успеешь оглянуться, как ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить жену. А тут вдруг подвернется любовь, и ты пропал, пропал! Да, и пропал. Но что же делать?

Лёвин. Не красть калачей.

Стива. О моралист! Но ты пойми, одна настаивает только на своих правах, и права эти твоя любовь, которой ты не можешь ей дать, а другая жертвует тебе всем и ничего не требует. Что тебе делать? Как поступить? Тут страшная драма.

Лёвин. Я не верю, чтобы тут была драма. «Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение», вот и вся драма. А впрочем, может, ты и прав. Но я не знаю, решительно не знаю.

Стива. Все разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни складывается из тени и света.

Лёвин увидел, что Кити села на скамейку передохнуть.

Лёвин. Я сейчас. Ступай. (*Сел рядом с Кити.*) Я только того и хотел, чтобы застать вас одну.

Кити. Мама ждет. Она вчера очень устала. Вчера ...

Лёвин. Я сказал вам, что не знаю, надолго ли я приехал ... что это от вас зависит ... Что это от вас зависит. Я хотел сказать ... Я за этим приехал ... что ... прошу быть моею женой!

Кити. Этого не может быть ... простите меня ...

Кити встала на коньки и уехала.

Лёвин. Это не могло быть иначе.

В это время на дальней скамейке у катка происходила одна из часто повторявшихся между родителями сцен за любимую дочь.

Щербацкая. Вот и хорошо. Кажется, дело с Вронским

кончено ...

Щербацкий. Отвратительно!

Щербацкая. Что?

Щербацкий. Что? Вот что! То, что в вас нет гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этим сватовством, подлым, дурацким!

Щербацкая. Да помилуй, ради самого Бога, князь, что я сделала?

Щербацкий. А вот что: вы заманиваете жениха, и вся Москва будет говорить, и резонно. Если вы делаете вечера, так зовите всех этих тютюков, позовите тапера, пускай пляшут, а не так, как нынче, — женишков сводить. Мне видеть мерзко, вы добились, вскружили голову девчонке. Лёвин в тысячу раз лучше человек. А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну стать, и все дрянь. Да хоть бы он принц крови был, моя дочь ни в ком не нуждается!

Щербацкая. Да что же я сделала?

Щербацкий. А то...

Щербацкая. Знаю я, что если тебя слушать, то мы никогда не отдадим дочь замуж. Если так, то надо в деревню уехать.

Щербацкий. И лучше уехать.

Щербацкая. Да постой. Разве я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человек, и очень хороший, влюбился, и она, кажется...

Щербацкий. Да, вот вам кажется! А как она в самом деле влюбится, а он столько же думает жениться, как я?.. Ох! Не смотрели бы мои глаза!.. «Ах, спиритизм, ах, Ницца, ах, на бале...». А вот, как сделаем несчастье Кити, как она в самом деле заберет в голову...

Щербацкая. Да почему же ты думаешь?

Щербацкий. Я не думаю, а знаю, на это глаза есть у нас, а не у баб. Я вижу человека, который имеет намерения серьезные, это Лёвин. И вижу перепела, как этот щелкопер, которому только повеселиться.

Щербацкая. Ну, уж ты заберешь в голову...

Щербацкий. А вот вспомнишь, да поздно, как было с Дашенькой.

Щербацкая. Ну, хорошо, хорошо, не будем говорить ...

Щербацкий. И прекрасно, и прощай!

Щербацкая. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!..

Пятая картина

Долли и Анна. В доме Облонских.

Долли. Как, уж приехала?

Анна. Долли, как я рада тебя видеть!

Долли. И я рада. Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату.

Анна. Это Гриша? Боже мой, как он вырос! Нет, позволь никуда не ходить.

Долли. А ты сияешь счастьем и здоровьем!

Анна. Я?.. Да. Боже мой, Таня! Ровесница Сереже моему. Прелестная девочка, прелесть! Покажи же мне всех.

Долли. Ну, так пойдем к ним. Вася спит теперь, жалко.

Анна. Шестеро?

Долли. Да.

Анна. Долли, он говорил мне. Долли, милая! Я не хочу ни говорить тебе за него, ни утешать, это нельзя. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всею душой!

Долли. Утешить меня нельзя. Все потеряно после того, что было, все пропало!

Анна. Но, Долли, что же делать? Как лучше поступить в этом ужасном положении?

Долли. Все кончено. И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить. Дети, я связана. А с ним жить я не могу, мне мука видеть его.

Анна. Долли, голубчик, он говорил мне, но я от тебя хочу слышать, скажи мне все.

Долли. Изволь. Но я скажу сначала. Ты знаешь, как я вышла замуж. Я с воспитанием татап не только была невинна, но глупа. Я ничего не знала. Говорят, я знаю, мужья рассказывают женам своим прежнюю жизнь, но Стива ... Степан Аркадьич ничего не сказал мне. Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я одна женщина, которую он знал. Так я жила восемь лет. Я не только не подозревала неверности, но я считала это невозможным, и тут, представь, узнать вдруг весь ужас, всю гадость... Быть уверенной вполне в своем счастье, и вдруг ... и получить письмо его к своей любовнице, к моей гувернантке. Я понимаю еще увлечение, но обдуманно, хитро обманывать меня ... с кем же?.. Продолжать быть моим мужем вместе с нею ... это ужасно! Ты не можешь понять ...

Анна. О нет, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю.

Долли. Ты думаешь, он понимает весь ужас моего положения? Нисколько! Он счастлив!

Анна. О нет! Он жалок, он убит раскаяньем...

Долли. Способен ли он?

Анна. Да, я его знаю. Я не могла без жалости смотреть

на него. Мы его обе знаем. Он добр, но он горд, а теперь так унижен. Главное, что меня тронуло – его мучают две вещи: то, что ему стыдно детей, и то, что он, любя тебя... да, да, любя больше всего на свете, сделал тебе больно, убил тебя. «Нет, нет, она не простит», – все говорит он.

Долли. Но как же простить, как мне опять быть его женою после нее? Мне жить с ним теперь будет мученье, потому, что я люблю свою прошедшую любовь к нему ... Она ведь молода, ведь она красива. Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты им и его детьми. На этой службе ушло все мое, и ему теперь, разумеется, свежее пошлое существо приятнее. Зачем я стараюсь, тружусь? Зачем дети? Ужасно, что душа моя перевернулась и вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба, да. Я бы убила его и ...

Анна. Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты так оскорблена ...

Долли. Что делать, подумай, Анна, помоги. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна. Я его сестра, я знаю его характер. Он не понимает, как он мог сделать то, что сделал.

Долли. Нет, он понимает, он понимал! Но я ... ты забываешь меня ... разве мне легче?

Анна. Но, Долли, душенька, я понимаю твои страдания вполне, только одного я не знаю: я не знаю, насколько в душе твоей есть еще любви к нему. Если есть, то прости!

Долли. Нет.

Анна. Я знаю людей, как Стива. Эти люди делают

неверности, но свой домашний очаг и жена — это для них святыня.

Долли. Да, но он целовал ее ...

Анна. Я видела Стиву, когда он был влюблен в тебя. Я помню время, когда он, говоря о тебе, и какая поэзия и высота была ты для него, и я знаю, что чем больше он с тобой жил, тем выше ты для него становилась. Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлечение не души его ...

Долли. Но если это увлечение повторится?

Анна. Оно не может, как я понимаю ...

Долли. Да, но ты простила бы?

Анна. Да, я простила бы. Я так простила бы, как будто этого не было, совсем не было.

Долли. Ну, разумеется, иначе бы это не было прощение. Если простить, то совсем, совсем. Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату. Милая моя, как я рада, что ты приехала. Мне легче, гораздо легче стало.

Анна вышла к Стиве. Прошептала:

Анна. Стива ... Идиот ты! Иди уже, и помогай тебе Бог. *(Он бросил сигару, поняв ее, и скрылся за дверью. Вошла Кити.)* Кити, душенька! Как я рада! Так теперь когда же бал?

Кити. На будущей неделе. Один из тех балов, на которых всегда весело.

Анна. Нет, душа моя, для меня уж нет таких балов, где весело. Для меня есть такие, на которых менее трудно и скучно ... Стива мне говорил, и поздравляю вас, он мне очень нравится, я встретила Вронского на железной дороге.

Кити. Ах, он был там? Что же Стива сказал вам?

Анна. Стива мне все разболтал. И я очень была бы рада. Я ехала вчера с матерью Вронского, и мать, не умолкая, говорила мне про него; это ее любимец ...

Кити. Что мать рассказывала вам?

Анна. Ну, например, он в детстве еще что-то необыкновенное сделал, спас женщину из воды. Она просила меня поехать к ней, и я рада повидать старушку и завтра поеду к ней. Однако, Стива долго у Долли в кабинете. Я покажу карточку моего Сережи. Сейчас ...

В передней послышался звонок.

Стива. Кто это может быть? Верно, с бумагами. Войдите!

Вронский стоял, не снимая пальто, и что-то доставал из кармана. Он поднял глаза, увидел ее.

Вронский. Нет, благодарю вас. Я только напомнить о завтрашнем обеде ... Честь имею.

Вронский вышел.

Стива. И ни за что не хотел войти. Какой-то он странный.

Анна. В половине десятого заехать по пустяку и не войти ... Кити! Из-за тебя?

Кити покраснела. Все переглянулись, ничего не сказав, и стали смотреть альбом Анны.

Шестая картина

Начало бала.

Щербацкая. Позвольте вас познакомить. Константин Дмитрич Лёвин. Граф Алексей Кириллович Вронский.

Лёвин. Вы и есть господин Вронский?

Вронский. Так точно. Господин Ле-э-э-вин?

Лёвин. Лёвин.

Вронский. Очень приятно. Наслышан.

Лёвин. И я о вас.

Вронский. Я нынче зимой должен был, кажется, обедать с вами, но вы неожиданно уехали в деревню.

Нордстон. Константин Дмитрич презирает и ненавидит город и нас, горожан.

Вронский. А вы всегда в деревне? Я думаю, зимой скучно?

Лёвин. Не скучно, если есть занятия, да и с самим собой не скучно.

Вронский. Я люблю деревню.

Нордстон. Но надеюсь, граф, что вы бы не согласились жить всегда в деревне.

Вронский. Не знаю, я не пробовал подолгу. Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне, с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце. Ницца сама по себе скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хорошо только на короткое время. И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня...

Нордстон. Вы, Константин Дмитрич, верите в спиритизм?

Лёвин. Зачем вы меня спрашиваете? Ведь вы знаете, что я скажу.

Нордстон. Но я хочу слышать ваше мнение.

Лёвин. Эти вертящиеся столы доказывают, что так называемое образованное общество не выше мужиков. Они верят в глаз, и в порчу, и в привороты, а мы...

Нордстон. Что ж, вы не верите? Но если я сама видела?

Лёвин. И бабы рассказывают, как они сами видели домовых.

Нордстон. Так вы думаете, что я говорю неправду?

Кити. Да нет, Константин Дмитрич говорит, что он не может верить.

Вронский. Вы не допускаете? Мы допускаем существование электричества, которого не знаем, а почему не может быть новая сила, еще нам неизвестная, которая...

Лёвин. Когда найдено было электричество, то было только открыто явление, и неизвестно было, откуда оно происходит и что оно производит, и века прошли прежде, чем подумали о применении его. Спириты же, напротив, начали с того, что столики им пишат и духи к ним приходят, а потом уже стали говорить, что это есть сила неизвестная.

Вронский. Да, но спириты говорят: теперь мы не знаем, что это за сила, но сила есть, и вот при каких условиях она действует. А ученые пускай раскроют, в чем состоит эта сила. Нет, я не вижу, почему это не может быть новая сила, если она ...

Лёвин. А потому, что при электричестве, как вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается известное явление, а здесь не каждый раз - стало быть, это не природное явление!

Щербацкий (Лёвину). Очень рад вас видеть.

Нордстон. Князь, отпустите нам Константина Дмитрича. Мы хотим опыт делать.

Щербацкий. Какой опыт? Столы вертеть? Ну, извините меня, дамы и господа, но, по-моему, в колечко веселее играть. В колечке еще есть смысл.

Егорушка Корсунский увидел Кити и подбежал к ней и, поклонившись, занес руку, чтоб обнять ее тонкую

талию. Она оглянулась, кому передать веер, и хозяйка, улыбаясь ей, взяла его.

Корсунский. Как хорошо, что вы приехали вовремя, а то, что за манера опаздывать. *(Она положила левую руку на его плечо, и ножки в розовых башмаках задвигались в такт музыки.)* Отдыхаешь, вальсируя с вами. Прелесть, какая легкость, precision.

Лиди. Я твоя жена, не забывай.

Корсунский. Мы просто кокетничаем. Что ж, еще тур? Вы не устали?

Кити. Нет, благодарствуйте.

Корсунский. Куда же отвести вас?

Кити. Каренина тут, кажется ... Отведите меня к ней.

Корсунский. Куда прикажете. Pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames

Корсунский поклонился и подал руку, чтобы провести ее к Анне Аркадьевне.

Анна. Вы и в залу входите, танцуя.

Корсунский. Это одна из моих вернейших помощниц. Княжна помогает сделать бал веселым и прекрасным. Анна Аркадьевна, тур вальса ...

Щербацкий. А вы знакомы?

Корсунский. С кем мы не знакомы? Мы с женой как белые волки, нас все знают. Тур вальса, Анна Аркадьевна.

Анна. Я не танцую, когда можно не танцевать.

Корсунский. Но нынче нельзя.

В это время подходил Вронский.

Анна. Ну, если нынче нельзя не танцевать, так пойдемте.

Вронский. Вы помните, что первая кадрили у меня?

Корсунский. Pardon, pardon! Вальс, вальс!

Лиди. Кити, что ж это такое? Я не понимаю этого. Кити, ты не танцуешь мазурку?

Кити. Нет, нет.

Нордстон. Он при мне звал ее на мазурку. Она сказала: разве вы не танцуете с княжной Щербацкой?

Кити. Да.

Анна. Мне пора. Прощайте.

Корсунский. Полно, Анна Аркадьевна. Какая у меня идея котильона! Un bijou!

Анна. Нет, я не останусь.

Вронский. Я прошу вас.

Анна. Нет, я и так в Москве танцевала больше на вашем одном бале, чем всю зиму в Петербурге. Надо отдохнуть перед дорогой.

Вронский. А вы решительно едете завтра?

Анна. Да, я думаю.

Седьмая картина

Поезд. Анна и Аннушка в купе.

Анна. Ну, все кончено, и слава Богу.

Аннушка. Тепло в вагоне. Барыня, вы у окна будете?

Анна. Да, Аннушка. Буду читать. Хорошо как, да? Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому. Аннушка, милая, достань фонарик, прицепи его к ручке кресла и подай из сумочки разрезной ножик и английский роман.

Аннушка. Я мешочек этот красный с бумагами и деньгами буду держать в руках. Он такой красивый.

Анна. Тебе нравится? Хочешь, подарю его тебе?

Аннушка. Нет, что вы, барыня, это ваше! Я только сохраню, на руку вот намотаю шнурок ...

Аннушка дремала, держа красный мешочек на коленях. Когда тронулся поезд, все было то же, и то же. Та же тряска с постукиванием, тот же снег в окно. Анна стала читать и понимать читаемое.

Анна. Ну что же? Что же это значит? Ну что же? Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, что бывают с каждым знакомым? *(Она провела разрезным ножом по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости.)* Мерещится что-то ... Аннушка ли подле, или чужая? Что там, на ручке, шуба ли это, или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?

Анна почувствовала, что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело. Голос занесенного снегом человека прокричал что-то ей над ухом. Она поняла, что подъехали к станции.

Аннушка. Выходить изволите?

Анна. Да, мне подышать хочется. Подай пелерину и платок. Тут очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери. Ветер как будто только ждал ее, она рукой взялась за холодный столбик и, придерживая платье, спустилась на платформу. Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции. Она вздохнула еще раз, и уже вынула руку из муфты, чтобы войти в вагон, как человек заслонил ей свет фонаря. Она

оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского.

Вронский. Не нужно ли вам чего? Не могу ли я вам служить?

Анна. Вы? Вы как тут?

Вронский. Не нужно ли чего-нибудь, не могу ли я вам прислужить?

Анна. Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете?

Вронский. Зачем я еду? Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы, я не могу иначе. Простите меня, если вам неприятно то, что я сказал.

Анна. Это дурно, что вы говорите, и я прошу вас, если вы хороший человек, забудьте, что вы сказали, как и я забуду.

Вронский. Ни одного слова вашего, ни одного движения вашего я не забуду никогда и не могу...

Анна. Довольно, довольно!

И она поднялась на ступеньки и быстро вошла в сени вагона...

К утру Анна задремала и, когда проснулась, то было бело, светло и поезд подходил к Петербургу.

Анна. Аннушка, проснись, мы подъезжаем, поищи Алексея Александровича, где же он ...

Аннушка. Вот он!

Анна. Ах, Боже мой! Отчего у него стали такие уши?

Аннушка. Что-с?

Каренин. Да, как видишь, нежный муж, нежный, я тут и как на другой год женитьбы, я сгорал желанием увидеть тебя.

Анна. Сережа здоров?

Каренин. И это вся награда, за мою пылкость? Здоров,

здоров...

Вронский. Хорошо ли вы провели ночь?

Анна. Благодарю вас, очень хорошо. Граф Вронский.

Каренин. А! Мы знакомы, кажется. Туда ехала с матерью, а назад с сыном. Вы, верно, из отпуска? Что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке?

Вронский. Надеюсь иметь честь быть у вас.

Каренин. Очень рад, по понедельникам мы принимаем. И как хорошо, что у меня именно было полчаса времени, чтобы встретить тебя, и что я мог показать тебе свою нежность.

Анна. Ты слишком уже подчеркиваешь свою нежность, чтоб я очень ценила. А как без меня проводил время Сережа?

Каренин. О, прекрасно! Mariette говорит, что он был мил очень и... я должен тебя огорчить... не скучал о тебе, не так, как твой муж. Но еще раз merci, мой друг, что подарила мне день. Без поспешности и без отдыха – ты знаешь мой девиз. Да, кончилось мое уединение. Ты не поверишь, как неловко обедать одному. Наш милый самовар будет в восторге...

Анна. Зачем вы так называете Лидию Ивановну?

Каренин. Она вечно горячится. Она о тебе спрашивала. И знаешь, если я смею советовать, ты бы съездила к ней нынче. Ведь у ней обо всем болит сердце. Теперь она, кроме всех своих хлопот, занята примирением Облонских.

Анна. Да ведь я писала ей.

Каренин. Но ей все нужно подробно. Съезди, если не устала, мой друг. Ну, тебе карету подаст Кондратий, а я еду в комитет. Опять буду обедать не один ... Ты не

поверишь, как я привык...

И он, долго сжимая ей руку, с особенною улыбкой посадил ее в карету.

Восьмая картина

Петербургский высший круг, собственно, один. Все знают друг друга, ездят друг к другу.

В театре:

Linon. Мы все приехали в Петербург, чтобы смотреть эту прекрасную актрису. Как ее имя?

Нордстон. Нильсон.

Linon. Да, да!

Бетси. Не врите. Вы приехали сюда, чтобы рассмотреть как следует роман Анны Карениной и Вронским. Об этом весь Петербург говорит. И Москва. Только один глупый муж не знает ...

Лиди. Анна очень переменилась со своей московской поездки. В ней есть что-то странное.

Linon. Перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея Вронского.

Бетси. Да что же? У Гримма есть басня: человек без тени, человек лишен тени. И это ему наказание за что-то. Я никогда не могла понять, в чем наказание. Но женщине должно быть неприятно без тени.

Нордстон. Да, но если говорить про Анну: женщины с тенью обыкновенно дурно кончают.

Linon. Типун вам на язык. Каренина прекрасная женщина. Мужа ее я не люблю, а ее очень люблю.

Бетси. Отчего же вы не любите мужа? Он такой замечательный человек. Муж говорит, что таких, как он, государственных людей мало в Европе.

Linon. И мне то же говорит муж, но я не верю. Если бы мужья наши не говорили, мы бы видели то, что есть, а Алексей Александрович, по-моему, просто глуп. Я шепотом говорю это... Не правда ли, как все ясно делается? Прежде, когда мне велели находить его умным, я все искала и находила, что я сама глупа, не видя его ума. А как только я сказала: – он глуп, но шепотом, – все так ясно стало, не правда ли?

Нордстон. Как вы злы нынче!

Linon. Нисколько. У меня нет другого выхода. Кто-нибудь из нас двух глуп. Ну, а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

Бетси. Никто не доволен своим состоянием, и всякий доволен своим умом

Linon. Вот-вот именно. Но дело в том, что Анну я вам не отдам. Она такая славная, милая. Что же ей делать, если все влюблены в нее и, как тени, ходят за ней?

Нордстон. Да я и не думаю осуждать.

Бетси. Если за нами никто не ходит, как тень, то это не доказывает, что мы имеем право осуждать.

Мягкая. О чем вы там злословите?

Linon. О Карениных. Графиня делала характеристику Алексея Александровича.

Мягкая. Жалко, что мы не слышали.

Нордстон. А вот и он. Искуситель. И что в нем хорошего? Ну, такой вот невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом.

Бетси. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежевыбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, все просто

и вместе изящно. И какие у него удивительные сплошные белые зубы ... (*Увидав кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.*) Ах, можно ли так подкрадываться? Как вы меня испугали.

Вронский. Эта певица ...

Бетси. Нет, не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете в музыке. Что ж вы не приехали обедать? Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных. Она не была. Но приезжайте после оперы. А как я вспоминаю ваши насмешки! Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

Вронский. Я только того и желаю, чтобы быть пойманным. Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

Бетси. Какую ж вы можете иметь надежду? Entendons nous ...

Вронский. Никакой. Виноват. Я боюсь, что становлюсь смешон.

Linon. В глазах всех роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна. Но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье ...

Нордстон. ... эта роль имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна ...

Бетси. И потому вы с гордою и веселою, играющею под вашими усами, улыбкой смотрите на меня. Так? Так отчего вы не приехали обедать?

Вронский. Это надо рассказать вам. Я был занят, и чем? Даю вам это из ста, из тысячи - не угадаете. Я мирил

мужа с оскорбителем его жены. Да, право!

Бетси. Что ж, и помирили?

Вронский. Почти.

Бетси. Надо, чтобы вы мне это рассказали. Приходите в тот антракт.

Вронский. Нельзя. Я еду во Французский театр. Мне там свиданье, все по этому делу моего миротворства.

Бетси. Блаженны миротворцы, они спасутся. Ну, так садитесь, расскажите, что такое?

Вронский. Это немножко нескромно, но так мило, что ужасно хочется рассказать. Я не буду называть фамилий.

Бетси. Но я буду угадывать, тем лучше.

Вронский. Слушайте же: едут два веселые молодые человека...

Бетси. Разумеется, офицеры вашего полка?

Вронский. Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшие молодые человека...

Бетси. Переводите: выпившие.

Вронский. Может быть. Едут на обед к товарищу, в самом веселом расположении духа. И видят, хорошенькая женщина обгоняет их на извозчике, оглядывается и, им по крайней мере кажется, кивает им и смеется. Они, разумеется, за ней. Скачут во весь дух.

Бетси. Зачем вы мне такие гадости рассказываете? Ну?

Вронский. Звонят. Выходит девушка, они дают письмо и уверяют девушку, что оба так влюблены, что сейчас умрут тут у двери. Девушка в недоумении ведет переговоры. Вдруг является господин с бакенбардами колбасиками, красный, как рак, объявляет, что в доме никто не живет, кроме его жены, и выгоняет обоих.

Бетси. Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, как

вы говорите, колбасиками?

Вронский. Опять я пускаю в ход дипломатию, и опять, как только надо заключить все дело, мой титулярный советник горячится, краснеет, колбасики поднимаются, и опять я разливаюсь в дипломатических тонкостях.

Бетси. Ах, это надо рассказать вам! Он так насмешил меня. Ну, *bonne chance*. А какова нынче Клер? Чудо! Сколько ни смотри, каждый день новая... Только одни французы могут это ... Она необыкновенно хороша как актриса; видно, что она изучила Каульбаха, вы заметили, как она упала...

Вронский. Ах, пожалуйста, не будем говорить про Нильсон!

Мягкая. Про нее нельзя ничего сказать нового. Мне нынче три человека сказали эту самую фразу про Каульбаха. И фраза, не знаю чем, так понравилась им.

Бетси. Расскажите нам что-нибудь забавное, но не злое.

Вронский. Говорят, что это очень трудно, что только злое смешно. Но я попробую. Дайте тему. Все дело в теме. Если тема дана, то вышивать по ней уже легко. Я часто думаю, что знаменитые говоруны прошлого века были бы теперь в затруднении говорить умно. Все умное так надоело...

Нордстон. Давно уж сказано.

Linon. Вы слышали, и Мальтищева, не дочь, а мать, шьет себе костюм *diable rose*.

Бетси. Не может быть! Нет, это прелестно!

Мягкая. Я удивляюсь, как с ее умом, не видеть, как она смешна.

Бетси. Они нас звали с мужем обедать, и мне сказывали, что соус на этом обеде стоил тысячу рублей, и очень

гадкий соус, что-то зеленое. Надо было бы их позвать, и я бы сделала соус на восемьдесят пять копеек, и все были бы очень довольны. Я не могу делать тысячерублевых соусов!

В ложу вошла Анна.

Анна. Я была у графини Лидии и хотела раньше приехать, но засиделась. У ней был сэр Джон. Очень интересный.

Нордстон. Вронский, а я думаю, что вы будете отличный медиум, в вас есть что-то восторженное.

Бетси. Давайте сейчас, княжна, испытаем столы, пожалуйста. В соседней комнате господин Ландо.

Линон. Но вы верите?

Вронский. Давайте сейчас попробуем, графиня.

Нордстон. Да. Господа. С нами ясновидящий, Жюль Ландо.

Вронский. Что такое Ландо?

Мягкая. Он приехал из Парижа. Всех лечит. Вылечил графиню Беззубову и она его усыновила. Теперь он граф Беззубов.

У стола собрались Бетси, графиня Нордстон, Корсунский, его жена Лиди, Анна, Вронский, мадмуазель Линон.

Нордстон. Начнем.

Лиди. Да, да... Теперь можно тушить?

Корсунский. Но почему же нужна темнота?

Бетси. Темнота? А потому что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

Linon. И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах, и при солнце.

Жюль Ландо. Можно тушить?

Нордстон. Да, да. Господа! Теперь прошу вниманья.

Бетси. Я одного боюсь: как бы Вронский не захрюкал поросенком.

Вронский. Хотите? Я хвачу...

Linon. Господа! Прошу не разговаривать, пожалуйста...

Жюль Ландо. Свет! Видите, свет?

Вронский. Свет! Да, да, вижу. Но позвольте...

Linon. Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

Лиди. Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила. Наш медиум, месье Жюль Ландо – вибрирует!

Жюль Ландо. Я не вибрирую. Да ничего подобного!

Нордстон. А ведь это он.

Бетси. Кто он?

Нордстон. Грек Николай. Его свет. Не правда ли, мадмуазель Линон?

Лиди. Что такое грек Николай?

Нордстон. Некий грек, монашествовавший при Константине в Царьграде и посещавший нас последнее время.

Мягкая. Где же он? Где же он? Я не вижу.

Linon. Его нельзя еще видеть. Месье Ландо, вы же медиум? Он будет особенно благосклонен к вам. Спросите его.

Жюль Ландо. Я?

Нордстон. Я спрошу. Николай! Ты это?

Linon. Он! Он!

Мягкая. Ай, ай! Я уйду.

Лиди. Почему же предполагается, что это он?

Нордстон. А два удара.

Жюль Ландо. Утвердительный ответ, иначе было бы молчание...

Молчание. Сдержанный хохот.

Нордстон. Замечайте, господа, вот колпак с лампы.

Жюль Ландо. Еще что-то. Карандаш! Граф, мсье Вронский, карандаш!

Нордстон. Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним, и за греком Николаем. Вы замечаете?

Вронский. Позвольте, позвольте. Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

Нордстон. Вы думаете? Так встаньте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

Жюль Ландо. Я не сплю.

Linon. Да... а-а!.. Странно, странно. Новое явление, надо записать...

Бетси. Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

Linon. Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе. Если вы желаете...

Жюль Ландо. Вы видите, видите?

Лиди. Да уж позвольте, батюшка, распорядиться, штука-то выходит серьезная.

Нордстон. Оставьте его. Он говорит уже во сне.

Мягкая. Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Жюль Ландо. Прошу помолчать.

Мягкая. Ай!

Нордстон. Что? Что?

Мягкая. Он меня за волосы взял.

Нордстон. Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

Мягкая. Ни за что!

Вронский. Да, странно, странно!

Нордстон. Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

Вронский. Позвольте, я спрошу.

Нордстон. Сделайте одолжение.

Вронский. Верю я или нет?

Жюль Ландо. Ответ утвердительный.

Вронский. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая бумажка?

Нордстон. Я бы просила присутствующих не делать неопределенных или шутливых вопросов. Ему неприятно.

Вронский. Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

Нордстон. Нитка? Держите ее. Это часто бывает, не только нитка, но и шелковые снурки, самые древние.

Вронский. Нет, однако откуда же нитка? Позвольте, позвольте!

Мягкая. Что-то мягкое ударило меня в голову.

Вронский. Позвольте свет, тут что-нибудь...

Жюль Ландо. Мы просим вас не нарушать проявления.

Мягкая. Ради бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

Жюль Ландо. Можно, можно. Спрашивайте.

Мягкая. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну? (*Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Вронский закричал, как грудной ребенок: «Уа! уа!» Хохот.*) Ах, это верно, и этот монах опять

родился!

Все смеются, зажигают свечи, переходят в зрительный зал театра. На сцене поет певица.

Вронский. Я надеюсь, что вы будете?

Бетси. А правда, что Власьева меньшая выходит за Топова?

Нордстон. Да, говорят, что это совсем решено.

Бетси. Я удивляюсь родителям. Говорят, это брак по страсти.

Linon. По страсти? Какие у вас антидиллювиальные мысли! Кто нынче говорит про страсти?

Вронский. Что делать? Эта глупая старая мода все еще не выводится.

Анна. Тем хуже для тех, кто держится этой моды... Я знаю счастливые браки только по рассудку.

Вронский. Да, но зато как часто счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали.

Анна. Но браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как скарлатина, чрез это надо пройти.

Вронский. Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, как оспу.

Linon. Я была в молодости влюблена в дьячка. Не знаю, помогло ли мне это.

Нордстон. Нет, я думаю, без шуток, что для того, чтоб узнать любовь, надо ошибиться и потом поправиться.

Анна. Даже после брака?

Вронский. Никогда не поздно раскаяться.

Бетси. Вот именно, надо ошибиться и поправиться. Как вы об этом думаете?

Анна. Я думаю, я думаю... если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви. А я получила из Москвы письмо. Мне пишут, что Кити Щербацкая очень больна.

Вронский. Неужели?

Анна. Вас не интересует это?

Вронский. Напротив, очень. Что именно вам пишут, если можно узнать?

Анна. Я часто думаю, что мужчины не понимают того, что неблагородно, а всегда говорят об этом. Я давно хотела сказать вам ...

Вронский. Я не совсем понимаю значение ваших слов.

Анна. Да, я хотела сказать вам. Вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

Вронский. Разве я не знаю, что я дурно поступил? Но кто причиной, что я поступил так?

Анна. Зачем вы говорите мне это?

Вронский. Вы знаете - зачем.

Анна. Это доказывает только то, что у вас нет сердца.

Вронский. Вы знаете, что оно есть, но вы боитесь этого. То, о чем вы сейчас говорили, была ошибка, а не любовь.

Анна. Вы помните, что я запретила вам произносить это слово, это гадкое слово. Я вам давно это хотела сказать, а нынче я нарочно приехала, зная, что я вас встречу. Я приехала сказать вам, что это должно кончиться. Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною в чем-то.

Вронский. Чего вы хотите от меня?

Анна. Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити.

Вронский. Вы не хотите этого.

Анна. Если вы любите меня, как вы говорите, то сделайте, чтоб я была спокойна.

Вронский. Разве вы не знаете, что вы для меня вся жизнь. Но спокойствия я не знаю и не могу вам дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о вас и о себе отдельно. Вы и я для меня одно. И я не вижу впереди возможности спокойствия ни для себя, ни для вас. Я вижу возможность отчаяния, несчастья... Или я вижу возможность счастья, какого счастья!.. Разве оно невозможно?

Анна. Так сделайте это для меня, никогда не говорите мне этих слов, и будем добрыми друзьями.

Вронский. Друзьями мы не будем, вы это сами знаете. А будем ли мы счастливейшими, или несчастнейшими из людей — это в вашей власти. Ведь я прошу одного, прошу права надеяться, мучаться, как теперь. Но если и этого нельзя, велите мне исчезнуть, и я исчезну. Вы не будете видеть меня, если мое присутствие тяжело вам.

Анна. Я не хочу никуда прогонять вас.

Вронский. Только не изменяйте ничего. Оставьте все как есть. Вот ваш муж.

Алексей Александрович своею спокойною, неуклюжею походкой входил в гостиную.

Оглянув жену и Вронского, он подошел к хозяйке и, усевшись за чашкой чая, стал говорить своим неторопливым, всегда слышимым голосом, подтрунивая над кем-то.

Каренин. Едем домой, Анна.

Анна. Сейчас. Я останусь ужинать.

Каренин. Ужинать? Прощайте.

Вронский. Вы ничего не сказали. Положим, я ничего и не требую, но вы знаете, что не дружба мне нужна, мне возможно одно счастье в жизни, это слово, которого вы так не любите... Да, любовь...

Анна. Любовь... Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишком много значит, больше гораздо, чем вы можете понять. До свиданья!

Она подала ему руку и скрылась в карете.

Ее взгляд, прикосновение руки прожгли его.

Он поцеловал свою ладонь в том месте, где она тронула его.

Девятая картина

Алексей Александрович не раздеваясь, ходил взад и вперед по паркету освещенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, в которой свет отражался только на большом портрете его, висевшем над диваном, и освещая портреты родных.

Каренин. Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение. Но высказать что же? Какое решение? Да наконец, что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну что же? Мало ли женщина в свете с кем может говорить? И потом, ревновать – значит унижать и себя, и ее. Да, это необходимо решить и прекратить, и высказать свой взгляд ... Как решить? Ревность есть чувство, унижающее жену, но всё же – случилось что-то ... Переноситься мыслью и чувством в другое существо - душевное действие, чуждое мне. Я считаю это душевное действие вредным и опасным фантазерством. И ужаснее всего то, что теперь именно, когда подходит

к концу мое дело, нужно все спокойствие и все силы души, теперь на меня сваливается эта бессмысленная тревога. Я не из таких людей, которые переносят беспокойство и тревоги и не имеют силы взглянуть им в лицо. Я должен обдумать, решить и отбросить. Вопросы о ее чувствах, о том, что делалось и может делаться в ее душе, это не мое дело. Итак, вопросы о ее чувствах и так далее – суть вопросы ее совести, до которой мне не может быть дела.

Этот жест – соединение рук и трещанье пальцев – всегда успокаивал его.

Десятая картина

Анна давно стояла и слушала, играя кистями башлыка.

Анна. С кем ты говоришь, Алексей Александрович?

Каренин. Как глава семьи, я лицо, обязанное руководить, и потому отчасти лицо ответственное. Я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я должен высказать.

Анна. Опять лекция. Я ничего не понимаю. Что?

Каренин. Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия. Во-вторых, религиозное объяснение значения брака. В третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына. В-четвертых, указание на твое собственное несчастье.

Анна. Ты не в постели? Вот чудо! Пора, Алексей Александрович.

Каренин. Анна, мне нужно поговорить с тобой.

Анна. Со мной? Что же это такое? О чем это? Ну, давай

переговорим, если так нужно. А лучше бы спать.

Каренин. Анна, я должен предостеречь тебя.

Анна. Предостеречь? В чем?

Каренин. Всякую свою радость, веселье, горе ты всегда тотчас сообщала мне. Я хочу предостеречь тебя в том, что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе. Твой слишком оживленный разговор сегодня с графом Вронским обратил на себя внимание.

Анна. Ты всегда так. То тебе неприятно, что я скучна, то тебе неприятно, что я весела. Мне не скучно было. Это тебя оскорбляет? *(Алексей Александрович вздрогнул и загнул руки, чтобы трещать ими.)* Ах, пожалуйста, не трещи, я так не люблю.

Каренин. Анна, ты ли это?

Анна. Да что ж это такое? Что тебе от меня надо?

Каренин. Я вот что намерен сказать. Я признаю, ты знаешь, ревность чувством оскорбительным и унижительным и никогда не позволю себе руководиться этим чувством. Но есть известные законы приличия, которые нельзя преступать безнаказанно. Нынче не я заметил, но, судя по впечатлению, какое было произведено на общество, все заметили, что ты вела и держала себя не совсем так, как можно было желать.

Анна. Решительно ничего не понимаю. Но в обществе заметили, и это тревожит его. Ты не здоров, Алексей Александрович. *(Она, отклонив голову назад, набок, начала своею быстрою рукой выбирать шпильки.)* Я слушаю, что будет. Даже с интересом слушаю, потому что желала бы понять, в чем дело.

Каренин. Входить во все подробности твоих чувств я не

имею права и вообще считаю это бесполезным и даже вредным. Копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Твои чувства – это дело твоей совести. Но я обязан пред тобою, пред собой и пред Богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богом.

Анна. Сколько пафоса ...

Каренин. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару.

Анна. Ничего не понимаю. Ах, боже мой, и как мне на беду спать хочется!

Каренин. Анна, ради бога, не говори так. Может быть, я ошибаюсь, но поверь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, как и за тебя. Я муж твой и люблю тебя.

Анна. Алексей Александрович, право, я не понимаю.

Каренин. Позволь, дай договорить мне. Я люблю тебя. Но я говорю не о себе. Главные лица тут – наш сын и ты сама. Очень может быть, повторяю, тебе, покажутся совершенно напрасными и неуместными мои слова. Может быть, они вызваны моим заблуждением. В таком случае я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малейшие основания, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебе говорит, высказать мне...

Анна. Мне нечего говорить. Да и ... право, пора спать.

Анна вышла.

Каренин. Ты не хотела объясниться со мной, тем хуже для тебя. Теперь уж ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тем хуже для тебя. Так на же тебе!

Так сгоришь за это!

Алексей Александрович вздохнул и, не сказав больше ничего, отправился в спальню.

Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту, что он еще раз заговорит с нею.

Она долго ждала неподвижно, и уже забыла о нем.

Вдруг она услышала ровный и спокойный носовой свист.

Анна. Поздно, поздно, уж поздно.

Одиннадцатая картина

Скачки. Каренин сидит в ложе.

Каренин. Опасность в скачках военных, кавалерийских, есть необходимое условие скачек. Если Англия может указать в военной истории на самые блестящие кавалерийские дела, то только благодаря тому, что она исторически развивала в себе эту силу животных и людей. Спорт, по моему мнению, имеет большое значение, и, как всегда мы видим только самое поверхностное.

Бетси. Не поверхностное. Один офицер, говорят, сломал два ребра.

Каренин. Положим, княгиня, что это не поверхностное, но внутреннее. Но не в том дело, не забудьте, что скачут военные, которые избрали эту деятельность, и согласитесь, что всякое призвание имеет свою оборотную сторону медали. Это прямо входит в обязанности военного. Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства. Но специализированный спорт есть признак развития.

Бетси. Нет, я не поеду в другой раз. Это меня слишком волнует. Не правда ли, Анна?

Нордстон. Волнует, но нельзя оторваться. Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Щербацкий. Вы не скачете?

Каренин. Моя скачка труднее. Есть две стороны, исполнителей и зрителей. И любовь к этим зрелищам есть вернейший признак низкого развития для зрителей, я согласен, но...

Стива. Княгиня, пари! За кого вы держите?

Бетси. Мы с Анной за князя Кузовлева.

Стива. Я за Вронского. Пара перчаток.

Бетси. Идет!

Стива. А как красиво, не правда ли?

Каренин. Я согласен, но мужественные игры ...
Недостает только цирка с львами ...

Когда Вронский упал, Анна ахнула.

Она стала биться: то хотела встать, то обращалась к Бетси.

Анна. Поедем, поедем, Бетси.

Каренин. Пойдемте, если вам угодно.

Щербацкий. Вронский сломал ногу, говорят. Это ни на что не похоже.

Анна. Стива! Стива!

Каренин. Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти.

Анна. Нет, нет, оставьте меня, я останусь.

Каренин. В третий раз предлагаю вам свою руку.

Бетси. Нет, Алексей Александрович, я увезла Анну, и я обещалась отвезти ее.

Каренин. Извините меня, княгиня, но я вижу, что Анна не совсем здорова, и желаю, чтоб она ехала со мною.

Бетси. Я пошлю к нему, узнаю и пришлю сказать.

Двенадцатая картина

Анна молча села в карету Алексея Александровича и молча выехала из толпы экипажей.

Каренин. Как, однако, мы все склонны к этим жестоким зрелищам. Я замечаю...

Анна. Что? Я не понимаю.

Каренин. Я должен сказать вам, что вы неприлично ведете себя нынче.

Анна. Чем я неприлично вела себя? Что вы нашли неприличным?

Каренин. То отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездоков. Я уже просил вас держать себя в свете так, что злые языки не могли ничего сказать против вас. Было время, когда я говорил о внутренних отношениях. Я ведь не говорю про них. Теперь я говорю о внешних отношениях. Вы неприлично держали себя, и я желал бы, чтоб это не повторялось. Может быть, я ошибаюсь. В таком случае я прошу извинить меня.

Анна. Нет, вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу вас переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной что хотите. Я дурная женщина, я погибшая женщина, но я не люблю лгать, я не переносу лжи, а ваша пища – ложь. Вы все знаете, все видите. Что же вы чувствуете, если можете так спокойно говорить? Убейте меня, убейте Вронского, и я бы уважала вас. Но нет, вам нужны только ложь и приличие.

Каренин. Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, пока я приму меры,

обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам.

Он вышел вперед и высадил ее.

Анна. Как хорошо я сделала, что все сказала ему. Боже мой, как светло! Это страшно, но я люблю видеть его лицо и люблю этот фантастический свет ... Муж! Ах, да ... Ну, и слава Богу, что с ним все кончено.

Второе действие

Первая картина

Церковь была полна народу, вся Москва, родные и знакомые. Во время обряда обручения не переставал прилично-тихий говор. Лёвин и Кити шли рука об руку.

Толпа. Приехали! Который? Помоложе, что ль? А она-то, матушка, ни жива ни мертва!

Кити. Тебя нет и нет. Я думала уже, что ты хотел бежать...

Стива. Ну, Костя, надо решить важный вопрос. Ты в состоянии оценить всю важность его. У меня спрашивают: обожженные ли свечи зажечь, или необожженные? Разница десять рублей. Я решил, но боюсь, что ты не изъявишь согласия.

Лёвин. А?

Стива. Так как же? Необожженные или обожженные? Вот вопрос.

Лёвин. Да, да! Необожженные.

Стива (*хохочет*). Я рад. Вопрос решен! Однако, как глупеют люди в этом положении.

Щербацкая. Смотри, Кити, первая стань на ковер.

Мягкая. Что, не страшно?

Нордстон. Тебе не свежо ли? Ты бледна. Постой, нагнись!

Мать округлив свои полные прекрасные руки, с улыбкою поправила ей цветы на голове.

Долли подошла, хотела сказать что-то, но не смогла, заплакала и неестественно засмеялась.

Корсунский. Берите за руку невесту и ведите.

Лиди. Что же это графиня Нордстон в лиловом, точно черное, на свадьбу?

Linon. С ее цветом лица одно спасенье ... Я удивляюсь, зачем они вечером сделали свадьбу. Это прям какое-то купечество ...

Бетси. Красивее вечером. Я тоже венчалась вечером. Ах, как смешно был влюблен мой муж и как теперь все другое.

Стива. Говорят, что кто больше десяти раз бывает шафером, тот не женится.

Корсунский. Я хотел десятый быть, чтобы застраховать себя, но место было занято.

Linon. Когда вы разведетесь с вашей Лиди, и мы будем стоять под венцом, я тогда напомним вам вашу теперешнюю шутку.

Щербацкий. Я намерен надеть венец на шиньон Кити, чтоб она была счастлива.

Щербацкая. Не надо надевать шиньона. Я не люблю это!

Нордстон. Надо поправить венок. А все-таки он не стоит ее пальца. Не правда ли?

Бетси. Нет, он мне очень нравится. И как он хорошо себя держит! А это так трудно держать себя хорошо в этом положении — не быть смешным. А он не смешон, не натянут, он видно, что тронут.

Нордстон. Кажется, вы ждали этого?

Бетси. Почти. Глупая какая. Она всегда его любила.

Щербацкая. Ну, будем смотреть, кто из них прежде станет на ковер. Я советовала Кити.

Нордстон. Все равно, мы все покорные жены, это у нас в породе.

Калинина. А я так нарочно первая стала на ковер с Васильем.

Линн. А вы, Долли?

Долли. Я вспоминаю мою милую Анну, и все подробности о предполагаемом разводе. И она также, чистая, стояла в померанцевых цветах и вуале. А теперь что?

Лиди. Что же она так заплакана? Или поневоле идет?

Калинина. Чего же поневоле за такого молодца? Он князь, что ли?

Мягкая. А это сестра в белом атласе?

Матвей. Ну, слушай, сейчас как рявкнет дьякон: «Да боится своего мужа!».

Мягкая. Я лакея спрашивала. Говорит, сейчас везет к себе в деревню.

Матвей. Богат страсть, говорят. Затем и выдали. Нет, парочка хороша.

Цирюльник. А вот вы спорили, Марья Власьевна, что карналины в отлет носят. Глянь-ка у той в пюсовом, она посланница, говорят, с каким подбором... Так, и опять этак.

Матрена. Экая милочка невеста-то, как овечка убранная!

Калинина. А как ни говорите, жалко нашу сестру. Я вот, идучи, ищущи счастья, давеча, как в церкви таперича ...

Священник. Бог сотворил жену из ребра Адама, и сего ради оставит человек отца и мать и прилепится к жене, будет два в плоть едину, тайна сия велика есть, помолимся, чтобы Бог дал вам плодородие и благословение, и чтоб вы видели сыны сынов своих ...

Кити. Все это прекрасно, все это и не может быть иначе ... Я плачу!

Бетси. Я тоже! Мы все рыдаем!

Священник. Поцелуйте жену, и вы поцелуйте мужа.

Лёвин. Неужели это правда?

Хор. Бла-го-сло-ви, вла-дыко!

Священник. Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков ... О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся ...

Лёвин. Как они догадались, что помощи мне надо, именно помощи? Что я знаю? Что я могу в этом страшном деле женитьбы, без помощи? Именно помощи мне нужно теперь ...

Священник. Боже вечный, расстоящийся собравый в соединение, и союз любви положительный им неразрушимый, сам благослови и рабы твоя сия, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и тебе славу воссылаем, отцу, и сыну, и святому духу, ныне и присно и во веки веков ...

Хор. А-минь ...

Священник. Обручается раб божий Константин рабе божией Екатерине ... *(Он передал Кити большое кольцо, а Лёвину маленькое, они запутались и два раза передавали кольцо из руки в руку, и все-таки выходило не то, что требовалось.)* Ты бо изначально создал

еси мужеский пол и женский, призри на раба твоего Константина и на рабу твою Екатерину и утверди обручение их в вере, и единомыслии, и истине, и любви...

Лёвин плакал и не вытирал слёз. Кити сияла улыбкой. Вся церковь плакала от умиления.

Вторая картина

Каренин вошел в дом, отдал лакею пальто и шляпу.

Каренин. В телеграмме стоит: «Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее». Да. Нет обмана, пред которым она бы остановилась. Она должна родить. Может быть, это болезнь родов? Но какая же цель? Узаконить ребенка, компрометировать меня и помешать разводу. Но что-то там сказано: умираю... Что барыня?

Аннушка. Вчера разрешились благополучно.

Каренин. А здоровье?

Аннушка. Очень плохи. Вчера был докторский съезд, и теперь доктор здесь.

Каренин. Возьми вещи. Кто здесь?

Аннушка. Доктор, акушерка и граф Вронский. Слава Богу, что вы приехали! Только об вас и об вас.

Доктор. Дайте же льду скорее!

Каренин прошел в кабинет. У стола сидел Вронский и плакал. Увидав мужа, он вскочил, опять сел.

Вронский. Она умирает. Доктора сказали, что нет надежды. Я весь в вашей власти, но позвольте мне быть тут ... Впрочем, я в вашей воле, я при ...

Алексей Александрович подошел к кровати. Она лежала, повернувшись лицом к нему. Она говорила скоро, звучно

и с необыкновенно правильными и прочувствованными интонациями.

Анна. Какая странная, ужасная судьба, что оба Алексеи? ... Алексей не отказал бы мне. Да что ж он не едет? Он добр, он сам не знает, как он добр. Дайте мне поскорее воды!

Вронский. Анна Аркадьевна, он приехал. Вот он!

Анна. Он еще не приехал. Его глаза, у Сережи точно такие же, и я их видеть не могу ... *(Она сжалась, затихла и с испугом, как будто ожидая удара, как будто защищаясь, подняла руки к лицу. Он взял ее за руку и хотел что-то сказать, но не мог выговорить.)*

Нет, я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексей, подойди сюда. Я тороплюсь, мне некогда, мне осталось жить немного. Теперь я все вижу. Постойте ... Я умираю, я знаю, что умру. Ты прости меня! Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, уйди ... Да снимите же с меня эти шубы! Открой лицо, смотри на него. *(Алексей Александрович взял руки Вронского.)* Поддай ему руку. Прости его. Только немножко вытянуть ноги. Как эти цветы сделаны без вкуса. Когда это кончится? Дайте мне морфину. Доктор! Дайте же морфину.

Доктор. Из ста 99, что кончится смертью. Весь день жар, бред и беспамятство.

Аннушка. Ждем конца каждую минуту.

Каренин. Оставайтесь, может быть, она спросит вас.

Вронский. Алексей Александрович, я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Как вам ни тяжело, поверьте, что мне еще ужаснее!

Каренин. Я должен вам объяснить свои чувства,

те, которые руководили мной и будут руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я решился на развод и даже начал это дело. Признаюсь вам, что желание мстить вам и ей преследовало меня. Скажу больше: я желал ее смерти. Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я хочу подставить другую щеку, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения! Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам. Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с ней и буду. Если она пожелает вас видеть, я дам вам знать, но теперь, я полагаю, вам лучше удалиться.

Рыданья прервали его речь. Вронский исподлобья глядел на него. Он не понимал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему в его мировоззрении.

Третья картина

Еще Бетси не успела выйти из залы, как Степан Аркадьич, только что приехавший от Елисеева, где были получены свежие устрицы, встретил ее в дверях.

Стива. А! Княгиня! Вот приятная встреча! А я был у вас.

Бетси. Встреча на минуту, потому что я уезжаю.

Стива. Постойте, княгиня, надевать перчатку, дайте поцеловать вашу ручку. Ни за что я так не благодарен возвращению старинных мод, как за целованье рук. Когда же увидимся?

Бетси. Вы не стоите.

Стива. Нет, я очень стою, потому что я стал самый

серьезный человек. Я не только устраиваю свои, но и чужие семейные дела.

Бетси. Ах, я очень рада! Он уморит ее. Это невозможно, невозможно ...

Стива. Я очень рад, что вы так думаете, я для этого приехал в Петербург.

Бетси. Весь город об этом говорит. Это невозможное положение. Она тает и тает. Он не понимает, что она одна из тех женщин, которые не могут шутить своими чувствами. Одно из двух: или увези он ее, энергически поступи, или дай развод. А это душит ее.

Стива. Да, да, именно... Я за тем и приехал. То есть не собственно за тем ... Меня сделали камергером, ну, надо было благодарить. Но, главное, надо устроить это.

Бетси. Ну, помогай вам Бог!

Проводив княгиню Бетси до сеней, Степан Аркадьич пошел к сестре.

Стива. Как здоровье и как провела утро?

Анна. Очень дурно. И день, и утро, и все прошедшие и будущие дни.

Стива. Мне кажется, ты поддаешься мрачности. Надо встряхнуться, надо прямо взглянуть на жизнь. Я знаю, что тяжело, но ...

Анна. Я не могу жить с ним. Его вид физически действует на меня, я выхожу из себя. Я не могу, не могу жить с ним. Что же мне делать? Ты согласишься ли, что я, зная, что он добрый, превосходный человек, что я ногтя его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушие. И мне ничего не остается, кроме...

Стива. Ты больна и раздражена, ты преувеличиваешь. Тут нет ничего страшного.

Анна. Нет, Стива. Я погибла! Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть.

Стива. Позволь мне сказать откровенно. Ты вышла замуж за человека, который на двадцать лет старше тебя - без любви или не зная любви. Потом ты имела, скажем, несчастье полюбить не своего мужа. Это несчастье, но это совершившийся факт. И муж твой признал и простил это. Это так. Теперь вопрос в том: можешь ли ты продолжать жить с своим мужем? Желает ли он этого?

Анна. Я ничего не знаю. Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть.

Стива. Ничего, мы подстелем и подхватим тебя. Ты мучишься, он мучится, и что же может выйти из этого? Тогда как развод развязывает все. Мне вас жалко! И как бы я счастлив был, если б устроил это! Не говори ничего! Я пойду к нему. (*Степан Аркадьич вошел в кабинет Алексея Александровича.*) Я не мешаю тебе?

Каренин. Нет. Тебе нужно что-нибудь?

Стива. Да, мне хотелось... мне нужно по ... да, нужно поговорить. Я намерен был, я хотел поговорить о сестре и о вашем положении взаимном.

Каренин. Я начал писать, полагая, что я лучше скажу письменно.

Степан Аркадьич взял письмо и стал читать.

Стива. «Я вижу, что мое присутствие тяготит вас. Я не виню вас, и Бог мне свидетель, что я, увидев вас во время вашей болезни, от всей души решился забыть все, что было между нами, и начать новую жизнь. Скажите мне вы сами, что даст вам истинное счастье и спокойствие вашей души ...»

Каренин. Вот что я хотел сказать ей.

Стива. Да, да... Да, да. Я понимаю вас.

Каренин. Я желаю знать, чего она хочет.

Стива. Если ты позволяешь мне сказать свое мнение, то я думаю, что от тебя зависит указать те меры, которые ты находишь нужными, чтобы прекратить это положение.

Каренин. Какой же выход из нашего положения?

Стива. Одно возможно, это – прекращение отношений.

Каренин. Развод.

Стива. Да, я полагаю, что развод. Да, развод. Что же делать, если супруги нашли, что жизнь для них невозможна вместе? Это всегда может случиться.

Каренин. Развод невозможен. Чувство собственного достоинства не позволяют принять обвинение в фиктивном прелюбодеянии. Согласившись на развод, я погублю Анну. Через год-два или он бросит ее, или она вступит в новую связь. И я, согласившись на незаконный развод, буду виновником ее гибели. Дело развода совершенно невозможно.

Стива. Вопрос только в том, как, на каких условиях ты согласишься сделать развод. Алексей Александрович, это несчастье роковое, и надо признать его. Я признаю это несчастье совершившимся фактом и стараюсь помочь и ей, и тебе.

Каренин. Боже мой! За что? Какая разница между мною и государем? Государь делает развод - и никому оттого не лучше, а я сделал развод, и троим стало лучше... Или: какое сходство между мной и государем? Когда ... Впрочем, придумаю лучше.

Четвертая картина

Играют в крокет.

Мягкая. Ну что же, развод. Слышали? Вронский даже стрелялся из-за нее.

Линн. Какой дурак. Сколько баб еще есть на свете, Боже ты мой ...

Лиди. А что лучше: мнение света или любовь?

Нордстон. Кого интересуется ваше мнение?

Мягкая. Они уехали за границу, от стыда. Уехали, чтобы проветриться.

Бетси. Что там проветривать?

Лиди. Он там занялся живописью.

Жюль Ландо. Он художник? Ну, нельзя запретить Вронскому баловаться живописью, все дилетанты имеют право писать, что им угодно, но как это неприятно.

Нордстон. Нельзя запретить человеку сделать большую куклу из воска и целовать ее.

Жюль Ландо. Но если б этот человек с куклой пришел и сел пред влюбленным и принялся бы ласкать свою куклу, как влюбленный ласкает ту, которую он любит, то влюбленному было бы неприятно.

Нордстон. Вы бредите, господин Ландо. Вы совсем обабились. Остались в России и стали, как баба последняя. Сплетни собираете.

Жюль Ландо. Нет, я не русский, я общаюсь с греком Николаем каждый день!

Корсунский. Художник Михайлов рассказывал, что при виде живописи Вронского ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно.

Бетси. Анна прекрасно поступила, и я не стану

упрекать ее. Она счастлива, делает счастье другого человека и не забита, как я, и так же, как всегда, свежа, умна, открыта ко всему.

Корсунский. Не провести ли нам очередной сеанс? Мы можем позвать Каренина?

Нордстон. Молчите. Вы не достойный упоминать его имя. Я еду к нему.

Жюль Ландо. Вы влюблены в него? Об этом весь Петербург говорит! Ну, дела!

Нордстон. Не ваше дело!

Пятая картина

Графиня Нордстон приехала к Каренину вместе с Жюлем Ландо и без доклада вошла в его кабинет. Каренин сидел, опершись головой на обе руки.

Нордстон. J'ai force la consigne. Я все знаю! Друг мой, Алексей Александрович ...

Каренин. Я не принимаю, потому что я болен, графиня ...

Нордстон. Друг мой! Горе ваше велико, но вы должны найти утешение.

Каренин. Я разбит! Положение мое тем ужасно, что я не нахожу точки опоры!

Нордстон. Вы найдете опору во мне. Опора наша есть любовь, та любовь, которую Он завещал нам. Бремя Его легко. Он поддержит вас и поможет вам.

Каренин. Я слаб. Я уничтожен. Это дурно, но я не могу, я не могу ...

Нордстон. Не вы совершили тот высокий поступок прощения, которым я восхищаюсь и все, но Он, обитая в вашем сердце, и потому вы не можете стыдиться своего

поступка.

Каренин. Силы человека имеют пределы, графиня. Целый день я должен был делать распоряжения по дому, вытекавшие из моего одинокого положения. Прислуга, гувернантка, счета... Этот мелкий огонь сжег меня, я не в силах был выдержать. А еще вот этот счет, на синей бумаге, за её шляпку, ленты, я не могу смотреть на него без жалости к самому себе.

Нордстон. Я понимаю, друг мой. Вам нужно женское слово, женское распоряжение. Вы поручаете мне? Я не сильна в практических делах. Но я буду ваша экономка. Не благодарите меня. Я делаю это не сама, но Он делает это ...

Каренин. Я не могу не благодарить.

Нордстон. Благодарить меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь.

Каренин. Я очень, очень благодарен вам и за дела, и за слова ваши.

Нордстон. Я приступаю к делу. В крайнем случае я обращусь к вам. Я иду к Сереже. (*Графиня пошла на половину Сережи и там, обливая слезами испуганного мальчика, сказала ему.*) Сереженька! Отец твой святой! А мама твоя умерла! Да, умерла! Спокойнее, мой друг! Ничего страшного! Сереженька: я бывала влюблена во всех выдающихся людей. Я была влюблена во всех принцесс и принцев, в одного митрополита, в одного священника, в одного журналиста, в одного министра, одного английского миссионера ...

Жюль Ландо. Но ведь все эти любви, то ослабевая, то усиливаясь, не мешали вам в ведении самых

распространенных и сложных придворных и светских отношений.

Нордстон. С тех пор как, я взяла Каренина под свое покровительство, я почувствовала, что все остальные любви не настоящие, а что я влюблена теперь в одного только Каренина!

Каренин. Графиня, позвольте ...

Нордстон. Вот господин Ландо. Он вам скажет, что и как! Николай, это ты? Он спит.

Жюль Ландо. Нет, это я, Жюль Ландо. И я не сплю.

Нордстон. Mon ami, donnez lui la main. Vous voyez? Шш! *Француз спал или притворялся, что спит и рукой делал слабые движения, как будто ловя что-то. Алексей Александрович осторожно положил свою руку в руку француза.*

Жюль Ландо. Que la personne qui est arrivee la derniere, celle qui demande! Qu'elle sorte!

Каренин. Что?

Нордстон. Он говорит: «Пусть тот, кто пришел последним, тот, кто спрашивает, пусть он выйдет! Пусть выйдет!» ...

Жюль Ландо. Qu'elle sorte! Пусть выйдет!

Каренин. C'est moi, n'est ce pas? Это относится ко мне, не так ли? Я понял. Выйти? Ясно. То есть, я должен отказать ей в разводе?

Нордстон. Да, mon ami! Отказать!

Шестая картина

одна из первых дам петербургского света, которую увидел Вронский, была его кузина Бетси.

Бетси. Как я рада! Где вы остановились? Я воображаю,

как после вашего прелестного путешествия в Рим вам ужасен наш Петербург. Что развод? Всё сделали?

Вронский. Развода еще не было.

Бетси. Положим, я забросила свой чепец через мельницу, но другие поднятые воротники будут вас бить холодом, пока вы не женитесь. Ты знаешь, Алексей, как я люблю тебя и как готова все для тебя сделать, но я не могу тебе и Анне Аркадьевне быть полезною. Не думай, чтобы я осуждала. Никогда. Я на ее месте сделала бы то же самое. Но надо называть вещи по имени. Ты хочешь, чтобы я поехала к ней, принимала бы ее и тем реабилитировала бы ее в обществе. Но ты пойми, что я не могу этого сделать. Ну, я приеду к Анне Аркадьевне. Она поймет, что я не могу ее звать к себе, это ее же оскорбит. Я не могу поднять ее ...

Вронский. Она упала не более, чем сотни женщин, которых вы принимаете!

Бетси. Алексей! Не сердись на меня. Пожалуйста, пойми, что я не виновата.

Вронский. Я не сержусь, но мне больно вдвойне. Мне больно еще то, что это разрывает нашу дружбу. Ты понимаешь, что и для меня это не может быть иначе.

И с этим он вышел от нее.

Седьмая картина

Долли приехала к Анне. Ее встретила Аннушка.

Долли. Где Анна Аркадьевна?

Аннушка. Сейчас будут. Я вам хочу сказать насчет положения барыни, в особенности насчет любви и преданности графа к Анне Аркадьевне ...

Долли. Помолчала бы, милая. Вижу, прислуге дали

волю в этом доме?

Аннушка. Я с Анной Аркадьевной выросла, они мне дороже всего. Что ж, не нам судить. А уж так, кажется, любить...

Долли. Так, пожалуйста, отдай вымыть, если можно ...

Аннушка. Слушаю-с. У нас на постирушечки две женщины приставлены особо, а белье все машиной. Граф сами до всего доходят. Уж какой муж...

Долли. Ступай вон, сказала!

Вронский (*вошел*). Как я рад, Дарья Александровна, вашему приезду. Вы имеете влияние на Анну, помогите мне. Если вы приехали к нам, то я понимаю, что вы сделали это не потому, что вы считаете наше положение нормальным, но потому, что вы все так же любите ее и хотите помочь ей. Так ли я вас понял?

Долли. О да, но... Я понимаю. Положение ее тяжело в свете, я понимаю.

Вронский. В свете - это ад! Нельзя представить себе моральных мучений хуже тех, которые она пережила в Петербурге в две недели ...

Долли. Да, но здесь, пока вы не чувствуете нужды в свете, вы счастливы и спокойны.

Вронский. Она счастлива. Но я? Виноват, вы хотите идти?

Долли. Нет, все равно.

Вронский. Ну, так сядемте здесь. Я вижу, она счастлива. Но может ли это так продолжаться? У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Моя дочь по закону - не моя дочь, а Каренина. И если завтра родится сын, мой сын, и он по закону - Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния. Я пробовал

говорить про это Анне. Она не понимает. Представьте себе положение человека, который знает, что дети его и любимой им женщины не будут его, а чьи-то, кого-то того, кто их ненавидит и знать не хочет.

Долли. Да, разумеется, я это понимаю. Но что может Анна?

Вронский. Анна может, это зависит от нее ... Для того, чтобы просить государя об усыновлении, необходим развод. Муж ее согласен был на развод - тогда ваш муж совсем было устроил это. Стоило бы только написать ему. Я понимаю, что ей мучительно. Княгиня, я за вас хватаюсь, как за якорь спасения. Помогите мне уговорить ее требовать развода! Употребите ваше влияние на нее, сделайте, чтоб она написала.

Долли. Да, разумеется. Хорошо, я поговорю. Но как она сама не думает? Мне вспомнилось, что Анна щурится, когда дело касается душевных сторон жизни. Точно она на свою жизнь щурится, чтобы не всё видеть. Непременно, я буду говорить с ней ...

Долли уже хотела ложиться, когда Анна в ночном костюме вошла к ней.

Анна. Ну, что Кити? Правду скажи мне, Долли, не сердится она на меня?

Долли. Сердится? Нет.

Анна. Но ненавидит, презирает?

Долли. О нет! Но ты знаешь, это не прощается.

Анна. Да, да. Но я не была виновата. И кто виноват? Что такое виноват? Разве могло быть иначе? Ну, как ты думаешь? Могло ли быть, чтобы ты не была жена Стивы?

Долли. Право, не знаю. Но вот что ты мне скажи...

Анна. Да, но мы не кончили про Кити. Она счастлива? Он прекрасный человек, говорят.

Долли. Это мало сказать, что прекрасный. Я не знаю лучше человека.

Анна. Ах, как я рада! Я очень рада! Мало сказать, что прекрасный человек ...

Долли. Но ты мне скажи про себя. Мне с тобой длинный разговор. И мы говорили с...

Анна. С Алексеем, я знаю, что вы говорили. Но я хотела спросить тебя прямо, что ты думаешь обо мне, о моей жизни?

Долли. Как так вдруг сказать? Я, право, не знаю.

Анна. Нет, ты мне все-таки скажи... Ты видишь мою жизнь. Но представь себе, что я живу одна без него, и я вижу, что это будет повторяться, что он половину времени будет вне дома. Я насильно не удержу его. Нынче скачки, его лошади скачут. Очень рада. Но подумай обо мне, представь мое положение... Да что говорить! Так о чем же он говорил с тобой?

Долли. Он говорил, нельзя ли исправить положение... Надо выйти замуж...

Анна. То есть развод? Ты знаешь, единственная женщина, которая приехала ко мне в Петербурге, была Бетси Тверская? Она была в связи с Тушкевичем, обманывая мужа. И она сказала, что она меня знать не хочет, пока мое положение будет неправильно. Не думай, чтобы я сравнивала... Но я невольно вспомнила... Ну, так что же он сказал тебе?

Долли. Он сказал, что страдает за тебя и за себя. Ему хочется узаконить свою дочь и быть твоим мужем. Ну, и

самое законное — он хочет, чтобы дети ваши имели имя.

Анна. Какие дети?

Долли. Маленькой Ани и будущие...

Анна. Это он может быть спокоен, у меня не будет больше детей.

Долли. Как же ты можешь сказать, что не будет?..

Анна. Не будет, потому что я этого не хочу. Мне доктор сказал после моей болезни ...

Долли. Не может быть!

Анна. Подумай, у меня выбор из двух: быть беременною, то есть больною, или быть товарищем мужа. Для тебя еще может быть сомнение, но для меня... Ты пойми, я не жена. Он любит меня до тех пор, пока любит. И что ж, чем же я поддержу его любовь? Вот этим?

Она вытянула белые руки перед животом.

Долли. Анна, я не привлекала к себе Стиву ... Он ушел от меня к другим, и та первая, для которой он изменил мне, не удержала его тем, что она была всегда красива и весела. Он бросил ту и взял другую. И неужели ты этим привлечешь и удержишь Вронского? Если он будет искать этого, то найдет туалеты и манеры еще более привлекательные и веселые. И как ни белы, как ни прекрасны твои обнаженные руки, как ни красив весь твой полный стан, твоё разгоряченное лицо из-за этих черных волос, он найдет еще лучше, как ищет и находит мой отвратительный, жалкий и милый муж.

Анна. Ты смешна, Долли. Как я могу желать детей? Подумай, кто будут мои дети?

Долли. Нет, я не знаю, это не хорошо.

Анна. Да, но ты не забудь, что ты и что я... И кроме

того, ты не забудь главное, что я теперь нахожусь не в том положении, как ты. Для тебя вопрос: желаешь ли ты не иметь более детей, а для меня: желаю ли иметь я их. И это большая разница. Понимаешь, что я не могу этого желать в моем положении.

Долли. Так тем более тебе надо устроить свое положение, если возможно.

Анна. Да, если возможно.

Долли. Разве невозможен развод? Мне говорили, что муж твой согласен.

Анна. Долли! Мне не хочется говорить про это. Но хорошо. Мне говорят – развод. Во-первых, он не даст мне его. Он теперь под влиянием разных там графинь и вообще других.

Долли. Надо попытаться.

Анна. Это значит, мне, ненавидящей его, мне унизиться писать ему... Ну, положим, я сделаю усилие. Я получу согласие, а сын? Они мне не отдадут его. Он вырастет, презирая меня. Я люблю равно два существа - Сережу и Алексея. Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить. А если этого нет, то все равно. Ты не презирай меня. Я не стою презрения. Я именно несчастна. Если кто несчастен, так это я.

Оставшись одна, Долли помолилась Богу и легла в постель.

Анна, вернувшись в свой кабинет, взяла рюмку и накапала в нее морфин и, выпив, с успокоенным и веселым духом пошла в спальню. Вронский лежал на кровати

Вронский. Она очень добрая. А ты

здорова? Принимаешь по-прежнему морфин?

Анна. Что ж делать? Я не могла спать. При тебе я никогда не принимаю. Ты недоволен?

Вронский. Анна, почему ты раздражительна? Ты знаешь, что я не могу без тебя жить?

Анна. Ты тяготишься этою жизнью... Да, ты приедешь на день и уедешь, как поступают...

Вронский. Анна, я всю жизнь готов отдать...

Анна. Если ты поедешь в Москву, то и я поеду. Я не останусь здесь. Или мы должны разойтись, или жить вместе. Я вижу, что я не могу так жить...

Вронский. Точно ты угрожаешь мне. Да я ничего так не желаю, как не разлучаться с тобою. Анна, ради Бога! Что с вами?

Анна. Я не понимаю, о чем вы спрашиваете.

Вронский. Вы знаете, что нельзя ехать завтра в театр.

Анна. Отчего? Я поеду не одна. Княжна Варвара поедет со мной.

Вронский. Но разве вы не знаете...

Анна. Да я не хочу знать! Не хочу. Раскаиваюсь я в том, что сделала? Нет, нет и нет. И если б опять то же, сначала, то было бы то же. Важно только одно: любим ли мы друг друга. А других нет соображений. Почему я не могу ехать. Я тебя люблю, и мне все равно... Отчего же ты не смотришь на меня? Я прошу вас объявить, почему я не должна ехать.

Вронский. Потому, что это может причинить вам то...

Анна. Ничего не понимаю. Я еду завтра в театр!

Восьмая картина

В театре. Вронский вошел в театр в половине

девятого. Спектакль был во всем разгаре.

Вронский. В этом наряде появиться в театре - значило не только признать свое положение погибшей женщины, но и бросить вызов свету. Как она может не понимать этого? С женою забота, с не-женою еще хуже. И зачем она ставит меня в такое положение?

Лиди. Зачем тратить деньги и уезжать за границу?

Linon. Вернулись из-за границы и уже сегодня она в театре.

Вронский вошел в середину партера и стал оглядываться. В ложе слева были княгиня Мягкая с мужем. Она стояла спиной к Анне что-то взволнованно говорила.

Нордстон. Вы видели? Вы слышали? Княгиня Мягкая в театре встала и вышла из ложи, сказала, что с блядьми она рядом сидеть не будет.

Корсунский. Ну, не так она сказала. С падшими женщинами, так она сказала.

Нордстон. Да плевать. Она дурная женщина.

Мать Вронского была в ложе брата.

Вронская. Что же ты не идешь к Анне? Она вызывает сенсацию в театре ...

Вронский. Здравствуйте, маман. Я шел к вам.

Вронская. Я говорю то, что говорят все. Я нахожу, что это низко и гадко, и madame Мягкая не имела никакого права. Madame Каренина...

Вронский. Да что? Я не знаю.

Вронская. Как, ты не слышал?

Вронский. Ты понимаешь, что я последний об этом услышу.

Вронская. Есть ли злее существо, как эта княгиня

Мягкая?

Вронский. Да что она сделала?

Вронская. Она оскорбила Каренину. Муж ее через ложу стал говорить с ней, а Мягкая сделала ему сцену. Она, говорят, громко сказала что-то оскорбительное и вышла. А я тебя все жду. Тебя совсем не видно.

Стива. А, Алексей! Теноров нет больше. Какая гадость! Дура эта княгиня Мягкая, больше ничего... Я сейчас хотел к ней идти... Пойдем вместе.

Вронский сердито вышел из партера и поехал домой.

Девятая картина

Анна уже была дома. Когда Вронский вошел, она была одна в том самом наряде, в котором она была в театре. Она сидела и смотрела перед собой.

Анна. Вы, кажется, поздно приехали в театр и не слышали лучшей арии.

Вронский. Я плохой ценитель.

Анна. Вы не находите, что хор поет слишком громко?

Вронский. Анна ...

Анна. Ты, ты виноват во всем!

Вронский. Я просил, я умолял тебя не ездить, я знал, что тебе будет неприятно...

Анна. Она сказала, что позорно сидеть рядом со мной.

Вронский. Слова глупой женщины, но для чего рисковать, вызывать...

Анна. Я ненавижу твое спокойствие. Ты не должен был доводить меня до этого. Если бы ты любил меня....

Вронский. К чему тут вопрос о моей любви...

Анна. Да, если бы ты любил меня, как я, если бы ты мучался, как я... Ты имеешь право уехать когда и куда

хочешь. Не только уехать, но оставить меня, я не имею никаких. Ты тяготишься мною.

Вронский вышел, хлопнув дверью. Анна у окна.

Отчего же он так холоден? Он хочет доказать, что его любовь не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь. Он должен понять всю тяжесть жизни моей. Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается. (*Вошел Вронский. Она утерла эти слезы, и не только утерла слезы, но села и развернула книгу.*) Так для чего же ты в театре оставался?

Вронский. Я хотел остаться и остался. Анна, зачем, зачем?

Анна. Разумеется, ты хотел остаться и остался. Ты делаешь все, что ты хочешь. Я чувствую, как я боюсь себя!

Вронский. Разве я ищу развлечения вне дома? Разве я не избегаю общества женщин? Ну, скажи, что я должен делать, чтобы ты была покойна? Я все готов сделать, чтобы ты была счастлива, чтоб избавить тебя от горя какого-то, как теперь, Анна!

Анна. Ничего, ничего. Жалею, что одно грубое и материальное вам понятно и натурально. Ну, не будем говорить. Что ж бега? Ты не рассказал. Что вы там делали, кто был?

Вронский. Обед был прекрасный, и все было довольно мило, но в Москве не могут без ridicule. Явилась какая-то дама, учительница плаванья, и показывала свое искусство.

Анна. Как? Плавала?

Вронский. В каком-то красном costume de natation,

старая, безобразная.

Анна. Что же, она особенно как-нибудь плавает?

Вронский. Я и говорю, глупо ужасно. Так когда же ты думаешь ехать?

Анна. Когда ехать? Да чем раньше, тем лучше. Завтра не успеем. Послезавтра.

Вронский. Да... нет, постой. Послезавтра воскресенье, мне надо быть у татан.

Анна. А! Теперь тебе нужна уже не учительница плаванья, а княжна Сорокина, которая живет в подмосковной деревне вместе с графиней Вронской, да?

Вронский. Что за глупости?

Анна. Если так, то мы не уедем совсем.

Вронский. Да отчего же?

Анна. Ты не хочешь понять. Отчего ты, хвастаясь своею прямою, не говоришь правду?

Вронский. Я никогда не хвастаюсь и никогда не говорю неправду.

Анна. Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь. А если ты больше не любишь меня, то лучше и честнее это сказать.

Вронский. Нет, это невыносимо! Ты испытываешь мое терпение? Оно имеет пределы.

Анна. Что вы хотите этим сказать?

Вронский. Я хочу сказать... Я должен спросить, чего вы от меня хотите.

Анна. Чего я могу хотеть? Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!

Вронский. Постой! В чем дело?

Анна. Он ненавидит меня. Он любит другую женщину. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все

кончено, и надо кончить. Да, умереть! И стыд, и позор - все спасается смертью. Умереть - и он будет раскаиваться, будет любить, будет страдать за меня.

Вронский. Анна, что же?

Анна. Брось меня, брось! Кто я? Развратная женщина. Камень на твоей шее. Я не хочу мучить тебя! Я освобожу тебя. Ты не любишь меня, ты любишь другую! Ты не согласишься, как мне опостытели эти комнаты. Эти часы, гардины, главное обои - кошмар. Нет выражения лица в них, нет души. От кого депеша?

Вронский. От Стивы.

Анна. Отчего же ты не показал мне? Какая же может быть тайна между Стивой и мной?

Вронский. Я не хотел показывать потому, что Стива имеет страсть телеграфировать. Что ж телеграфировать, когда ничто не решено?

Анна. О разводе?

Вронский. Да, но он пишет: ничего еще не мог добиться. Да вот прочти.

Дрожащими руками Анна взяла депешу и прочла то самое, что сказал Вронский.

Анна. Не было никакой надобности скрывать от меня. Так он может скрыть и скрывает от меня свою переписку с женщинами. Нет, почему же ты думаешь, что это известие так интересует меня, что надо даже скрывать?

Вронский. Я люблю ясность.

Анна. Ясность не в форме, а в любви. Для чего ты желаешь этого?

Вронский. Ведь ты знаешь для чего: для тебя и для детей, которые будут.

Анна. Детей не будет. Тебе это нужно для детей, а обо мне ты не думаешь? Твое желание иметь детей я объясняю себе тем, что ты не дорожишь моей красотой. Мне совершенно все равно, что думает твоя мать и как она хочет женить тебя.

Вронский. Но мы не об этом говорим.

Анна. Нет, об этом самом. И поверь, что для меня женщина без сердца, будь она старуха или не старуха, твоя мать или чужая, не интересна, и я ее знать не хочу.

Вронский. Анна, я прошу тебя не говорить неуважительно о моей матери.

Анна. Женщина, которая не угадала сердцем, в чем счастье и честь ее сына, у той нет сердца.

Вронский. Я повторяю: не говорить неуважительно о матери, которую я уважаю.

Анна. Ты не любишь мать. Это все фразы, фразы и фразы!

Вронский. А если так, то надо...

Анна. Надо решиться, и я решилась. Что вам надо?

Вронский. Что, Анна?

Анна. Я ничего.

Вронский. А ничего, так tant pis. Да, завтра мы едем?

Анна. Вы, но не я.

Вронский. Анна, эдак невозможно жить...

Анна. Вы, но не я.

Вронский. Это становится невыносимо!

Анна. Вы... вы раскаетесь в этом.

Десятая картина

Ночь.

Анна. Это уже не ссора. Это очевидное признание в

совершенном охлаждении. Он не то что охладел ко мне, он ненавидит меня, потому что любит другую женщину. А разве не вчера только он клялся в любви? Смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь ко мне, наказать его ... Теперь все равно: получить или не получить от мужа развод – все не нужно. Нужно одно – наказать его. Я представляю себе, что он будет чувствовать, когда меня уже не будет и я буду для него только одно воспоминание. «Как мог я сказать ей эти жестокие слова? - будет говорить он. - Как мог я выйти из комнаты, не сказав ей ничего? Но теперь ее уж нет. Она навсегда ушла от нас. Она там...» *(Вдруг тень ширмы заколебалась, захватила весь карниз, весь потолок.)* Смерть! Нет, все - только жить! Ведь я люблю его, он любит меня! Это пройдет ...
Он спал крепким сном. Она подошла к нему и долго смотрела на него.

Одиннадцатая картина

Станция.

Анна. Узнайте, куда поехал граф.

Лакей 1. Они приказали доложить, что если вам угодно, то коляска сейчас вернется.

Анна. Где его голубые глаза, милая и робкая улыбка? Нет, это не может быть. Он вернется. Нет, этого не может быть. Надо, чтобы он не видел меня с заплаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да, причесалась ли я, или нет? Да, я причесана, но когда, решительно не помню. Кто это? Да это я. Что это, я с ума схожу. Аннушка ...

Аннушка. К Дарье Александровне вы хотели ехать.

Анна. К Дарье Александровне? Да, я поеду. Пятнадцать минут туда, пятнадцать назад. Но как он мог уехать, оставив меня в таком положении?

Лакей 2. Граф уехали на Нижегородскую дорогу.

Анна. Что? Поезжай с запиской к графине Вронской. И тотчас же привези ответ. А я сама, что? Да, я поеду к Долли, а то я с ума сойду. Аннушка, милая, что мне делать?

Аннушка. Что же так беспокоиться, Анна Аркадьевна! Ведь это бывает. Вы поезжайте, рассеетесь.

Анна. Да, я поеду.

Лакей 2. Куда прикажете?

Анна. На станцию ... Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь? Я хотела рассказывать Долли, и не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью! Но главное чувство было бы радость о том, что я наказана за те удовольствия, в которых она завидовала мне. Кити, та еще более была рада. Как я ее всю вижу насквозь! Она презирает меня. В ее глазах я безнравственная женщина. И она завидует мне. И ненавидит меня. И все мы ненавидим друг друга. Я Кити, Кити меня. Вот это правда. Все гадко. Да, надо ехать на станцию железной дороги, а если нет, то поехать туда и уличить его. Он взял от меня все, что мог, и теперь я не нужна ему. Он тяготится мною. Я возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть. Горы какие-то, и все дома, дома... И в домах все люди, люди... Сколько их, конца нет, и все ненавидят друг друга.

Лакей 2. Прикажете тут остановиться?

Анна. Да.

Она взяла в руку маленький красный мешочек, вышла из коляски.

Лакей 2. Раздался звонок, прошли какие-то молодые мужчины, уродливые, наглые и торопливые и вместе внимательные к тому впечатлению, которое они производили.

Калинина. Шумные мужчины затихли, когда она проходила мимо их по платформе, и один что-то шепнул об ней другому гадкое.

Аннушка. Она поднялась на высокую ступеньку и села одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван.

Цирюльник. Дама, уродливая, с турнюрором, и девочка ненатурально смеясь, пробежали внизу.

Матрена. Испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона.

Анна. Что-то знакомое в этом безобразном мужике.

Матвей. Кондуктор отворял дверь, впуская мужа с женой.

Лакей 2. Вам выйти угодно?

Цирюльник. Наконец прозвенел третий звонок, раздался свисток, визг паровика, рванулась цепь, и мужик перекрестился.

Анна. Все мы созданы затем, чтобы мучиться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?

Матвей. На то дан человеку разум, чтобы избавиться от того, что его беспокоит.

Анна. Да, на то дан разум, чтоб избавиться, стало быть,

надо избавиться. Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это? Зачем этот кондуктор пробежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди в том вагоне? Зачем они говорят, зачем они смеются? Все неправда, все ложь, все обман, все зло!..

Матрена. Поезд подошел к станции, Анна вышла в толпе других пассажиров и остановилась на платформе, стараясь вспомнить, зачем она сюда приехала и что намерена была делать.

Анна. Нет, я не дам тебе мучить себя. Боже мой, куда мне?

Лакей 1. Быстрым шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле проходящего поезда.

Калинина. Она смотрела на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона.

Анна. Я накажу его и избавлюсь от всех и от себя.

Толпа. Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту,

как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. Она хотела подняться, откинуться, но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину.

Анна. Где я? Что я делаю? Зачем? Господи, прости мне все!

Толпа. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Двенадцатая картина

Во время остановки в губернском городе Лёвин стал ходить взад и вперед по платформе.

Вронская. Вот провожаю его. Едет на войну в Сербию. После его несчастья что ж ему было делать?

Лёвин. Ужасное событие ...

Вронская. Ах, что я пережила! Этого нельзя себе представить! Шесть недель он не говорил ни с кем и ел только тогда, когда я умоляла его. Мы отобрали все, чем он мог убить себя. Ведь вы знаете, он уже стрелялся раз из-за нее же. Да, она кончила, как и должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую.

Лёвин. Не нам судить, графиня, но я понимаю, как для вас это было тяжело.

Вронская. Ах, не говорите! Я жила у себя в имение, и он был у меня. Приносят записку. Он написал ответ и отослал. Мы ничего не знали, что она тут же была на станции. Вечером, я только ушла к себе, мне моя Мери говорит, что на станции дама бросилась под поезд. Меня как что-то ударило! Я поняла, что это была она. Первое, что я сказала: не говорить ему. Но они уж сказали ему. Кучер его там был и все видел. Когда я прибежала в его комнату, он был уже не свой – страшно было смотреть на него. Он ни слова не сказал и поскакал туда. Уж я не знаю, что там было, но его привезли как мертвого. Я бы не узнала его. Потом началось почти бешенство.

Бетси. Ах, что говорить! Ужасное время!

Linon. Нет, как ни говорите, дурная женщина.

Щербацкая. Ну, что это за страсти какие-то отчаянные.

Щербацкий. Это всё что-то особенное доказать.

Нордстон. Вот она и доказала.

Вронская. Себя погубила и прекрасных людей – своего мужа и моего несчастного сына.

Мягкая. А что ее муж?

Вронская. Он взял ее дочь. Алеша в первое время на все был согласен. Но теперь его ужасно мучает, что он отдал чужому человеку свою дочь. Но взять назад слово он не может. Каренин приезжал на похороны. Она развязала его. Но бедный сын мой ... Бросил все – карьеру, меня, и тут-то она еще не пожалела его, а нарочно убила его совсем. Нет, как ни говорите, самая смерть ее – смерть гадкой женщины без религии. Прости меня, Бог, но я не могу не ненавидеть память ее, глядя на гибель сына.

Лёвин. Но теперь как он?

Вронская. Да не один, а эскадрон ведет на свой счет. Вы, пожалуйста, поговорите с ним, надо его развлечь. Он так грустен. Да на беду еще у него зубы разболелись. А вам он будет очень рад. Пожалуйста, поговорите с ним, вон он ходит в своем длинном пальто, надвинутой шляпе, руки в карманах, как зверь в клетке ходит по платформе ...

Вронский остановился, узнал Лёвина и пожал его руку.

Лёвин. Вронский ... Как вы?

Вронский. Еду в Сербию. Веду эскадрон. Это Бог мне помог - эта сербская война. Вот, гляжу тут на тендер и на рельсы, и мне вспоминается она. То есть то, что тогда, в тот день оставалось еще от нее, когда я вбежал в казарму железнодорожной станции. На столе казармы бесстыдно растянутое окровавленное тело, еще полное недавней жизни, закинутая назад уцелевшая голова с тяжелыми косами и вьющимися волосами на висках, и на лице, с полуоткрытым румяным ртом, застывшее, жалкое в губах и ужасное в остановившихся незакрытых глазах, выражение, как бы словами выговаривавшее то страшное слово - о том, что я раскаюсь ... Так она тогда во время ссоры сказала мне ...

Лёвин. Не могу ли я быть полезным? Не нужно ли вам письмо к моим друзьям в Сербии?

Вронский. Письмо? Для того чтоб умереть, не нужно рекомендаций. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не нужна. Кому-нибудь пригодится.

Лёвин. Вы возродитесь. Избавление своих братьев от ига есть цель, достойная и смерти, и жизни. Дай вам Бог успеха внешнего и внутреннего мира.

Вронский. Да, как орудие, я могу годиться на что-нибудь. Но, как человек, я - развалина. (*Он замолк, взглядываясь в колеса медленно и гладко подкатывавшегося по рельсам тендера.*) Я хочу её помнить такою, какою она была, когда я в первый раз встретил ее тоже на станции, таинственной, любящей, ищущей и дающей счастье, а не жестоко-мстительною, какою она вспоминалась мне в последнюю минуту. Я старался вспоминать лучшие минуты с нею, но эти минуты были навсегда отравлены. Зубы болят, невыносимо...

Лёвин. Прощайте. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Вронский. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Гости съезжались на бал ... Прощайте.

Пение и крики встретили добровольцев на вокзале, явились с кружками сборицы и сборишки, и губернские дамы поднесли букеты добровольцам и пошли за ними в буфет.

Лёвин и Вронский разошлись по своим вагонам после второго звонка.

Лёвин. Когда я спрашиваю себя о том, что такое я и для чего я живу, я не нахожу ответа и прихожу в отчаяние. Но когда я перестаю спрашивать себя об этом, я как будто знаю, что я такое и для чего живу, потому что я твердо и определенно действовал и жил. Даже в это последнее время я гораздо тверже и определеннее жил, чем прежде. Во время родов жены со мной случилось необыкновенное событие. Я, неверующий,

стал молиться и в ту минуту, как молился, верил. Но прошла эта минута, и я не мог дать этому тогдашнему настроению никакого места в своей жизни. Я не мог признать, что я тогда знал правду, а теперь ошибаюсь, потому что, как только я начинаю думать спокойно об этом, все распадается вдребезги. Я был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него. Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно - нельзя жить. В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот – я. Это была мучительная неправда, но это был единственный, последний результат вековых трудов мысли человеческой в этом направлении. Это было то последнее верование, на котором строились все, во всех отраслях, изыскания человеческой мысли. Но это не только была неправда, это была жестокая насмешка какой-то злой силы, противной и такой, которой нельзя было подчиняться. Надо было избавиться от этой силы. И избавление в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство – смерть. И, я счастливый семьянин, здоровый человек, был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Но я не застрелился и не повесился и продолжал жить.

Кити. Ну, я рада, что ты начинаешь любить нашего ребенка. А то это меня уже начинало огорчать. Ты говорил, что ничего к нему не чувствуешь.

Лёвин. Нет, разве я говорил, что я не чувствую? Я только говорил, что я разочаровался.

Кити. Как, в нем разочаровался?

Лёвин. Я разочаровался в своем чувстве. Я ждал больше. Я ждал, что распухнет во мне новое приятное чувство. Нынче я понял, как я люблю его.

Кити. А ты очень испугался? И я тоже, но мне теперь больше страшно, как уж прошло.

Лёвин. Бог говорит: «Не мстите сами, это сделаю Я». Мне отмщение и аз воздам. Что за тайна в этих словах? Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами.

Это новое чувство не изменило меня, не осчастливило, не просветило вдруг, как я мечтал, так же как и чувство к сыну. А вера — не вера — я не знаю, что это такое, — но чувство это так же незаметно вошло страданиями и твердо засело в душе. Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, так же будет стена между святой святых моей души и другими, даже женой моей, так же буду обвинять ее за свой страх и раскаиваться в этом, так же буду не понимать разумом, зачем я молюсь, и буду молиться, но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!

Темнота

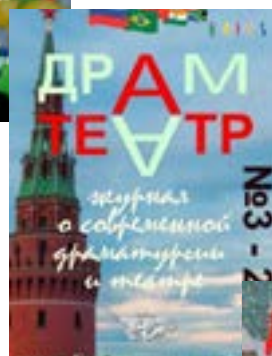
Занавес

№ 1

№ 2

№ 3

№ 4

№5

**Журнал ДрамТеатр
Гильдии драматургов России
ищет спонсоров!**

Электронный адрес редакции журнала

INFO@GPRUSSIAN.RU

Кирилл КРОК

*З а с л у ж е н н ы й
деятель искусств
РФ, Заслуженный
работник культуры
РФ, театральный*

*общественный деятель, директор Государственного
академического театра имени Евгения Вахтангова.*

Это всегда о человеке...

Анастасия ДЕМИДОВА. По выразительному определению Анатолия Смелянского, Вы обладаете «огромной созидательной энергией по преобразению пространства, в котором существуете». Празднование 100-летнего юбилея театра Вахтангова еще раз подтвердило эту очевидную истину. Всё ли задуманное удалось осуществить?

Кирилл КРОК. Я себя считаю учеником Анатолия Мироновича Смелянского, потому что я имел счастье десять лет проработать вместе с ним в Школе-студии МХАТ его заместителем, то есть, проректором Школы-студии МХАТ. И, как мне кажется, за этот яркий период много что удалось сделать. Это полностью отремонтировать, обновить студенческое

общежитие, сделать там фитнес-зону, сделать много-много чего, разные бытовые удобства для студентов. Также отремонтировать Школу-студию всю, поменять в учебном театре оборудование, кресла, планшет сцены. Ой, господи, много чего! Поэтому Анатолий Миронович знает, что, да, у меня это получается. Также вы спрашиваете про 100-летие театра Вахтангова: всё ли удалось сделать? Ну, скажем так- всё да не всё. Всё сделать в театре невозможно и сложно осуществимо. С той программой, которая была утверждена: за исключением зарубежных гастролей, она выполнена полностью. Зарубежные гастроли пока все в подвешенном состоянии из-за ситуации с Ковидом в мире. Ну и, естественно, ситуация с ковидом ограничила нас во времени в главном вопросе: создание культурного центра в Доме Вахтангова, поэтому работа эта продолжается, кстати, вот на днях улетаю во Владикавказ проверять очередной этап работы в Доме Вахтангова. Всё это делается, может быть, не так быстро, как хотелось бы.

Анастасия ДЕМИДОВА. Театр Вахтангова—как галактика, где сияет целое созвездие блистательных актеров. Не возникало ли у Вас желание создать вахтанговскую «Аллею Славы»?

Кирилл КРОК. Знаете, «Аллея Славы» в театре Вахтангова и так существует. Это все те великие актеры, которые служили в театре. У нас на уровне бельэтажа в историческом здании театра сделаны портреты всех самых известных выдающихся артистов театра

Вахтангова. Не только артисты там, а режиссеры, художники, композиторы, кто сотрудничал и оставил яркий свет в столетней истории театра Вахтангова.

Анастасия ДЕМИДОВА. Римас Туминас, 70-летний юбилей которого праздновался недавно, он — гениальный режиссер, и это бесспорно. И — особенный человек, со своим видением мира, со своей системой ценностей. Какая из постановок Туминаса наиболее важна для Вашей души, и какой аспект личности этого человека поражает Вас?

Кирилл КРОК. Вы знаете, в каждой постановке я нахожу что-то очень близкое мне, то, что мне западает в душу. И сказать, какая постановка больше-меньше нравится — это, наверное, не так. Я помню моё соприкосновение первое со спектаклем Туминаса, который никогда не видел, — это был спектакль «Дядя Ваня», который я смотрел здесь, ещё не будучи директором. Это был действительно какой-то шок от увиденного на сцене. Кажется, достаточно известная пьеса Чехова, всем нам с детства, тем более, театральным людям, сколько ты видел этих спектаклей. Но это был абсолютный шок: как это можно так придумать, как это можно так сделать. Я помню свои ощущения, когда я прибежал домой после спектакля, первое, что я сделал: я залез в книжный шкаф, достал с полки томик Чехова, открыл «Дядю Ваню» и ночью перечитывал. И как же иначе, как-то раньше этого не ... только так, это можно только так трактовать, так можно играть, так нужно играть. Поэтому каждый раз, когда

я вижу новый спектакль Туминаса или прихожу на репетицию и вижу какие-то сцены, я всегда поражаюсь, как он индивидуально мыслит и как точно он всегда раскрывает автора. Аспект личности, вы знаете, — любовь к людям. Вот меня каждый раз поражает любовь к человеку. Он никогда не злится, он всегда очень любит людей со всеми их пороками и недостатками.

Анастасия ДЕМИДОВА. Придет время, когда историки театра будут называть этот период «эпохой Крока и Туминаса» (порядок имен на таком уровне не имеет значения). Легко ли нести бремя этой ответственности?

Кирилл КРОК. Конечно, это огромное бремя. И вот со стороны это кажется: да что там у них. Только я один знаю о бессонных ночах, о невозможности уснуть, о взвинченных нервах, когда у тебя нет ни одной минуты свободного времени. Но за этим всем есть великий театр, в котором ты служишь, великое дело, которому ты служишь, ответственность перед великим режиссером современности, с которым ты работаешь. И вот это, порой, то, что мы строим театр дальше с вековой историей, — это всё компенсируется той огромной ответственностью, которая на тебя давит каждый день, которую ты несёшь на плечах и порой кажется: согнёшься. Но как только ты понимаешь, что служишь великому делу, это всё сразу компенсируется тем, что есть.

Анастасия ДЕМИДОВА. Спектакли Вашего театра

отличает интеллигентность, вкус, глубина анализа, подлинная театральность, стиль... Что, на Ваш взгляд, надо добавить к этому перечню?

Кирилл КРОК. К этому перечню я добавил бы что-то про каждого из нас. Это про человека, про его чаяния, про его сердце, про его душу. Вот это очень важно, потому что каждый понимает и находит это не так, как «я так вижу, я так думаю, а то, что кто-то не думает, меня не интересует». Это всегда о человеке, который здесь, перед тобой. Я бы вот к этому перечню добавил, что это всегда о человеке. Как говорит Туминас, ничего нет интереснее, чем человек, исследование человека, ничего не бывает в мире более интересного. Потом, Римас всегда думает о тех людях, кто сидит в зрительном зале. Поэтому вот, к примеру, в том сезоне он безжалостно снял пять спектаклей. Как он в одном интервью сказал, что снял не потому, что они были плохие или хорошие, а потому что там была ненависть к человеку. Вот этого, он считает, не должно быть на сцене: ненависти к человеку.

Анастасия ДЕМИДОВА. И, наконец, вопрос, без которого нельзя обойтись, поскольку «сердце будущим живет». Какие новые работы ждут верных зрителей театра Вахтангова, а имя им – легион?

Кирилл КРОК. В театре сейчас идут новые репетиции спектаклей. Какие из них выйдут, какие из них дойдут до зрителя, что из них состоится, как это всё получится – покажет время, ведь это всё – очень тонкая материя:

творчество, создание новых постановок. Это нельзя спланировать, это нельзя предугадать, как это будет, это нельзя предвидеть. Это живое дело, которое рождается здесь каждый день: от репетиции к репетиции, от неудачи к победе, от победы к поражению. Это театр, это живое дело, поэтому будем надеяться, что в театре Вахтангова ещё выйдут очень многие-многие спектакли, которые порадуют наших зрителей.

Анастасия ДЕМИДОВА
*Театральный блогер,
руководитель дискуссионного
клуба «Слово о театре» при
Тульском академическом театре
драмы.*

ТЕАТРЫ РУССКОГО МИРА

Вячеслав Лисин

Основатель театра

«Кулисы» в Дюссельдорфе,
Председатель Ассоциации рус-
ских театров Германии

Русский театр за рубежом

Важнейшая роль в этом смысле принадлежит драматическому театру, где главным элементом спектакля является язык.

Наступление западной культуры, «американизация» общества, деградация языка ведёт к утрате русской духовности, когда миллионы людей, русских по происхождению, становятся «этнографическим материалом», из которого можно вылепить всё что угодно: и бизнесмена и простого обывателя, которого интересуют только материальная сторона жизни, и космополита, равнодушного к русской истории и культуре. Конечно, воспитательная роль театра, кино по-прежнему остается огромной. Очень важно, чтобы и в театре, и в кинофильмах как можно чаще звучала эталонная русская речь, чтобы по фильмам и спектаклям люди могли учиться правильно говорить.

Вообще сфера культуры сама по себе весьма убыточна

и в основном существует только за счет дотаций со стороны бюджета. К , сожалению, в современной России больше уделяют внимание и финансируют спорт, а не русскую культуру, которой гордятся во всем мире. Может быть государству подумать об этом и не финансировать культуру по остаточному принципу?

Сегодня невыгодно поддерживать театры. Сейчас проще построить очередной торговый центр, который будет приносить городу деньги, нежели поддерживать театры, которые к тому же убыточны.

После 1991 года мир изменился. Русские живут по всему миру, а миром правят деньги. Русский театр стал более финансово зависимым. Вследствие этого происходит коммерциализация театра и появление большого числа достаточно низкосортных, скандальных, но экономически выгодных постановок, эпотирующих зрителя. Новая российская драматургия находится в поиске. Сегодня особенно популярна русская и зарубежная классическая драматургия. Прекрасная возможность для самовыражения режиссёра и хорошая школа для актера. Глубокие мысли и яркие характеры.

А что происходит в современной театральной России ?

Может быть не всем это понравится, но хочу сказать, что сегодня зрители нередко покидают театр с чувством отвращения, даже ругаются вслух когда по сцене ходят голые артисты, да ещё ругаются матом. Некоторые стараются подавить это чувство стыда, убедить себя, что видели «необычное», «авангардное» и самое модное. И у такого зрителя формируется ком-

плекс неполноценности: он думает « Я ничего не понимаю в современном театре и лучше больше в театре ходить». «Новомодные» режиссёры ставят спектакли, в которых актеры-мужчины играют женщин, а женщины играют мужские роли. Но это только, чтобы эпатировать зрителя. Всё это враньё. Потому что женская психика и мужская кардинально отличаются друг от друга. Но ведь в этом ничего нового нет. Когда то Сара Бернар играла Гамлета, а Марина Неёлова играла «Записки сумасшедшего». Но это скорее, актёрский эксперимент, а не направление современного театра. И такие « режиссёры – модернисты» объясняют очень просто такое решение: «Я так вижу». И целая армия столичных критиков захлёбываясь от восторга, боясь показаться ретроgrадами, называют таких «модернистов- режиссёров» гениями и награждают их разными призами и званиями. А зритель остаётся в «дураках»... Столичные театры часто играют не столько для зрителей, сколько для критиков , а русские театры за рубежом именно для зрителя, потому что для него это редкий праздник. Так пытаются уничтожить русский психологический театр и издеваются над системой великого К.С.Станиславского.

Сколько русских театров за рубежом?

По всему миру существуют сотни русских театров. Точно сказать невозможно, потому что такие коллективы , как появляются, так и исчезают. В Германии, например, русскоязычных театров более 40-ка : в одном только Дюссельдорфе, кроме театра «Кулисы» есть ещё 4 четыре театральные коллектива. Все зависит от следующих условий: творческий лидер, фи-

нансовая поддержка и помещение. Какие то театры выживают, а какие то нет. Как говорят в театре: таковы предлагаемые обстоятельства.

Чем отличается русский театр в метрополии и русский театр за рубежом?

У русских театров за рубежом нет своих зданий, актеры театров не получают зарплату, нет государственного финансирования, нет достойного оборудования для света и звука, нет костюмеров и реквизиторов, нет постановочной части, но есть любовь к театру. А это самое главное. Чаще всего это дружеские коллективы – семьи, где нет интриг и творческой зависти. Здесь поздравляют друг друга с днями рождения, сочиняют песни, пишут стихи, влюбляются, рожают детей, иногда болеют и помогают друг другу в тяжелых жизненных ситуациях.. Дети вырастают и тоже приходят в театр. Иногда театрами руководят люди с профессиональным образованием и тогда театры удивляют своих зрителей высоким уровнем спектаклей и яркими индивидуальностями. Для русских, живущих за границей, эти спектакли большой праздник, возможность услышать родной язык и ощутить родную русскую культуру. Зрители любят и гордятся своими театрами. Русские театры за рубежом, политически независимы, в основном следуют традициям русской театральной школы, но пробуют также новые формы и направления. Русские театры за рубежом играют обычно в пятницу, субботу и воскресенье, или едут на гастроли, что бы как то заработать. Ставятся малонаселенные спектакли, большие вывозить очень дорого, минимум декораций и реквизита. За рубежом

нет русских театральных институтов таких как (МХАТ, Щукинское, Шепкинское, ГИТИС) другие. Поэтому приходится искать способных людей и учить их мастерству актера, сценической речи и многому другому.

Театр «Кулисы» в Дюссельдорфе с самого начала своей работы поставил себе задачу: достойно представлять русскую культуру за рубежом. За 25 года работы было создано более 20 спектаклей для взрослых и для детей, а также множество театрализованных представлений и концертов. Репертуар театра формировался из драматургии, как на русском, так и на немецком языках. Большой интерес вызвали: комедия М. Зощенко «Свадьба», «Забыть Герострата!», Г. Горина, мюзикл «Искатели счастья» Ш.Алехема, «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н.Островского, «Парижская любовь» по пьесе Ж.Кокто «Человеческий голос» и др. Пьеса С.Мрожека «Стриптиз» (в жанре театра абсурда) была поставлена по-русски и по-немецки, причём немецкий вариант завоевал почётный приз Театрального Фестиваля г. Эркрат (Германия). Специально для молодежи был поставлен немецкий мюзикл «Где же Рай», в котором было занято 60 человек и заслужил благодарность Министерства Культуры Земли Северный-Рейн-Вестфалия.

Театр «Кулисы» создаёт и собственную драматурию. В стенах театра родились комедии Нелли Куниной «Счастливый эмигрант» и «Запах земляники», мистическая драма Марии Плисс «В поисках Незнакомки» о судьбе поэта Александра Блока. Спектакль о Великой Отечественной войне «Штрафная рота» по пьесе фронтовика И.Бака и другие. Группа актёров театра были приглашена в Швейцарию для съёмок в фильме «Бере-

зина». Постановщик фильма, кинорежиссёр Даниэль Шмидт и актриса Джеральдин Чаплин, снимавшаяся в этом фильме, высоко оценили работу актёров театра. Фильм «Березина» с успехом был показан на кинофестивале в Каннах.

Театр «Кулисы» лауреат многочисленных театральных фестивалей по режиссуре, актерскому мастерству и звания лучший спектакль фестиваля и Гран ПРИ на Фестивале в Баварии.

Что волнует русского зрителя в русских театрах за рубежом?

Я очень рад, что создана и активно работает Гильдия Драматургов России (ГДР). Конечно радость русского языка на сцене. Русский дух и образ жизни. Появилось много талантливых пьес, ждущих своего воплощения на сцене русских театров зарубежья.

Но как показывает жизнь развивается только технический прогресс, а люди те же. Как и тысячи лет назад они любят и ненавидят, завидуют и страдают, ревнуют и убивают...

Но именно живые чувства для театра самое интересное. Это человеческие судьбы, характеры, их душа и психология. Современного зрителя не волнует политика (телевидение итак всех запугало). Зрителей волнуют человеческие судьбы, характеры, психология взаимоотношений, любовь и страсть, страдания и русский юмор и много всего родного и узнаваемого.

Вместо послесловия.

Уважаемые драматурги !

Русские театры зарубежья ждут Ваши талантливые пьесы о любви и страданиях, о конфликтах и надеждах, о любви и верности. Нужны новые герои и любящие женщины.

Успехов Вам и творческого азарта!

Редакцией журнала ДрамТеатр принято решение опубликовать в следующем номере журнала № 6 (2) пьесы молодых (до 30 лет) начинающих драматургов. Приветствуются пьесы победители и призеры драматургических конкурсов. Присылайте пьесы на адрес:

INFO@GPRUSSIAN.RU

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Валерия КРЫМСКАЯ
«Театр Сац – это моя судьба»

27 февраля ведущая актриса Государственного академического русского театра для детей и юношества Казахстана им. Наталии

Сац - заслуженная артистка КазССР Валерия Крымская отметит свой 80-летний юбилей новой ролью в премьерном спектакле «Шесть блюд из одной курицы», поставленном на Камерной сцене главным режиссером Владимиром Крыловым по одноименной пьесе Ганны Слущки.

Валерия Георгиевна Крымская служит первому в Казахстане театру для детей и юношества более полувека, с 1969 года. Будучи прекрасной актрисой, любимицей публики и в то же время скромным, деликатным человеком, Валерия Крымская не любит давать интервью, поэтому на просторах интернета лишь в «Википедии» можно найти о ней кое-какие скудные сведения. Но в преддверии 80-летнего юбилея и премьеры спектакля актрису попросили сделать исключение для «Казправды».

- Валерия Георгиевна, в «Википедии» про вас написано, что за все годы службы в театре Сац вы

сыграли около 100 ролей.

- Ой, я никогда не считала их, в эти списки обычно включают все подряд, что ты сыграл на сцене — массовки, эпизодические роли, второстепенные, главные. Никогда не занималась этой бухгалтерией.

- А какие роли вам запомнились?

- Моя любимая и в то же время ненавистная роль последних лет работы режиссера Бориса Николаевича Преображенского в нашем театре — это Сильва в спектакле «Я актриса» по оперетте Кальмана. Обработывала сценарий Инна Потахина, наша поэтесса, царствие ей небесное. А если говорить об эпизодических ролях, которые стоят некоторых главных, то при Евгении Александровиче Прасолове была поставлена пьеса Михаила Рощина «Валентин и Валентина», у меня там была роль Риточки, проводницы, подруги

мамы героя. Так вот в этом спектакле был эпизод «День рождения Риточки», который стоил главных ролей. Когда СултонАлимжановичУсмонов ставил у нас «Закат» по Бабелю, здесь мы накопили столько интересного, что я подумала, что такая проходная небольшая роль матери стоит других главных. У нас сейчас в драматургии напряженка с хорошими ролями, поэтому за такие значительные маленькие роли я могу отдать главную, которая не очень важна. С 2013 года мы играем спектакль «Браво, Лауренсия!», где у меня роль Майи Ивановны, мамы Эли.

- Расскажите о своей героине в спектакле «Шесть блюд из одной курицы», что у вас общего с ней?
- Героиня мне близка и понятна, потому что в моем

случае это у меня поздний ребенок, а поздних да единственных любят еще сильнее. У моей героини маменькин сынок, заласканный, zalюбленный, у таких мамаш, как моя героиня, ребенок обречен на одиночество. Сына играют в двух составах два Александра – Шитов и Красников, и у обоих образ получился разный. Очень много мудрых мыслей, которые отзовутся в сердцах зрителей. И Бог, и наш режиссер Владимир Крылов послали мне эту пьесу. Поэтому спасибо большое театру за возможность показать себя в новой роли. «На мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной...»

- В биографии про вас написано, что вы родились в Кургане, учились в Свердловске. Что привело вас в профессию актера и как вы попали в Казахстан?

- Дело в том, что мой отец окончил Пермское авиационное училище и поехал в Курган пилотом-инструктором. А тут началась война, и моя мама беременная мною, отец дождался моего рождения в феврале 1942 года, осенью он пошел на фронт, воевал до окончания войны, вернулся в 1946 году. После моего рождения мама вернулась со мной в Свердловск, откуда они с отцом были родом.

В Свердловске мы жили возле аэропорта, на загородной улице, там не было никаких домов пионеров, поэтому, когда я после школы поступала в театральное училище, то провалила экзамен. Пошла сначала работать секретарем-рассыльной, потом на завод крановщицей электромостового крана, а затем аэропортовские знакомые посоветовали мне пойти

стюардессой, я прошла конкурс и стала летать на ИЛ-18. Однажды на День гражданской авиации мы с моей подружкой Ритой вели концерт на телевидении, читали там стихи, где-то подпели. Тогда на ТВ не было еще никаких записей, и нужно было вести концерт вживую, таким образом мы провели поздравление нашим авиаторам. Были хорошие отзывы, а потом пошли комплименты, чтобы мы поступали в театральное. Я призналась своим знакомым, что уже поступала туда в свое время, но ничего из этого не вышло. Но меня убедили: в нашем Свердловском театральном училище нынче открывается экспериментальный курс – вечернее отделение, иди туда. И вот я полетаю-полетаю, приду – сдам экзамен, потом полетаю-полетаю, приду – и я зачислена. Я уволилась из Аэрофлота и пошла работать в Союз печати, чтобы у меня была возможность работать днем до 18.00, а вечером – учиться. Отсидев лекции, нужно было готовить на завтра этюды, сцендвижения, танцы и так далее, и после этого в половине второго ночи мы шли пешком домой по пустому спящему городу. Дома меня всегда встречала мама, она никогда не ужинала без меня и не ложилась спать. А утром надо было рано вставать и идти на работу. Мы с моими сокурсниками очень сильно уставали, тем более тогда была бескормица, хлеб по талонам. Были вечно не выспавшиеся и голодные, поэтому в конце первого курса написали министру культуры СССР Екатерине Фурцевой письмо с просьбой перевести нас на дневное отделение, потому что на спецпредметы у нас катастрофически не хватало времени. Приходилось сдавать историю

КПСС и тому подобные предметы, а на творчество уже не оставалось ни времени, ни сил. И она откликнулась на нашу просьбу, нас перевели на дневное отделение, а зимой на втором курсе министр выбила для нас стипендию – 20 рублей. Стипендия была небольшая, потому что это было среднее специальное учебное заведение, а уже после нас училище стало театральным институтом. Мы уже учились с 9 утра, но все равно уходили из училища в 11 вечера, потому что были большие фанаты своего дела. Наш курс был достаточно взрослый, мы уже успели поработать, мы знали жизнь, мы ценили каждый час своей учебы, поэтому относились к своей будущей профессии очень серьезно, и я получила диплом с отличием. В 1967 году, окончив учебу, я уехала в Павлодар, хотя распределилась в Алма-Ату в ТЮЗ. Но у нас в Свердловске было такое поверье, что если попадешь в ТЮЗ, то потом никакая драма тебя не возьмет. И хотя у нас в Свердловске были очень хорошие театры – и ТЮЗ, и драма, но я хотела играть большие роли, к тому же я уже котирировалась как героиня. И я услышала, что в Казахстане есть потрясающий театр драмы в Павлодаре – имени Чехова, что это второй «Современник». Меня разобрало любопытство, и я напросилась сама в этот театр. Но карьера у меня там не сложилась, мне не давали роли, я почти два года просидела на скамейке запасных, участвовала в массовках, а в Алматинский ТЮЗ меня пригласил главный режиссер Григорий Жезмер. Он мне сказал: «Крымская, я не держу на вас зла, еще раз вас приглашаю, потому что собираюсь ставить шикарную пьесу по Аксенову «Мой брат играет на кларнете». Вот

если вы согласитесь приехать, тогда будете играть роль десятиклассницы Алины, первой красавицы школы». Я говорю: «Всё, я подаю заявление и уезжаю посреди сезона, меня здесь ничего не держит». Приехала в Алма-Ату, и с 30 января 1969 года начался мой трудовой стаж в ТЮЗе, сразу загрузилась работой. Ввели меня в кучу спектаклей, и везде я пригодилась. А еще мне очень понравился южный климат. И в Екатеринбурге, и в Павлодаре я страшно мерзла, я склонна к простудам. А когда приехала в Алма-Ату, и к 8 Марта резко наступило тепло, а потом пришла жара, я просто закайфовала. Кому-то здесь жарко, а мне хорошо, я влюбилась в Алма-Ату, в этот солнечный, зеленый город, в климат, в природу, в людей, все мне здесь нравилось. И постепенно меня затянуло. Мама сколько ко мне в гости приезжала и всегда была в восторге. В первый раз она приехала и попала в такое время, когда выпал снег на цветущие майские розы. И вот она видит эти розы с человеческий рост, да еще по колено в снегу, и удивляется: ой, какая красота, какая экзотика! С тех пор прошло больше 50 лет, и Казахстан стал моей второй родиной. Уехала я из Свердловска в 25 лет, так что большую часть своей жизни живу в Казахстане.

Я была настолько поглощена работой в театре, что мне было не до личной жизни, поэтому замуж я вышла в 30 лет, а дочку родила только к сорока годам. Так что Алиса у меня поздний ребенок, как и сын моей героини—Саша —в нашем новом спектакле «Шесть блюд из одной курицы». Дочь свою я назвала Алисой в честь любимой актрисы Алисы Фрейндлих. А внука назвала Никитой в честь Никиты Михалкова.

- Ваша фамилия Крымская, ваши предки имели отношение к Крыму?

- Я не знаю всю свою родословную, вроде никакого отношения к Крыму не имеем. Я знаю, что мой дед по отцу, Андрей Поликарпович Крымский, был чекист. По маминой линии моя бабушка Юзефа была польских кровей, она из сибирских сосланных, они жили в Прокопьевске, потом осели в Свердловске. Из польской родни я знала только свою бабу Юзю – Юзефу.

- Вы всю жизнь практически прослужили одному театру – для детей и юношества имени Наталии Сац. Не было ли у вас соблазна перейти во «взрослый» театр драмы?

- После истории с Павлодаром я поняла, что Алматинский ТЮЗ – это моя судьба. Ведь я пыталась уйти от судьбы после распределения, и ничего хорошего из этого не вышло. А когда я получила награды и звание заслуженной артистки Казахстана в 1987 году, то поняла, что это от того, что я осела в ТЮЗе, служила всю жизнь театру Сац, и у меня прекрасный, шикарный репертуар, причем взрослый репертуар. От добра добра не ищут. Всё, что я имею, я имею по взаимной любви в театре, по любви к коллегам и зрителям.

**Ю р и й
Б о р и с о в и ч
П о м е р а н ц е в**

А до века – четыре шага!

Пройдут весна, лето, осень и зима – и, даст Бог, широко отпразднуем столетие Юрия Борисовича Померанцева. Пока же 99-летнего корифея сцены в Национальном русском театре драмы имени Михаила Лермонтова берегут пуще зеницы ока, в буквальном смысле слова сдувая с него пылинки. Впрочем, пылинки к этому артисту не пристают – ничего в нем нет от музейного экспоната или бронзового памятника самому себе. Померанцев – актёр живой, энергичный, напористый и удивительно современный. При том, что его любовь, по выражению одной дерзкой певицы, «осталась в двадцатом веке». Можно оставаться «аналоговым», не поддавшись всеобщей цифровизации, и быть, как говорится, в тренде.

Эту байку (хотя какая это байка – был!) мне, в то время

завлиту Алматинской русской драмы, когда-то рассказал худрук, Рубен Суренович Андриасян. Лет 10 назад случилась эта история. Юрий Борисович тогда уже жил один после смерти жены и глубоко переживал утрату. В театре очень беспокоились за душевное состояние своего старейшины и ежедневно спрашивались о его самочувствии по телефону. И вот однажды Померанцев пропал. Его домашний телефон молчал, с мобильным он не дружил, а на звонки и стук в дверь хозяин квартиры тоже не отвечал. Объявили едва ли не всесоюзный розыск. Поздно вечером Рубен Суренович стоял в приёмном покое совминовской больницы и пытался выяснить, не поступал ли в клинику народный артист Померанцев.

— Это какой такой Померанцев? — сощурилась суровая пожилая казашка из регистратуры.

— Ну, как же... Известный артист. «Наш милый доктор»... Помните фильм?

— Ой-бай, с ума сошел?! — изумилась женщина в белом халате. — Ему же 100 лет!

В самом деле, персонаж самой знаменитой картины Шакена Айманова, главврач Лавров, выглядел таким старичком, хотя сам Померанцев в ту пору был довольно молод. «Так он живой?! — изумляются сегодня люди, далёкие от театра. А когда узнают, что не просто живой, а еще и играет на Лермонтовской сцене по два-три спектакля в месяц, так вообще выпадают в осадок.

Скучать Юрию Борисовичу не приходится. У себя дома он с утра до вечера общается, а порой и яростно полемизирует (он называет этот процесс «сшибкой мнений») с классиками, которых, похоже, считает современниками: Станиславским, Мейерхольдом, Немировичем-Данчен-

ко... Это всё настольные книги – учителя, сподвижники, единомышленники. Знания той же системы Станиславского у Померанцева настолько глубоки, что он бы легко мог читать спецкурс в какой-нибудь Академии искусств, хотя сам считает себя самоучкой без специального образования. Его университетами стала школа Натальи Ильиничны Сац, которая когда-то заметила в невзрачном, но темпераментном волке из «Красной шапочки» поцелованного богом артиста.

Вообще, о Померанцеве не слагают байки – это даже как-то неприлично. Не того калибра артист: при всём внешнем комическом облике это очень строгий, аскетичный, требовательный к себе человек. Но и музейный нафталинный пух на нём не образовался – склонность к постоянной импровизации делает его очень живым и пластичным артистом, а по энергии и задору он даст фору молодым.

Журналисты давно раскрыли «формулу Померанцева», да он особо и не скрывает его сути: «Режиссёр – мой враг!».

Каждый репетиционный процесс для Померанцева – поединок. И только когда режиссёр в состоянии «держать удар», удаётся достичь результата. Несколько лет назад, когда ЮрБор (так артиста зовут в театре) репетировал на малой сцене пьесу Джеффа Барона «Визиты к мистеру Грину», он едва не свёл с ума режиссёра Сергея Попова, поскольку у него было... 120 вариантов рисунка роли!

В другой раз в пух и прах разругался с другим режиссёром на другой постановке и демонстративно отказался от роли накануне сдачи спектакля по причине «непримиримых творческих разногласий». В театре несмотря на то, что спектакль ставился именно на Померанцева и должен был стать бенефисом, отнеслись с пониманием – имеет право...

В свои 99 Померанцев так и остался тем самым Дон-Кихотом из Ламанчи, который в памятном спектакле заставлял публику рыдать и смеяться. 11 февраля при полном аншлаге Юрий Борисович Померанцев в очередной раз

пережил личную драму своего мистера Грина, обрёл способность понять, простить и быть понятым и прощённым. А когда за кулисами увидел сияющую молодёжь с цветами – не сдержал слёз, которые растворились в бурных овациях коллег по цеху.

...Осталась всего лишь маленькая единичка до ста. Вы только не подведите нас, Юрий Борисович! А мы уж о вас позаботимся.

А л е к с е й Г О С Т Е В

Анна КУЗНЕЦОВА
*Театральный критик,
писатель, журналист.*
«Мне всё в Горьком интересно!»

ТОЛЬКО ПУСТЬ ТЕБЕ БУДЕТ ХОРОШО!

*Мелодрама в письмах, воспоминаниях, документах на
фоне революции*

Действующие лица

Актриса, исполняющая роль **Марии Андреевой**.

Актер, исполняющий роль **Алексея Максимовича Пешкова (Максим Горький)**, а также – читающий письма за **Савву Морозова, Станиславского, Ленина** и за всех других мужских фигур спектакля.

Пролог

На сцене в кресле Мария Федоровна Андреева, красивая женщина, актриса. Звучит шум начавшегося дождя, раскаты грома.

Андреева. В тот день, 18 июня 1936 года, было душное предгрозовое утро, и, когда разразился буйный ураганный ливень, я почувствовала – его не стало...

Через шум дождя из черной тарелки репродуктора, пробиваются звуки радио. Звучит Интернационал,

переходящий сначала в невнятные звуки официального текста, потом отчетливо.

Голос из репродуктора. Центральный комитет ВКП (б) и Совет народных комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма – товарища Алексея Максимовича Горького, последовавшей в Горках, близ Москвы...

На этом голосе, звучащем из репродуктора, появляется Горький. Он внимательно слушает текст сообщения.

Голос из репродуктора. 18 июня 1936 года. Из заключения к протоколу вскрытия тела А. М. Горького: «Смерть Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доле левого легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца».

От Центрального комитета ВКП (б) «Товарищи! Прощаясь сегодня с Алексеем Максимовичем Горьким, мы, его друзья и бесчисленные читатели-поклонники, переживаем такое чувство, что у каждого из нас какая-то частица своей собственной жизни уходит навсегда в прошлое... *(Оба, каждый сам по себе слушают на сцене: Она старая, но еще жива, он – бессмертный... Памятник себе.)* После смерти Ленина смерть Горького – самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества...»

Голос из репродуктора. Из речи А.Н. Толстого, от Союза советских писателей... «У художника, глубоко и правдиво отражающего революционные эпохи истории, каким был Горький, у творца, ведущего за собою

человечество для создания освобожденного мира, каким был Ленин, - у великих людей не две даты их бытия в истории – и рождение и смерть, только одна дата: их рождение...

Да живет вечно Горький в наших сердцах и в наших творениях!»

Голос из репродуктора. Из речи Андре Жида... «Отныне Максим Горький принадлежит истории, его место в ряду самых великих...»

Горький (*с удовольствием произносит текст*). Для увековечивания памяти А. М. Горького Совет народных комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП (б) постановили воздвигнуть памятники в городах Горький, Ленинграде, Москве за счет государства.

Из репродуктора звучит Реквием. У Андреевой своя память, свои реликвии и экспонаты их общего прошлого - Андреевой и Горького. С трудом выбираясь из кресла, она приносит на сцену их общие фотографии. Начинают перебирать.

Андреева (*остановившись на одной*). А это первый свой портрет, который мне подарил он. Алексей Максимович.

Горький (*берет из рук Андреевой фотографию, поворачивает, читает*). «Хорошему человеку Марии Федоровне Андреевой. 1900 год. М. Горький».

Эпизод первый

Андреева (*примеряет шляпы, разглядывает себя в зеркале. Вздохнула. Стара*). Обыкновенно говорят и думают, что в старости человек вспоминает о пройденном им пути без всяких ощущений пережитых

чувств и событий. Нет, это не так! Когда я оглядываюсь на длинный путь, близящийся к концу жизни моей, чувства горят в сердце моем и иногда больно жгут, события встают одно за другим передо мной, как будто вчера только пережитые или виденные... Событием, перевернувшим, круто изменившим всю мою жизнь, стала встреча с Горьким.

Возникают архивные кинокадры: Горький-Чехов-Ялта-Севастополь-МХАТ на гастролях.

Мы, тогда еще Художественно-общедоступный театр, поехали в Крым, собственно, в Ялту, показать Антону Павловичу Чехову две его пьесы – «Чайку» и «Дядю Ваню», которые он не видел. По дороге остановились в Севастополе, где тоже дали несколько представлений.

Спектакли имели большой успех, публики было много, стояла дивная ранняя весна, почти все мы были молоды, страстно влюблены в свой театр, безгранично верили в своих руководителей Константину Сергеевичу Станиславскому и Владимиру Ивановичу Немировича-Данченко... и обожали Антона Павловича Чехова. Все это вместе взятое создавало особо повышенную атмосферу радостного праздника, предчувствия больших необычайных переживаний. Мы знали, что в Ялте живет сосланный туда Горький.

Горький. Ей сказали, что на спектакле буду я с Чеховым.

Андреева. Весь день прошел для меня в трепете... После спектакля в шуме толпы и аплодисментов, криков - «Горького»! «Горького»! «Браво»! вырываясь от толпы зрителей, из-за кулис появляется взволнованный Горький, который старается сдерживаться, пересилить

себя, но слезы заливают его глаза, льются по щекам.

Горький. Господа! Будьте благоразумны! Пожалуйста, успокойтесь! Неужели вы не понимаете, до чего же это глупо?! Происходит такое значительное событие, идет «Дядя Ваня», Антон Павлович в театре, а вы ломитесь в закрытые двери, занимаетесь пустяками. Ведь я же писатель, читайте то, что я пишу, если вам нравится, но зачем смотреть на меня? Что я, балерина, утопленница, чтоб глазеть на меня? Постыдились бы, вы, господа!

Андреева. Алексей Максимович чуткий и страшно деликатный по отношению к другим очень страдал от праздного любопытства и человеческой бестактности.

Увидев друг друга, между Андреевой и Горьким мгновенно вспыхивает чувство. Разгорающаяся страсть, которая сметет всю их предыдущую жизнь.

Горький *(от неловкости изо всех сил трясет ей руку, надо полагать, протянутую для поцелуя).* Черт знает! Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете! Как же хорошо, что вы играете хорошие пьесы, и, какие замечательные у вас артисты. *(Горький в шляпе, сапогах, косоворотке. Как на портрете, ей подаренном. Не знает, куда его деть. Тут же подписывает его. И опять же от зажатости, он произносит не самую подходящую из фраз, слышанную от Чехова.)* Несравненная генеральша... *(И еще глупее.)* Так вас называет Чехов...

Андреева. А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, чесучовая косоворотка, измятая как-то по-особенному шляпа с широкими полями, почти касалась

потолка — в мою уборную он так и вошел в шляпе, несмотря на жару на плечи была накинута какая-то разлетайка с пелериной. Нет, не таким я его себе представляла. Странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. (*Как бы обороняясь от него, она обращается к портрету.*) Вот он на одной из первых фотографий, мне подаренных и надпись: «Хорошему человеку. Марии Федоровне Андреевой. 1900 год. М. Горький». (*Он по-прежнему держит в своих руках ее руки.*) Лично мне, как писатель он был известен с первого же его появления в толстых журналах и с первого же прочитанного мною рассказа «Мальва». Меня захватила красота и мощь его дарования. Когда я читала его произведения, мне часто казалось, будто он где-то тут рядом и видит то, что прячется в душе, чего до тех пор и сама в себе не подозревала, а вот кто-то подглядел, подслушал тайное и открыл. О нем самом я не знала еще ничего. Мне представлялось, что это необыкновенно красивый человек, у которого должны быть большие, проникновенные, все видящие глаза.

Андреева (*читает*). «Море смеялось. Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. Солнце было счастливо тем, что светило; море — тем, что отражало его ликующий свет».

Горький, подхватив ее цитату из его рассказа, вздохнул и читает ей «Мальву». Для нее!

Горький. «Ветер ласково гладил атласную грудь моря; солнце грело ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая под нежной силой этих ласк, насыщало жаркий воздух соленым ароматом испарений. Зеленоватые волны, взбегая на желтый песок, сбрасывали на него белую пену, она с тихим звуком таяла на горячем песке, увлажняя его».

Андреева. И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого и радостно екнуло сердце.

Это – их объяснение в любви.

Андреева (сдалась). Нет, он такой, какой надо...

Горький (восторженно глядя на Андрееву). Художественный театр – это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его невозможно, не работать для Вас – преступление...

Звучит как признание в любви.

Андреева. Что же вы не напишите для нас, для меня... пьесу?

Горький. Не умею писать пьес. Начал драму – сорвалось. Скучно, грубо выходит. Воображение-то цепкое, ухватистое. А сам – как большая печка, которой не достает дров, вот и не пишется пьеса

Андреева (спохватившись, что ее руки снова в его руках). Да разве есть на свете что-либо, чего вы не умели бы? У вас обязательно получится, не может не получиться.

Горький. Ну, в величину меня возводить рано. Я, кажется, из тех, которые никуда не приходят, а все только идут.

Андреева (*отстраняясь от него*). Вы пока сами не понимаете, как могут быть нужны ваши пьесы.

Это и есть рождение их любви, взаимной необходимости. Она не может справиться с их тяготением.

Вам надо ближе подойти к нашему театру... И присмотреться. И написать пьесу.

Горький (*счастлив, открывається*). Хочется написать хорошо, хочется написать с радостью. Мне хочется солнышко пустить на сцену, веселого солнышка, русского этакое, - не очень яркого, но любящего все, все обнимающего. Эх, кабы удалось. (*А это уже только ей.*) Мало на свете хорошего. Самое хорошее – искусство! Мог бы сказать – вы!

Вот и состоялась встреча и объяснение в любви.

Андреева. А я смотрю на него и думаю: Он, конечно же, такой, какой надо было бы, чтобы он был, слава Тебе, Господи!

В то время Алексей Максимович часто виделся с нашими актерами, приезжая время от времени в Москву. Наша дружба с ним все больше крепла, нас связывала общность во взглядах, убеждениях, интересах. Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоявших к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего, с просьбой устроить их, сделать то или другое. Бывая у меня, он часто говорил, встречая много народу: «Место свято пусто не бывает». Я страшно гордилась его дружбой, старалась быть

достойной ее, восхищалась им бесконечно. А он называл меня тогда «Чудесной человечинкой»...

Горький. Вы - чудесный человечинка!..

И вот она уже около его ног. И вокруг него. Начинается ее служение ему.

Эпизод второй

Андреева. Говорят, вас избрали почетным академиком?

Горький. Ну, это было бы более чем оригинально.

Читает за Николая II. Николай Второй в письме к Министру народного просвещения Петру Ванновскому:

«Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании, понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием... Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется».

Знаменитая групповая фотография МХТовцев. Идет читка появившейся пьесы Горького «На дне». Не обойтись тут без «Человек – это не ты, не я... Это – ты, я, он.... Человек – это звучит гордо!» Для Горького, читающего пьесу, картежник, пропойца Сатин – тоже он. Но они снова двое: Он и Она! И пьеса – для нее. Они оба плачут в сцене смерти Анны.

Горький (читает за Луку). «Ты верь! Ты с радостью помирай, без тревоги»... Хорошо, ей-Богу, хорошо написал... Черт знает, а! Правда, хорошо!

Вытирает глаза.

Андреева (читает за Наташу). А кому – хорошо

жить! Всем плохо... Я вижу... Жалко... Человека-то...
Беспокойно мне сегодня... сердце щемит... будто жду
чего-то...

*Шаль падает с ее плеч, он поднимает ее, набрасывает
ей на плечи, целует край шали. До этого «борется»
с папирсой, прячет ее в кулак. Прилюдно целует.
Сцена Васьки Пепла и Наташи – их сцена. «Чудесная
человечинка».*

Горький (поет). «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме
моей темно»... (Начинает декламировать «Песню о
буревестнике».)

«Ветер воет... Гром грохочет... Синим пламенем
пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы
молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи,
вьются в море, исчезая, отраженья этих молний! Буря!
Скоро грянет буря!

Андреева. Это смелый Буревестник гордо реет между
молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк
победы:

Горький. Пусть сильнее грянет буря!..

Они (вместе). Буря! Скоро грянет буря!

Их счастье. Вместе с МХАТовцами.

Эпизод третий

Андреева. Сошлись мы с Алексеем Максимовичем
окончательно в 1903 году на встрече нового 1904 года,
мы были вместе и со всеми МХТовцами. (На сцене –
Горький и Андреева, она разворачивает фантик, ей
доставшийся, там написано – Горький. Счастливые
смеются.) А Книппер достался фантик с Чеховым!

Горький. А кому достался фантик с Морозовым?

Горький разыгрывает с ней сцену с Саввой Морозовым.

Горький. Савва Морозов тебя предупреждал: милый друг, берегись. Вы начинаете его любить, а с Вашим характером Вы можете так ахнуть, что все к черту полетит... И генерал, и семья, и даже театр, что будет хуже всего.

Андреева. Я полюбила. (*Кружится в танце.*) Еще в 1896 я перестала быть женой Андрея Алексеевича Желябужского. Я сказала ему, что соглашусь жить с ним в одном доме, как мать своих детей и хозяйка — ради детей. Я сказала, Андрею Алексеевичу, что, если встречу и полюблю кого-нибудь, ему первому скажу об этом. Об этом знали мои родные, и догадывалось большинство знакомых: шило в мешке не утаишь. Я полюбила.

Горький преподносит ей новогодний подарок — поэму Человек.

Горький (*читает поэму*). ... «В часы усталости духа, — когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, — когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, — в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой величественный образ Человека».

Андреева. Что это?

Горький. Это тебе. Мой новогодний подарок.

Андреева (*читает*). «Человек».

Горький (*читает*). «Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! и — выше! трагически прекрасный Человек!»

Андреева (*подхватывает*). «Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает».

Горький. В конце есть моя дарственная надпись. Прочти.

Андреева (*читает*). «Кладу эту вещь к Вашим ногам, каждая строка ее — кусочек моего сердца. Крепкое было сердчишко, а сейчас Вы можете приказать вырезать из него каблучки к туфелькам своим, и я только был бы счастлив этим»!

Горький (*за Савву Морозова. Взял рукопись, прочел последнюю страницу, поднял глаза на ее лицо*). Так, так — новогодний подарок. Влюбилась!!! Так шествует мятежный человек — Вперед! И выше! Все вперед! И выше!

Савва (Горький) выхватил из фрачных брюк тонкий золотой портсигар, стал закуривать папироску, но не с того конца.

Андреева (*увидела трясущиеся веснушчатые пальцы, взяла его под руку*). Сейчас начнется «Кабаре» - идемте. (*И увела его.*) Савва все время твердил свое: умрете нищим под забором. Я полюбила!

Горький (*за Савву*). Я не допущу... Я дам вам денег!

Андреева. Мне ничего не надо. Отдайте лучше Горькому, на революцию. Я сказала себе, если бы даже я буду совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой — я буду жить так, чтобы жить совершенно свободно! Только теперь я почувствовала, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно...

Вскоре Савва Тимофеевич вышел из состава пайщиков МХТ, снял с себя должность директора, свой паевой взнос он согласился оставить театру, но отказался от дальнейших денежных обязательств и от права голоса в делах театра. 13 мая 1905 года лежа в постели своего номера Каннского Рояль отеля Савва Морозов покончил с собой выстрелом в сердце. Оставил коротенькую записку: В моей смерти прошу никого не винить. Ему было всего 43 года.

Это и ее боль. Это ради нее он строил театр в Камергерском. Он был влюблен в Андрееву и ее соединение с Горьким ему было не пережить.

Эпизод четвертый

Андреева. После встречи в Художественном театре нового года Алексей Максимович окончательного уехал из Нижнего Новгорода, и мы всюду являлись уже открыто, как муж и жена. Он усиленно старался ввести меня в писательскую среду как свою жену. Конечно, с большинством из них я была знакома, они бывали у меня в доме, но реагировали они на наш с Алексеем Максимовичем союз весьма не сочувственно, кто по соображению семейный добродетелей, кто по зависти, а кто по сочувствию Екатерине Павловне Пешковой - жене Горького, с которой они тоже, конечно, были знакомы. Стоит мне показаться в переулке, как все извозчики начинают пересвистываться. Вот оно возмездие за дурное поведение! О-о-о!

Снова реальность 30-х годов, может включиться радио, звучат речи траурного митинга «медицинское заключение о смерти Горького».

Фрагмент речи по радио. Гроб с телом Горького доставлен из Горок в Москву и установлен в колонном зале Дома Союзов... Открыт доступ в колонный зал Дома Союзов для прощания с Горьким...

Горький (*берет ворох газет, читает заголовки статей*). Александр Фадеев: «Друг и учитель трудящихся», Надежда Константиновна Крупская: «Ленин и Горький», Георгий Димитров: «Имя Горького будет вдохновлять миллионы», Михаил Кольцов: «Народный великан», Алексей Толстой: «Художник великой эпохи», Луи Арагон: «Мировая литература потеряла своего вождя» ...

Диктор по радио. От Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) выступил товарищ Молотов. В частности он сказал: «Товарищи! Прощаясь сегодня с Алексеем Максимовичем Горьким, мы, его друзья и бесчисленные читатели-поклонники, переживаем такое чувство, что у каждого из нас какая-то частица своей собственной жизни уходит навсегда в прошлое...»

Она снова выключает радио, снова с ним.

Андреева. А Алексей – дурачок однажды спросил меня...

Горький (*слегка улыбаясь*). Не льстит ли тебе положение жены знаменитости и не играет ли это роли в твоём чувстве ко мне?

Андреева. Он забыл или не понимал, что я сама по себе была не жена, а Мария Федоровна Андреева, актриса МХТа, что у меня было свое имя, свое положение и что я была любимицей публики, а уж особенно молодежи. Станиславский называл меня античной актрисой.

Горький (*берет со стола письма, перебирает их*). Цветок – цветку (*Ёрничает.*) ...Милая Мария Федоровна! Я не посылал вам цветов, но, пожалуйста, пусть будет так, и точно я послал вам их, иначе конфузу моему и огорчению не будет мер. Спасибо вам большое, необыкновенное, и считайте теперь меня Вашим неоплатным должником. (*Передает записку, кладет цветы к ее ногам.*) Преданный Вам, Антон Чехов.

– В роли Веры Кирилловны Вы восхитительны, обворожительны, пленительно красивы, очаровательно изящны, красивы до преувеличения, классично грациозны. Играете вы все время чудно, великолепно, а минутами вы прямо изумительны. Вы – велики...

Преданный Вам, Алексей Стахович.

– «Когда кругом пестрят безвкусные наряды,
твоя одежда нежной белизны.

Когда глаза других горят греховным блеском,
В твоих – лазурь морской волны...»

Всеволод Мейерхольд.

Растет гора цветов у ее ног, их передает Горький. И эта сцена о расцветающей любви мужчины и женщины. Об их притяжении. Словно, и нет никого вокруг.

– «Я совсем влюбился, такой актрисы в жизни своей не встречал. Вы и красавица, и чудесный человек...» Лев Толстой

Андреева встает с кресла, поднимает охапку цветов, прижимает к груди, какое-то время стоит молча, потом разжимает руки, цветы падают.

Андреева. Вчера на спектакле твою Андрееву завалили цветами, а Книппер подарили лишь маленький букетик

фиалок. Это все я отбросила в сторону, чтобы жить с ним и для него.

Эпизод пятый

Горький (*держит в руках лист с письмом от Станиславского, читает достаточно резко*). Дорогая Мария Федоровна! Я узнал с большой грустью о вашем решении уйти из своего театра. С не меньшей грустью я сознаю, что мои убеждения и советы теперь неуместны и бессильны. Мне ничего не остается более, как сожалеть и молчать. Не примите же это молчание за равнодушие к происходящему и верьте моему искреннему желанию, чтобы предпринимаемый вами решительный шаг не принес вам новых разочарований. Уважающий вас и преданный Алексеев (Станиславский). *Андреева отошла к краю сцены, стоит, задумавшись, кажется, ее мучают думы о чем-то своем. Не отвечает.*

Горький (*опять читает письмо Станиславского*). Дорогая Мария Федоровна! Долгое знакомство, почти дружба в прошлом, стремление к каким-то хорошим целям, все это, может быть дает мне право выйти из нейтральной роли, принятой мной в силу многих обстоятельств.

Я, конечно, понимаю, что Ваш последний поступок — разрыв с прошлым без предупреждения и объяснения причин — ясно указывает мне на то место, которое вы назначаете мне в происходящем грустном событии. Тем не менее, я решаюсь быть назойливым, принуждаю себя не считаться с самолюбием и очень болезненным чувством обиды. Кто знает, может быть, мне удастся

сказать какое-то слово, которое заставит вас задуматься и предотвратить большое несчастье. Я не говорю уже о здоровье. Специалисты и близкие вам люди знают лучше меня, как им надлежит поступать. Я говорю только об искусстве. Ваша роль в нем была исключительной. Вы взялись облагородить его, вырвать его из рук торгашей и передать тем, кому оно должно принадлежать. Наша деятельность получила общественное значение, ее признало общество и наградило нас таким положением, какого не достигал еще ни один артист. Теперь вы отрекаетесь от этого почетного положения, которому больше всего завидуют лучшие провинциальные артисты, и добровольно становитесь в их ряды. Неужели вы перестали поклоняться прежнему богу и отреклись от своих идеалов? Подумайте, на что вы меняете ваше теперешнее служение обществу? С десяти репетиций играть лучшие произведения литературы или с трех репетиций – произведения пошлости и бездарности? Играть в сезон по десяти новых ролей? Это ли не профанация искусства? Разве это достойная вас деятельность? Ваш успех будет велик, но разве он удовлетворит вас при таком сознании? Не деньги же вас прельщают? Или, быть может, вы пришли к убеждению, что наше дело испортилось? Спасите же себя! Оставайтесь служить обществу теми средствами, которые дала вам природа. Даю вам слово, что пока вы будете служить этой почетной цели, вы не найдете человека, преданнее меня. В противном случае мы разойдемся в разные стороны, и я с большой душевной болью прощаюсь с вами, сохранив наилучшие

воспоминания о прошлом, и заранее оплакивая ваше будущее. Ваш искренний доброжелатель Алексеев (Станиславский).

В это время она может собирать и укладывать свои вещи.

Андреева. Я ухожу без совета с вами? Я много лет подряд ежегодно, каждую весну, прежде по несколько раз в год говорила с вами о том, что дело в театре, по-моему, идет не так, как мне кажется хорошим и достойным, говорила о себе, о своем тяжелом положении в театре, о недостатке работы. Как вы смотрели на эти разговоры? Серьезно? Нет. Вы успокаивались на мысли – это у Марии Федоровны обычный транс, это пройдет, это пустяки. Мария Федоровна дурит. Я перестала уважать дело Художественного театра. Я не скрывала этого, я об этом говорила громко. Вы испугались такого моего разочарования? Вы постарались вернуть мое уважение? Я не считаю, что изменила своему богу, - мой бог в моей душе жив, но я не хочу обманывать, я не хочу быть брамином и показывать, что служу идолу в капище, только лучше и красивее свиду. Внутри него – пусто... ни о славе, ни о рекламе, ни о чем об этом я не думаю и смешны мне эти слова. Я иду служить, потому что я бедна. Будь я богата, я не служила бы совсем. Иду служить потому, что мне больно оставаться там, где я так свято и горячо верила, что служу идее, а вышло.... Ну, не будем говорить об этом. Вот где, правда, Константин Сергеевич, поймите! А что вы или какое-то общество, которое вы считаете лучшим, перестанете меня уважать – простите, после всего мною сказанного

огорчает меня очень мало: я выше всего ставлю, чтобы я-то сама себя уважала. Не следовало вам об этом писать.

Она поклонилась, закрыла крышку чемодана, щелкнули замки. Медленно пошла по сцене мимо афиш Художественного театра, притронулась к ним как бы прощаясь.

Сама вычеркивает фамилию Андреева.

Андреева (*чуть не плача*). Мне было очень тяжело, и я очень боялась расплакаться.

Константин Сергеевич, мне хочется сказать вам, что я всем сердцем, всей душой желаю вам счастья, уходя, буду помнить только хорошее, унесу горячую благодарность к вам, моему учителю, дорогому и любимому учителю, и останусь всегда вам верным другом. С этим я уйду от вас. Прошу вас, не поминайте и вы меня лихом. Что ждет каждого из нас впереди – кто знает, а за прошлое примите мою благодарность, она очень искренна и глубоко живет в моем сердце. Будьте счастливы, дорогой Константин Сергеевич.

Горький (*с ворохом газет, растерянный от ее решимости*). С московской публикой простилась оставившая труппу госпожа Андреева. Госпожа Андреева подписала контракт в драматическую труппу г. Незлобина в Риге. Даровитой актрисе устроили пышные проводы, вызывали каждый акт и подносили несколько корзин с цветами.

На сцене одна Андреева, у ее ног огромная корзина с белыми цветами.

Андреева. Алеша, пишу тебе и смущаюсь, сознавая до какой степени твои планы и настроения далеки от всего,

что приходится переживать мне, и не хочу молчать, хочется поговорить с тобой! От чего тебе так не хочется, чтобы я играла в Риге? Опять и опять не согласна с тобой, ни с кем из тех, кто так страшает меня. Я верю в свои силы, я хочу знать, какая же я действительно актриса, и, по моему глубокому убеждению, было бы очень хорошо, если бы я следующий сезон играла, ты был бы со мной, помогал мне, работали бы мы вместе. Если бы ты знал, как я об этом мечтаю, Алеша. Как мне было дойти до этого сознания, каково мне было сделать этот решительный шаг — подумайте хоть немного.

Эпизод шестой

Андреева снимает афиши со своим именем в МХТ. Снова театральные афиши, теперь уже в антрепризе Незлобина. Андреева идет мимо них: «Бесприданница», «Одинокие», «Красная мантия», «Маскарад», «Дядя Ваня». Андреева с чемоданом, потом за гримировальным столиком.

Андреева. Вот я и в Риге. И даже почти устроилась. Квартуру нашла весьма сносную, хотя и после очень многих неудач и поисков... У нас столовая, кабинет Алексея Максимовича даже с балконом, и перед ним две липы, моя комната и еще запасная, где стоят шкафы, и кровать на случай приездов к нам... Мебель мы взяли напрокат. От Алексея Максимовича приходят бодрые хорошие письма, пишет, что засел за работу и прочел все рукописи. Когда приедет сюда — еще не заикается, так что надо надеяться, что он в Ялте еще поживет. *(Почти кричит.)* Алеша, не забывай меня! Пиши

побольше!

Маруся, 4 мая 1904 года. (*Это надпись на фотографии.*)

А от него в ответ: Картина сия почтительно преподнесена мною в дар на вечные времена мной уважаемой Марусе. Алексей Пешков.

Андреева. Играю теперь вовсю. На этой неделе: понедельник – «Дядя Ваня», вторник – «Последние минуты», среда – «Дачники», четверг – «Мещане» – недурно? А тут еще навязали мне Нину в «Маскараде»... Читаю и убеждаюсь, что и сам «Маскарад» мне не нравится, а уж роль просто дикая какая-то. Я не умею играть, когда надо говорить так или то, чего в жизни никогда никто не говорит, а по моему, эта Нина именно так поступает, когда кричит неестественные слова этому самому своему Арбенину. Да и этого тигра лютого я не понимаю и не верю, чтобы это было интересно кому-нибудь. Даже стих мне не нравится. Обидна в нашем ремесле эта подчинённость чужой воле, чужому образу, обидно, что не пишут, не пишут таких слов, которые бы можно было сказать, как свои, родные, настоящие. Господи, как хочется играть хорошее, человеческое и умное!

Андреева вспоминает свою роль в «Дачниках».

Андреева в роли Марии Львовны. «В наши дни стыдно жить личной жизнью. Дети прачек, кухарок, дети здоровых рабочих людей – мы должны быть иными...» «Мы дачники в нашей стране. Какие-то приезжие люди. Мы суедемся, ищем в жизни удобных мест... Мы ничего не делаем, и отвратительно много говорим».

Горький, словно видя ее в этой роли, повторяет слова из

своей пьесы: «лучшая женщина та, которую любишь...»
Андреева. Здесь я бываю только на репетициях, гуляю, читаю очень много, никого не принимаю, и, думаю, так будет до приезда А. М. Немного, это мне бывает тяжело. Я привыкла жить с детьми. Но ничего, справляюсь с собой довольно удачно и бодрости духа не теряю.

(Андреева все про него. Он!) Угадывать в Алексее Максимовиче большого человека было вообще не трудно, даже в те годы. А полюбила я его за все, за то, что он был, за синие глаза, обаятельнейшую улыбку. Любят – потому что любят, а не за что-нибудь, за это ценят. Вот если вы нарисуете его портрет того времени! Ведь он не вышел, как Афина-Паллада из головы Зевса, готовым небожителем! Он был не только резок – но даже грубоват, он не очень-то умел держать себя просто, иногда был слишком застенчив, а иногда и слишком развязен, не умел сидеть за столом, курил в кулак и т.п. мелочи. Иногда ему нравились довольно даже вульгарные, наряду с действительно художественными, вещи, как выжигание по дереву, весьма второстепенные картинки, дамские эмалированные часики с золотыми драконами...

Горький. Вы будете в Екатеринбурге – купите для подарка Марии Федоровне какой-нибудь камень – хризолит, изумруд, александрит, но, чтобы это была вещь, достойная ее. Идет? Вообще-то что-нибудь редкое, исключительное.

Андреева. В те годы мне пришлось переживать большую духовную драму – из обыкновенной дамы, жены крупного чиновника, привыкшей ко всем атрибутам подобного положения, я мало-помалу

становилась человеком и актрисой... многому научилась, многое увидела в совершенно новом для себя свете. Начало революционных событий 1905 года застало меня в больнице. Я потеряла сознание. Мог быть его ребенок. Не получилось. Был выкидыш.

9 января 1905 года у Марии Федоровны перитонит. Это грозит смертью. Горькому телеграфировал Савва. Пока еще – Савва.

Андреева идет к своему креслу, тяжело опускается, слабеет.

Андреева. Сейчас такое время, что нет, кажется, дома, семьи, человека, у которого не было бы большого горя, большой беды на душе. Интересное, жгучее, жуткое время! И отражается оно на всем, на всяком, а на таком необыкновенном человеке, как Алеша, втрое больше, чем на всех, а с ним вместе, конечно, и на мне...

У меня за последнее время выработалась привычка ни на что не рассчитывать, ничего не считать верным, не делать никаких планов...

Горький. 10 января 1905 года Петербург, телеграмма срочная, Рига. Первая вагонная дамба, 2, Марии Андреевой.

Родная, милая, буду завтра, держись, раньше нет поезда. Собери все силы. Жди меня. Люблю, ценю. Всем сердцем с тобой. Алеша.

Андреева в кресле, рядом Горький.

Горький. Сейчас был у больной, страшно изменилась, но ей лучше. Пошлите две тысячи Герману Красину. Здесь завтра начнется общая забастовка. Жму руку, если ухудшений не будет, завтра выеду. Алексей.

Андреева. 11 января, после кровавого воскресенья,

Горький приехал в Ригу, чтобы проведать меня. В тот же день чинами Петербургской жандармерии он был арестован и увезен в Петербург.

Горький (*от имени Саввы Морозова*). Дорогая и милая Мария Федоровна! Сегодня узнал, что с другими членами депутации, ходившей к Витте, арестован и Алексей, уже в Риге. Идиоты! Им следовало арестовать весь народ. Но жалко, что произошло это в момент вашей болезни, жалко Алексея, который пошел в тюрьму с заботами и тяжелым сердцем. Вас не утешаю...

Горький. Посадили меня в Алексеевский равелин, в сырую холодную камеру с каменным полом, почти без дневного света, нарядили в арестантский халат, мало гревший, неуклюжее нижнее белье, широченные чулки, неудержимо спадавшие, и шлепанцы – кожаные туфли. Но и в крепости я писал пьесу «Дети солнца».

Горький (*читает телеграмму*). Пятницкому 17 января 1905 года, Петропавловская крепость. Дорогой мой друг – сердечное, горячее спасибо за добрую весть о здоровье Маруси! Признаюсь – эти дни я испытал нечто, до сей поры еще неизведанное мной, - так боялся за нее и такие страхи рисовались воображению – сказать стыдно! Включительно до гроба, убранного цветами и церковного пения. Сегодня, 17-го, вместе с вашей запиской получил телеграмму от доктора Кнорре из Риги, он сообщает, что сегодня же вечером Марусю перевозят в Петербург, в больницу Канегисера.

Андреева – Пятницкому, январь 1905 год г. Рига.

Андреева. Константин Петрович, родной мой! Употребите все усилия, чтобы Алеша знал, что я лежу и

спокойно жду, когда можно будет отсюда уехать, чтоб не волновался за меня.

Горький. 2 февраля 1905 года, Петропавловская крепость. Пишу наобум. Не знаю, где ты, здесь или в Риге? И как твое здоровье? Вот уже прошло дней десять, а я все еще не имею никаких точных сведений о тебе. Это вызывает сильную зубную боль в сердце, к тому же собственные мои зубы ноют так, словно в голове еврейский оркестр из «Вишневого сада» играет и как будто ему заплатили на неделю вперед... Только бы знать, что с тобой?.. Если будешь писать, пиши подробнее. Целую твои руки, родная Маша. Всего доброго. Алексей.

Андреева. Родной мой, Алеша, знай, я лежу и спокойно жду, когда можно будет уехать отсюда, чтобы не волновался за меня. Самое ужасное быть невольным отягощением. Мучительно боюсь, не простудили бы, не повредили бы твое здоровье. Надо хлопотать, чтоб отпустили на юг... Я поеду с тобой, с театром кончено. Это все можно устроить, все равно я больна и не скоро смогу играть, мне даже полезно будет.

Горький. Машу перевезли в Петербург, а меня через месяц выпустили из крепости, но в Петербурге не разрешили остаться ни на один день.

Андреева. Я боюсь, я безумно боюсь за Алешу! Он, конечно, хочет суда... и этот суд он сделает судом не над обвиняемым, а над теми, кто его обвиняет. Я знаю, я понимаю, что это, может быть, так и надо, но болит мое сердце и страшно мне... Я чувствую, что он уже винит себя за бездействие. Я чувствую, как его огромное сердце обливается кровью, я чувствую, что он пойдет

и погибнет. Я не баба, я не эгоистка, честное слово, я не о том, что вот мол, я останусь. Но ведь это же такой огромный человек, это такой великий художник! Ведь это же сейчас первый человек на земле! Вчера он читал своих «Детей солнца» - это так великолепно, это может быть лучше из всего, что он написал. Он читал – и я все время чувствовала – ведь это же нужнее, дороже всего. Где будет он, там буду и я, погибнет он, и я с ним. Я не так много могу, я для него честь его самого, и он будет думать, что я неправа, что во мне говорит слишком сильное чувство к нему. А это неправда, это неверно! И здоровье его тревожит меня, он мало ест, слишком много волнуется, бледен и худ. Знаете, он читает газету о войне, и я вижу, как у него руки дрожат от волнения. Иногда к вечеру он так устает, что едва ляжет – засыпает, спит тревожно, видит какие-то нелепые сны и стонет, пока его не разбудишь.

Эпизод седьмой

Горький. Прошел год, один только год, а как все изменилось. Какая масса впечатлений, событий, как вся жизнь в России переменялась и стала такой порывистой, неопределенной, полной кипучих сил и движения.

Андреева. Я не знаю, мне как-то иногда стыдно думать, говорить, заботиться о себе – такое это все кажется маленькое и ничтожное по сравнению с тем, что совершается в такой огромной стране, как Россия. Только очень меня тревожит, что дети будут 1 мая в Петербурге. Хотя есть ли в России теперь такое место, которое можно было считать хоть до известной степени

безопасным? Мне кажется, что нет.

Горький. Ах, хоть бы поскорее разрешилось бы это напряжение, «буря бы грянула» что ли...

Андреева. Ничего! Как-нибудь справимся со всем, и не такие горшки об наши много терпеливые головы расколачивали.

Горький. В Петербурге мне не разрешили остаться ни на один день. *(В руках у Горького распоряжение департамента полиции.)* Андреева Мария Федоровна привлечена в качестве обвиняемой к дознанию в порядке 1935 ст. уст. угол. суд. — по делу социал-демократической организации, находящемуся в судебной палате. Оба мы оказались под надзором полиции.

Из документа департамента полиции о литературно-музыкальном вечере в Гельсингфорсе.

Бывшая артистка Московского Художественного театра Мария Федоровна Желябужская, по сцене Андреева, по сведениям, доставленным начальником Финляндского жандармского управления, принимала участие вместе с писателем Максимом Горьким (Пешковым) и Скитальцем (Петровым) в устроенном в финском национальном театре в городе Гельсингфорсе на литературно-музыкальном вечере в пользу пострадавших во время беспорядков в России.

Аплодисменты. Теперь они оба рядом на авансцене. Андреева на митинге в Гельсингфорсе в пользу пострадавших во время беспорядков в России, для сбора средств для русской революции читала стихи Ивана Рукавишникова.

«Проклятая страна, Святая Русь, залитая кровью,

помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы. Помните всегда, как там гремели пушки, и лилась горячая кровь братьев свободы. Кто за нас, идет за нами сомкнутыми рядами. Помните все, что наши братья сидят в холодных сырых тюрьмах. Пойдем и освободим тех, кто закованы в кандалы».

Горький *(в шуме аплодисментов читает рассказ «Товарищ». Это 19 января 1906 года, заканчивая словами Скитальца).* Железо, которое начинает накаливаться, не следует бросать, а надо раскаливать его на огне до тех пор, пока его можно гнуть, как угодно, терпением вознаграждается труд!

Стихают аплодисменты. Теперь одни Андреева и Горький.

Андреева. Так закончился еще один митинг в Гельсингфорсе и оба мы, я и Алексей, под надзором полиции. *(Тихо.)* Я чайка... не то. Я актриса. Я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. Чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, что в нашем деле главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Где-то далеко раздаются аплодисменты. Звучит романс «Чайка», они поют вдвоем, тихо, он подыгрывает.

Модный романс начала века, написанный Еленой Алексеевной Буланиной 1876-1941 и положенный на музыку.

Заря чуть алеет. Как будто спросонку
 Все вздрогнули ивы над светлой водой.
 Душистое утро, как сердце ребенка,
 Невинно и чисто омыто росой.
 А озеро будто, сияя, проснулось
 И струйками будит кувшинки цветы,
 Кувшинка, проснувшись, лучам улыбнулась,
 Расправила венчик, раскрыла листы...
 Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.
 Над озером тихая чайка летит:
 Ей много простора, ей много свободы.
 Луч солнца у чайки крыло серебрит.
 Но что это? выстрел! нет чайки прелестной,
 она умерла, трепеща в камышах,
 Шутя, ее ранил охотник безвестный,
 Не глядя на жертву, он скрылся в горах....
 И девушка чудная чайкой прелестной
 Над озером тихим спокойно жила,
 Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный,
 Ему она сердце и жизнь отдала.
 Как чайке охотник, шутя и играя,
 Он юное сердце навеки разбил,
 Навеки убита вся жизнь молодая,
 Нет жизни, нет веры, нет счастья, нет сил.

Горький и Андреева с распоряжением департамента полиции.

Горький. Привлечены в качестве обвиняемой к дознанию в порядке 1935 ст.уст.угол.суд. — по делу социал-демократической организации, находящемся в судебной палате. Приостановлено 17 февраля 1907 года до явки или задержания за прочтение воззвания

против правительственного содержания на литературно-музыкальном вечере в городе Гельсингфорсе в пользу пострадавших во время беспорядков в России (*Аплодисменты концерта.*) Подлежат аресту. Деньги я оставляю. Спасибо Савве, их хватит воспитывать детей, даже если бы меня сослали. Если со мной что случится, на год этого хватит... Это лучше знать на всякий случай – кто знает, что может случиться... Ах, хоть бы поскорее разрешилось бы напряжение, «буря бы грянула», что ли...

Андреева и Горький с чемоданами.

Андреева. Думали мы, думали с Алешей и пришли к таким выводам: надо полагать, что до весны положение дел в России не изменится и репрессии будут продолжаться, следовательно, нам в России не жить... После долгих уговоров и убеждений Алексей Максимович, наконец, согласился уехать в Америку, но поставил условием, чтобы я ехала с ним, что без меня он не поедет. Уезжая, я, конечно, сожгла за собой корабли, становилась эмигранткой неизвестно на сколько времени... Но рассуждать было нечего, раз от этого зависел отъезд самого Алексея Максимовича, а если бы он не согласился уехать – его свобода и даже, может быть, сама жизнь. Владимир Ильич одобрил решение Алексея Максимовича поехать в Америку, собирать средства на революцию, агитировать за революцию и помешать даже кредитов царскому правительству.

Гудок парохода. Чемоданы. Теперь они...

Конец первой части.

Часть вторая.

Эпизод восьмой

Андреева и Горький на борту теплохода «Фридрих Вильгельм Великий». Лидирует не она, а Горький. Горький разглядывает в бинокль приближающийся берег. Она женщина с известным писателем. И все!..

Горький. Это Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатипятиэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишённые желания быть красивыми, тупые, тяжёлые здания поднимаются угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своей высоты, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей. Издали город кажется огромной челюстью, с неровными черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением. Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью. Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработаны...

Вновь гудок теплохода, американский джаз. Какофония чужой огромной страны. Андреева и Горький спускаются по трапу. Шум приветствующей толпы.

— Добро пожаловать, господин Горки!

— Добро пожаловать, миссис Горки!

Весь этот текст они могут сами сказать.

Горький воспроизводит допрос на таможне за чиновника.

Горький (*за чиновника*). Are you an anarchist and obey law and order?

Андреева (*переводит с английского*). Не являетесь ли вы анархистом и подчиняетесь ли закону и порядку?

Горький. Нет, я не анархист, я социалист.

Горький (*за чиновника*). Do you believe in the organization of the government, or in principle against the organization of the authorities?

Андреева (*переводит с английского*). По закону в Америку запрещен въезд анархистам...

Горький. Я верю в закон и порядок, и именно по этой причине и нахожусь в оппозиции к Русскому правительству, которое в данный момент представляет собой организованную анархию.

Горький (*за репортера*). Ответ на анкету американского журнала. «Ненавидит ли ваша страна Америку, и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Горький. Я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны, ибо не имею возможности спросить их, как они относятся к вашей стране? Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией США не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — ваши хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам. Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счет чужого труда.

Пока Горький отвечает на вопросы репортеров,

Андреева спускается с трапа.

Андреева. Не ехать с Алешей я не могла, так как та задача, которую он взял на себя, - огромная, значение ее предсказать нельзя, так она велика, он один может выполнить ее, и задача эта – историческая...

На сцену выбрасывают их чемоданы.

Крики. «Немедленно уезжайте! Чтобы духу вашего тут не было!

Усталые Горький и Андреева усаживаются на чемоданы. Горький разворачивает выброшенную хозяйкой газету, читает вслух. Газеты, газеты...

Горький. Газета «Уорлд» поместила статью, в коей доказывала, что я, во-первых, двоеженец, во-вторых, анархист. Напечатала портрет моей первой жены с детьми, брошенной мною на произвол судьбы и умирающей с голода. Факт – позорный. Все шарахнулись в сторону от меня. Из трех отелей выгнали.

Другая газета. «Горький обманул американскую публику... Андреева – не жена ему, а женщина легкого поведения... Свою законную жену с детьми он бросил на произвол судьбы в России... Горький оскорбил моральные устои американских граждан...»

Потрясенная Андреева закрывает лицо руками. Горький утешает ее, достает блокнот, тут же пишет ответное письмо.

Горький. Письмо Горького в американские газеты.

Я женился церковным браком в 1896 году и через 7 лет по взаимному соглашению с женой мы разошлись. Церковный развод обставлен в России столь унижительными и позорными формальностями,

что мы его не требовали и нужды в нем по условиям русской жизни не имели. С первой женой мы сохранили добрые отношения, она живет на мои средства, и мы встречаемся, как друзья. Со второй женой живу гражданским браком, принятом в России, как обычай, хоть и не утвержденным, как закон.

Телеграмма Е. П. Пешковой газете «New York Merald»

«Возмущена вторжением в личную и интимную жизнь человека и удивлена, что американцы — граждане свободной страны, создавшие столь широкую политическую свободу — не свободны от предрассудков, уже мертвых даже у нас в России. Екатерина Пешкова».

Андреева. Я не плачу сейчас здесь, стараюсь не показывать Алеше своих настроений, я знаю, ему такое тяжело, а сил ему надо много и дорога лежит перед нами тем более трудная, усеянная тайными шипами боли, злобы, зависти, клеветы, что задачу он себе поставил такую светлую и огромную, так мало личную. Мне дорого, душу мою наполняет добрым чувством сознание, что я буду ему помогать, что-то дело, в котором я буду маленьким колесиком одной огромной машины, действительно настоящее, живое, нужное. И я верую, что я сделаю все, что могу, отдам все свои силы, всю свою душу на это общее дело... Но это тоже не про революцию, это опять же про любовь: я здесь, я с тобой, я люблю тебя!.. Что мне пришлось вынести в этой Америке, так уж я только стараюсь не вспоминать, что вот-вот что-то захлестнет в мозгу и готово. Меня тянет домой, в Россию, на каждом шагу все оскорбляет меня здесь..., и я не могу оставить Алешу одного! Я знаю, что хоть он сейчас весь ушел в лихорадочную

работу, ничего не видит, не слышит, может быть, не знает даже, что я тут, но если меня не будет около него, не будет моих постоянных забот о нем, его здоровье, не буду я ограждать его от беспокойства и всего внешнего, мешающего ему, - и он не выдержит – сломится. Ну и живешь. Так-то, милый, а ведь я тоже была сама по себе – чем-то, а теперь вот печатаю на машинке, перевожу со всех языков и на все языки, изучаю английский... Переписываю сейчас повесть «Мать» ...

Горький. Это будет очень крупная вещь, может быть, лучше всего, что я написал до сих пор. **Андреева.** «Мать» эта написана удивительно, она написана кровью сердца его. Мне, говорят, не полагается высказывать свои мнения об этом авторе. Но я не соглашаюсь с этим. Неужели нельзя быть справедливой к близкому человеку и это мешает понимать литературу? Я этого не думаю.

Травля продолжалась. Горький попал в осиное гнездо... Красный писатель – агент русских большевиков... Безбожник Горький нарушил моральные правила благочестивой Америки...

У меня появилась навязчивая идея взобраться на статую Свободы и броситься оттуда вниз головой, чтобы заставить замолчать всю эту свору.

Горький (*теперь ему надо ее оберечь*). Я думаю, что это некрасивая выходка против меня не могла исходить от американцев, мое уважение к вам не позволяет мне заподозрить в недостатке такта по отношению к женщине. Полагаю, что эта грязь инсценирована кем-либо из друзей русского правительства.

Андреева плачет.

Горький (*выступает*). Русская революция не

закончена, в стране зреют силы, которые свергнут монархию и откроют путь к демократической жизни. Не давайте ни одного доллара займа русскому правительству, душителью революции!

Крики. В шею, через океан! Отменить митинг!

Горький. Говорят, я здесь делаю революцию. Это, конечно, чепуха, меня отсюда выгоняют с полицией, но я уеду принцем, то есть победителем – одно из двух. А? Они думают – Америка? Я им покажу, что такое русский человек, да еще Горький.

Эпизод девятый

Снова чемоданы.

Андреева (*на ходу*). Началась эмиграция, тревожное время скитаний и бездомности. Предстояло найти место, где можно бы было жить и работать. Ранним утором (26 по новому стилю) 1906 года к причалу Неаполитанского порта подошел пароход «Принцесса Ирэн» *Звуки толпы.*

– Да, здравствует Горький!

– Да, здравствует великий художник!

– Да здравствует русская революция!

– Долой царя!

– Виват, Горький!

– Абассо, царь!

Горький (*к собравшимся*). Товарищи, итальянцы! Я не знаю вашего языка, вы не знаете моего. Но я знаю ваши чаяния и ваши надежды, а вы знаете мои. В этом великом и необыкновенном явлении – залог братства всех людей! Верьте в близкую победу правды и разума и вы – победите! Да здравствует пролетариат всех стран,

ибо только он обновит мир! Да здравствует пролетариат великолепной Италии! Я отношу ваши приветствия не в свой адрес, а в адрес моей родины. Я не заслуживаю таких почестей. Я лишь скромный солдат революции. И я воспринимаю ваши приветствия как приветствия трудящихся России и всего земного шара, которые идут к своему освобождению.

Оркестр на берегу играет «Марсельезу», Горький передает Андреевой цветы: «Прекрасной синьоре Горький с сердечным приветом знаменитому синьору Горькому».

Андреева. Местные газеты пестрят заголовками: «Горький в Неаполе»! «Господин Пешков и его жена»! «Что он думает о Неаполе»?! «Душа «американцев»! «Русская революция победит»! «Солдат революции»!

Андреева. Вопросы Горькому. Вы, конечно, знаете, что будете постоянно чувствовать все время своего пребывания в Италии, что вас здесь очень любят? У нас ваши произведения переводят, читают и обсуждают, больше, чем книги любого другого иностранного писателя, больше, чем Золя, Мопассана, больше, чем Толстого. Вам не по душе популярность?

Горький. Я пишу мои книги потому, что это требует мое сердце. После того, как я их заканчиваю, они становятся достоянием всех. Если они не представляют собой ценности, они умрут, если же обладают жизненной силой, то им не нужна популярность.

Андреева. Однако царское правительство и эсеры не дремали, началась безумная травля.

Генеральный консул в Неаполе А.Н. Деревницкий докладывал послу: Пребывание Горького в Неаполе

вызвало беспорядки... Царский посол в Риме Н. В. Муравьев отправляет в Петербург шифровку министру иностранных дел А. П. Извольскому: «Приезд популярного в Италии писателя послужил поводом к манифестации и агитации против русского монарха».

Застучал тревожно телеграфный аппарат, поползла зашифрованная лента. Из Петербурга распоряжение: установить полицейское наблюдение.

Вилла Горького на Капри. Ясное утро. Шум моря, крики чаек, прохладой веет из окон. Горький и Андреева завтракают за небольшим столиком на террасе. Андреева разливает кофе.

Андреева. Ну вот, мы и в Европе, хотя Капри, куда мы сейчас попали, это - что-то совсем не уместяющееся ни в какие понятия. Это просто Капри, изумительно красивое место на земном шаре, где авось поправится и отдохнет Алексей Максимович, который последнее время очень плохо себя чувствует.

Она при нем. Но хоть и красавица, но уже не актриса. Женщина.

Горький. Капри – кусок крошечный, но вкусный. Здесь красиво, точно в сказке, отчего пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься. *Виллы «Сеттани», «Серафина», «Спинола» 1906-1913 гг.*

Горький за рабочим столом, Андреева печатает на машинке, рядом.

Андреева. На Капри не было электричества, освещение газовое, дома не имели печей, зимой в них было холодно, сыро и приходилось обогреваться жаровнями, от которых болела голова. В кабинете у Алексея

Максимовича соорудили камин, выписали из Неаполя пианино напрокат. Остров страдал от безводья, и пресную воду доставляли с материка. Живешь на этом острове, как на корабле. Но, очутившись дома, мы почувствовали себя счастливыми. У окна, выходящего на море, стоял большой простой письменный стол, покрытый зеленым сукном, на очень высоких ножках, чтоб Алексей Максимович не слишком нагибался при писании, по длинному росту своему. С правой стороны возвышалась простая конторка, так как иногда, уставая сидеть, он писал стоя. Везде – на столах, на многочисленных полках – стояли и лежали книги. Здесь висел большой портрет Льва Толстого, здесь – итальянский пейзаж, фотография сына. Коллекция японских нэцкэ, миниатюрных фигурок из слоновой кости. Коллекция старинного холодного оружия. Чтобы быть у него всегда под рукой, но не мешать ему, я устроилась в той нижней комнате, из которой лестница вела к нему наверх. Сидишь, бывало, и сквозь свои мысли искания подходящих выражений. Я, когда не переписывала для него на машинке и не переводила то, что было ему нужно, занималась переводом с итальянского сицилийских народных сказок, слышишь скрип пера, шелест перевернутого листа бумаги, как чиркнул спичкой Алексей Максимович, кашлянул, слышишь все эти привычные, будто не замечаемые уже больше звуки и не беспокоишься – значит, все в порядке. (*Вдруг резко встрепенулась.*) И однажды вдруг как-то резко двинулось его кресло за письменным столом – значит встал.

Встает, прислушивается. Горький неожиданно

падает у кресла на пол. Андреева, уронив на ходу стул, бумаги, бросается к нему. Горький лежит неподвижно, раскинув широко руки. Схватила стакан воды, склонилась над ним. Расстегнула на груди рубашку. Растирает ему виски, трет руки, дает нюхать нашатырный спирт... задрожали веки, скрипнул зубами...

Горький (*шепчет*). Больно как!

Андреева. Ты что? Что с тобой? Обо что ты ушибся?

Горький (*как-то разом сел, вздохнул глубоко, спросил*). Где? Кто? Я?

Андреева. Да ты посмотри, что у тебя на груди-то!

Горький. Фу, черт!.. Ты понимаешь... Как это больно, когда хлебным ножом крепко в печень!

Андреева. Бредит! Заболел и бредит! Какой хлебный нож? Какая печень?

Горький (*придя в себя*). Понимаешь, сидят и пьют чай Матвей Кожемякин, Марфа Посулова и сам Посулов. И муж, видя, что она ласково и любяще, с улыбкой смотрит на Матвея, схватил нож, лежащий на столе, и сунул его женщине в печень. Ты понимаешь – сунул, вытащил, и на скатерть легла линейкой брызнувшая из раны кровь. Ужасно больно!

Андреева. Несколько дней продержалось у него это пятно. Потом побледнело и совсем исчезло. С какой силой надо было переживать описываемое? Сколько нервов, напряжения и труда тратилось на создание тех творений, какие оставил после себя этот большой человек и писатель!

Андреева сидит у кресла больного Горького. Штопает воротничок рубашки.

Андреева. Вставал Алексей Максимович рано, в общей комнате, столовой, появлялся часам к 9, после кофе до часа работал, в 7 часов – обед, в 10 часов – чай, после вечернего чая он читал законченную вещь.

На выбор – русские сказки, сказки об Италии.

Горький (*в танце*). Грянул, загудел, зажужжал бубен, и вспыхнула эта пламенная пляска, объясняющая точно старое, крепкое, темное вино, завертелась Нунча, извиваясь, как змея, - глубоко понимала она этот танец страсти, и велико было наслаждение видеть, как живет, как играет ее прекрасное непобедимое тело...

Тарантелла. Мандолина, бубен, хорошо бы танец – Андреева и Горький. В конце танца партнерша обвивает голову партнера своим брачным девичьим поясом и вытирает ему лоб. Взмолванный Горький смахивает слезу с глаз. Если Андреева его партнерша, то и она падает, как нунча. Общий восторг. Аплодисменты. Недописанный портрет. Поэт Саша Черный.

Андреева. Много приезжало художников. Писали Алексея Максимовича. Жил здесь Бродский... написал мой портрет, немножко старенькая, но очень похоже. Это в первый раз так. Я бы этот портрет озаглавила: грустная очень, уж очень меланхоличная дама...

Горький (*за Сашу Черного, шутливо, припав на колени перед Андреевой*).

Из взбитых сливок нежный шарф...
Движенья сонно благосклонны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф.

Когда взыскательным перстом
Она, склонясь, собачек гладит,
Невольно зависть в грудь засядет:
Зачем и я» мол, не с хвостом?

Ей-богу, даже вурдалак
Смягчился б сердцем, если б в лодке
Услышал голос кроткий-кроткий:
«Алеша, ты б надел пиджак...»

Имел бы я такую мать,
Сестру, свекровь иль даже тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук с пять!..

А в час обеда, как галчат,
Всех надо оделить руками
И дирижировать зрачками,
Когда наелись и молчат...

Сей хлопотливейшей из Марф
Поэт заржавленный и тонкий, (в физическом
смысле)

Подносит днесь сии стишонки,
Косясь на строгий белый шарф.

Андреева (*встречая гостей*). Наезжало много народу
— родные, друзья, просто знакомые, совершенно
незнакомые почитатели его таланта, люди, взыскующие
правды и добивающиеся ответа на вопрос — как жить,
просто любопытные, иностранцы, соотечественники.

Алексей Максимович жадно всматривался в каждого, искал то, что нужно было знать ему, писателю.

Здесь был Станиславский. Читал Горькому первый вариант своей книги о системе, обсуждали сложную проблему сценической импровизации. В один из вечеров Константин Сергеевич устроил целый концерт, вдохновлено читал роли Фамусова, Крутицкого. *(Импровизированный концерт. За Станиславского, за Шаляпина. Звучит запись исполнения Шаляпина.)*

Часто наезжал Шаляпин – сложная, путаная, несуразная фигура, русский талант, загубленный, не смотря на весь внешний триумф и успех его.

Пел он для Горького много и охотно «Два Гренадера», «Ноченьку», «Сомнение» Глинки, Горький заказывал: Теперь «Блоху», а ну, нашу, волжскую... И Шаляпин пел «Дубинушку», «Есть на Волге утес», «Вниз по матушке, по Волге».

Пел Шаляпин и всего «Бориса Годунова», под аккомпанемент рояля, пел и играл. Алексей Максимович очень смеялся, когда Шаляпин старательным фальцетом исполнял партию Марины.

Горький. Действительно, пел Федор сверхъестественно, страшно. Этот человек, скромно говоря, гений.

Андреева. Горький нежно любил Шаляпина, называл его «каланча», «Васька Буслаев», соловей Будимирович...

Андреева. Дважды гостил на Капри Владимир Ильич Ленин. Встречая его, Горький волновался, как мальчик. Мне вспоминается Ильич, который жил на Капри, грустно отдыхал от тяжелого труда, разочарований, охотно хохотавший при каждом остроумном слове,

от самой маленькой человеческой радости... Меня он называл «феномен» и «белая ворона».

Андреева. Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о Волге, о своем детстве, о бабушке Акулине Ивановне, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Иногда говорил о дедушке.

Горький. У меня дедушка был философ: выпорот и еще объяснит про миропорядок. Если бы не бабушка Акулина Ивановна, может, заporол бы до смерти. Вся жизнь, детство, в людях – испытание на прочность...

Горький (*за Ленина*). Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно.

Горький (*сразу осекся, замолчал, покашлял, смущенно и невесело сказал*). Напишу... Когда-нибудь.

Ленин. А пока не напишите ли майский листок или листовочку коротенькую, духоподъемную?! Тряхните стариной помните 1905 год? Да и басня буржуазной печати об исключении Горького из социал-демократической партии лопнет окончательно. Опять же гонорар получите.

Ленин шутит.

Горький. Видишь, в какие дела мы с тобой попали. Только не хвастайся, что ты Ленина раньше меня знала.

Андреева. Алексей Максимович, как всегда, весь горел всеми горями и радостями всего мира. Тосковал и скорбел за все темное, тяжелое и кошмарное, что творилось на родине; иной раз прочтет газеты и весь почернеет. Уйдет в себя и ходит весь день сам не свой... А однажды... *Стук в дверь.*

За американку. Здесь живет Горький? Не уйду, не

повидавшись с русским писателем, меня принимали и министры, и писатели, и художники, и артисты, даже коронованные особы, а Горький не хочет (*К Андреевой.*). Нужно видеть по делу...

Протянула Горькому для автографа белую тряпку: приеду домой, вышью разноцветными шелками.

Горький. Как откажешь такой бабе? Может, она в эту скатерть младенца своего будет заворачивать? Там у нее не только министры, а и борцы и акробаты.

Эпизод десятый

Горький на вилле у рабочего стола. Перебирает пахнувшие типографские краской книги.

Горький. Это все я написал на Капри: «Мать», «Жизнь ненужного человека», «Исповедь», «Лето», «Городок Окурок», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Романтик», «Мордовка», «Большая любовь», циклы «По Руси», «Русские сказки», «Сказки об Италии», рассказы «Хозяин», «Случай из жизни Макара» «Рождение человека», пьесы «Фальшивая монета», «Последние», «Чудаки», «Васса Железнова», «Зыковы», написал колоссальное множество статей и очерков. Работал по 14 часов в сутки. Я еще никогда не писал так охотно и легко, и в этом — вся моя жизнь.

Андреева (*повторяет еще раз*). Алексей Максимович еще никогда не писал так охотно и легко, и в этом — вся моя жизнь.

Леонид Андреев привез как-то из России буханку черного хлеба...

Горький (*ест, приговаривая*). Поедим, поедем нашего черного хлебца.

Андреева. Однажды затеяли пельмени...

Горький. Чудесная природа, изумительная красота. Смотришь на эту красоту, и хочется голову разбить о розовые скалы, которые обступили как стены тюрьмы. Тяжело здесь чужому человеку.

Андреева (*чуть не плача*). Живу. Как всегда, душа рвется надвое, прибавить еще постоянное чувство тревоги за материальную необеспеченность детей и муку за то, что ничего не могу зарабатывать. Живем мы ничего себе. Только вот стала я «Окуров» на машинке переписывать и все время плакала — милая Россия, милые русские люди, милые русские звезды. Очень люблю Испанию и Италию яркую, красиво тут — а хоть немножечко пожить дома. Тихонову, 27 августа 1911 года. Мне нечего говорить о «себе», так как моя жизнь всегда в Алексее Максимовиче... Одинока? А кто ж, милый друг, не одинок? Я таких не знаю. Все в существе своем одиноки, и всякая чужая душа — загадка, к этому я на склоне лет своих прихожу все больше. А та, с которой я рядом стою, еще более загадочна, чем всякая другая, потому что уж очень богата, сложна и горит всегда неугасимо, переливаясь тысячами огней, отбрасывая все лучи, и — темные между ними, конечно. Дружба и близость наша стала больше, все также чувствую всю величину и прелесть этого удивительного человека. Вот и все! Если хотите, то это много, очень много.

Горький. Дни моей жизни прыгают мимо меня, как блохи, не успеваешь заметить — день исчез! Как жив — не знаю. А работы у меня на сто лет — не меньше.

Устал, как собака на охоте. Январь-февраль 1909 года —

сыну.

15 июня 1911 года – сыну. Жизнь человечья только тогда имеет смысл, когда после нее что-нибудь останется. Мне же есть, что оставить после себя, я много взял от жизни и много должен отдать ей...

Андреева (*пишет письма*). Общее состояние Алексея Максимовича? Могу ответить одним словом – ужасное! Нервы издерганы. Болят при малейшем волнении, невращения возрастает, как усиливается малокровие, общее истощение, так как он почти не ест, мало спит, совсем не гуляет, а работает и читает от четырнадцати до шестнадцати часов в сутки... Тоска его растет, личную жизнь свою он совершенно вычеркнул из обихода, и чем все кончится, когда – я судить не берусь, боюсь всего.

... Обо мне говорить нечего. Очень тяжел этот неожиданный перерыв в финансах: «Знание» прекратило выплату денег, начиная с августа месяца, теперь здесь 25 января. Если выживу это безвременье, значит – буду жива.

Горький. Мне нестерпимо знать, что я причиняю боль человеку, который ничего худого мне не сделал, которого я внутренне уважаю.

Андреева пишет письма, мечется по сцене, Горький тоже нервничает.

Андреева. Не все ли мне равно, где я и что со мной, когда ему скверно? Ему бы жить свободно, чтобы черпать все впечатления жизни полной чашей, а его колесуют и истязают ежечасно. Если бы на его пути встретилась другая любовь, я бы от всей души сказала: так надо! Если бы я могла теперь быть актрисой, я,

должно быть, была бы очень хорошей актрисой, не изображающей жизнь, а человеком, который очень много пережил, перечувствовал, передумал и может рассказать другим, пред которыми еще открыта жизнь и возможность «жить лучше, человечнее» - чего надо не делать, как много в человеческом сердце хорошего и как надо это хорошее беречь, чтобы люди и жизнь стали ярче, красивее и - чище. Это главное, пожалуй – чище, сильнее и честнее, а от этого и красивее. (*Это уже решение, она не выдерживает, кричит Горькому.*) Я возвращаюсь в Россию! Я возвращаюсь в Россию! Я должна работать и помочь Алексею Максимовичу!

Горький остановился потрясенный. Потом уходит, выносит фотографию. Его фотография, которую он подписывает «До свидания, Алексей. 10 ноября 1912 г.»

Андреева (*прощается с ним, они еще будут вместе, но это прощание – конец их семьи*).

Девять лет прожила я с тобой, почти не расставаясь, и каждая минута была связана с Человеком и Великим Вдохновенным поэтом, - за это можно отдать не только всю свою остальную жизнь, но и позволить содрать с себя живой кожу. Лишь бы тебе было легче, и ты мог бы свободно дышать, а со мной или без меня – это не важно.

Андреева у гримировального столика.

Горький. Но, боже мой, какое тревожное время! Нервы трещат. Что делает Мария Федоровна? О здоровье своем она никогда не пишет.

Андреева (*разворачивает старую афишу*). 2 июня 1913 года. Гастрольный спектакль. Первый спектакль артистов МХТ в Киеве «Одинокие» с участием госпожи

Андреевой, Книппер, Самаровой, Раевской, господ Качалова, Москвина, Масалитинова, Александрова и других. (*Читает статью про себя.*) «Не увидим» в журнале «Театр»: «Весною еще разнесся слух, что отшельница с Капри – Мария Федоровна Андреева возвращается в Россию. Вновь будет выступать на сцене. Москвичи прекрасно знают Марию Федоровну Андрееву – ее сценическая карьера ароматным цветком распускалась на их глазах... Раутенделейн, Ирина, Нина Заречная... Целый ряд пленительных ролей... Москва всполошилась известием о возвращении любимой. В каком театре будет выступать она? Ну, конечно, в Художественном, - ведь она гастролирует со старыми товарищами в Киеве. Конечно, в своем. А вдруг Константин Николаевич Незлобин уговорит ее поступить к нему. Споры разрешились самым неожиданным образом – Мария Федоровна подписала контракт с легендарной (весной он был еще окутан тайной) «Свободный театр». В свой театр – не взяли...

Горький. Мне очень хочется всемирной войны – если только она повлечет за собой уничтожения всех провинциальных и столичных театров в России, и пусть все антрепренеры уйдут в интенданты.

Андреева (*с горечью продолжает статью*). На ней построят сезон. Как же иначе, думала Москва, когда раскупала билеты первого абонементу. Москва ждала... ждала первого выхода, чтобы устроить овации отшельнице с Капри, чтобы вновь оживить былые очарования, вновь наслаждаться весенним ароматом. Для нее поставят «Укрощение строптивой»...

Постановку отменили. «Госпожа Андреева со

вчерашнего дня вышла из труппы «Свободного театра» и оформила на будущую зиму контракт в Киевском театре Соловцова с Николаем Синельниковым».

Горький. Маруся пишет взбудораженные, тревожные письма, - видно, видно, что она устала и мечется, как вьюга. Кажется, я скоро увижу ее. Что она здорова – слава богам! Но как тревожно мне думать о предстоящих ее выступлениях! До кошмаров дохожу. Разумеется, я знаю, что это необходимо, что это – ее дело, что в нем она – на своем месте. Но она везде на месте... Когда я представляю ее стоящей у самой пасти темного театрального зала... у меня волосы кровью наливаются. Нехорошо мне. Ей богу трудно. И вообще – жизнь с каждым днем становится все труднее, сложнее, злее. От этого человек умнеет, да, но – человек-то очень одинок! Не про себя говорю, это мне привычно, а вообще про человека ценного, да развитого, способного работать. Про нее в частности... Вчера после многолетнего перерыва в Москве в большом зале консерватории выступила перед публикой старая ее любимица. Мария Андреева, по мужу Желябужская...

М. Ф. Андреева – А. М. Коллонтай 29 ноября 1912 года. Копенгаген.

Некий Пятницкий – может быть, Вы о нем знаете, – совершенно разорил «Знание», истратил все средства Алексея Максимовича, неумело распорядившись ими, поставил Алексея Максимовича в невозможное материальное положение и полную зависимость от него. Стало просто жить не на что, и я еду спасать, что можно, чтобы Алексею Максимовичу не пришлось писать буквально из-за куска хлеба... Чем все это

кончится, что удастся — не знаю. Сделаю все, что могу. Если вы слышали о разногласиях между мной и Алексеем Максимовичем — не верьте, эти слухи тенденциозно распространялись теми, кому это было выгодно и интересно.

Горький (*читает за Ленина*). В. И. Ленин — А. М. Горькому. Начало января 1913 года из Кракова. Размечтался я в связи с поездкой М. Ф. Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться. Еще черкните, как Малиновскому найти ее в Питере или в Москве.

Горький (*читает донесение*). Из докладной записки исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции товарищу министру внутренних дел. По явке Желябужской в жандармское управление прокурорский надзор, как мне сообщил товарищ прокурор Смирнов, разрешил ей уехать в Одессу и Киев с тем, чтобы она согласно ее заявлению 9 июня возвратилась в Петербург, где и будет допрошена в жандармском управлении, после чего мерою пресечения, по дознанию, вероятно, будет признан, впредь до прекращения дела, особый надзор полиции.

Горький (*читает за Ленина*). 1913 г. Ленин из Кракова. «Дорогой Алексей Максимович! Что же это вы, батенька, дурно себя ведете? Заработались, устали, нервы болят. Это совсем беспорядки. Уж на Капри-то, да еще зимой, когда «наезду», вероятно, меньше, следовало бы вести правильный образ жизни. Без присмотра, что ли, вы распустили себя? Ей-же-ей — нехорошо. Возьмите себя в руки и установите «прижим» (режим) построже, право! Хворать по

нынешним временам – вещь совсем недопустимая. По ночам разве стали работать? А когда я был на Капри, говорили, что только я вводил беспорядок, а до меня ложились вовремя. Надо отдохнуть и завести прижим, непременно.

Андреева оглядывает свою грим уборную, театральные костюмы, с грустью прикасается к ним рукой.

Андреева (*пишет Горькому*). Ко мне Бонч пришел спросить, не дашь ли ты им что-нибудь. Предложила ему издать немедленно «Мать», «Лето», «Шпиона», «Городок Окуров», «Матвея Кожемякина», «Итальянские сказки» и «Записки проходящего», как ты хотел 5000 экземпляров завод, по 1500 рублей за каждый том. Бонч немедленно принял эти условия. Теперь о пьесе. Аванс в две тысячи я могу взять у Марджанова под обещание дать им твою мелодраму, которую ты хочешь написать для театра, а не напишешь – этот аванс вычтется из моего гонорара, так что для них риска нет никакого, для нас же с тобою, не все ли равно, не так ли, кто за кого ответит? Помни – как бы я ни была занята в театре и своими делами, это не может помешать мне заботиться о твоих, ибо твое дело тем самым и мое. И я постараюсь нигде ничего не упустить. Ну, до свидания, Леня. Знал бы ты, как мне тебя видеть надо. М. 29 сентября 1913года.

Милый мой ангел, радость моя, прочла только что «Детство» - последнее, что напечатано, где про пожар. И вот сижу и плачу, как-то и от радости, что так хорошо, и от любви, и от жалости, ото всего, что даже и не расскажешь! Про другие твои вещи я могу говорить, про эту не могу – такое это родное, близкое и так я люблю

тебя.

Интервью М. Ф. Андреевой корреспонденту газеты «Труд».

У каждой истинно творческой, аристократической души есть своя жизнь. У одних – эта жизнь горит немеркнущим пламенем исканий, ярким огнем вечных сомнений... В других течет ясная спокойная жизнь.

Жизнь так пленительно красива, так увлекательно интересна, а люди не видят и не хотят видеть этого. Наше искусство, наша литература, современный театр отражают только теневые, неприглядные стороны жизни, они не зовут нас к радости, к активности, к жизнедеятельности. Задача театра – преобразование жизни, но жизни во всей ее совокупности – жизнь прекрасна, еще прекраснее она в творческом преобразении.

За эти годы я столько видела интересного, богатого, красивого, столько накопилось в душе. Захотелось хоть часть этого отдать людям, вернуть жизни. Говорили, что я смогу это сделать – вот и вернулась на сцену. *(А это для него.)* Поверь мне, Алеша, когда я пишу тебе, что меня в театре прозвали «светлой», что меня считают первоклассной актрисой, что Сытин так вот ко мне относится исключительно, - я не хвастаюсь, не выставляюсь перед тобой, но у меня всегда где-то потихоньку дрожит радость: значит – я не так уж плоха, может быть, я больше подхожу ему, ближе к нему? Отнюдь не принимаю я все это как должное!

Как мне тяжело, что мы с тобой врозь, и как это глупо. В конце концов – как там ни поворачивай, а времени нам немного остается, да и сделала бы я больше, стоя рядом

с тобой. Твоя Маша. Декабрь, после 15, 1915 год.

Горький молча курит.

Что касается моей пьесы, то, само собой разумеется, после этого твоего письма я могу только уничтожить ее, что и сделаю. Положив руку на сердце, честно могу сказать, что я отнюдь не писала тебя, тем паче не идеализировала себя. Просто невольно, как все, как и ты, рассказывала пережитое, пережитое и передуманное. Прежде эта пьеса была куда более личной и близкой по фигурам и к тебе, и ко мне. Теперь, мне казалось, это личное сильно снизилось в пьесе. Но ты знал эту пьесу и раньше и теперь, и ты не относился к ней так, как в этом письме.

Андреева. Перед спектаклем я прочла твое письмо. Я не заслуживаю такого презрительного отношения, той враждебности и отчужденности, которой дышат твои письма. Я стою некоторого уважения к себе. Когда ты писал «Детей солнца», «Чудаков», даже «Дачников» - ты думаешь, ты не вложил в них и себя и меня? Много мне из грехов моих проститься должно за сегодняшний вечер и вот эту ночь, когда я одна буду метаться, как зверь в клетке. Всегда, везде и навсегда – одна. Это я теперь знаю. Поняла.

Горький. Открытое письмо Максиму Горькому – от рабочих Петрограда в газете «Правда»

Из газеты мы узнали о вашем намерении вернуться в Россию, глубокоуважаемый Алексей Максимович! Нас всегда удручало сознание того, что вы, в числе многих других сынов народа, много сделавших для развития нашего общественного сознания, остаетесь в вынужденном изгнании. Мы сознавали, что жизнь

на чужбине должна быть исключительно тягостной для художника, особенно в тот период, когда художник неразрывно связал себя с трудящимися массами и вместе с ними страдает и борется... Мы глубоко уверены, что общение с родным народом, прикосновение к родной земле даст могучий толчок вашему творчеству. 80 подписей.

От начальника охранного отделения ВДП 3 января 1914 года №2072 Дело №200

31-го, минувшего декабря в С-Петербург прибыл из-за границы, в связи с объявлением амнистии по случаю 300-летия дома Романовых, известный департаменту полиции нижегородский цеховой Алексей Максимович Пешков (литературный псевдоним «Максим Горький»), который в тот же день под наблюдением филеров выехал по Финляндской железной дороге на станцию Мустамяки, откуда на лошадях отправился в дачную местность Кирьявало на дачу Крит, где и был оставлен.

Эпизод одиннадцатый

*В грустную мелодию лейтмотива спектакля
врываються торжественные аккорды
«Интернационала».*

Горький. «Обращение к народу и трудовой интеллигенции». Свершилось самое великое из событий XX века: «В октябре 1917 года у нас положено начало новой истории»

История возложила великую роль на русский народ;
... голодный, изнуренный трехсотлетним рабством,
истощенный войной, под угрозой порабощения
грабителями он говорит трудящимся и честно

чувствующим людям всего мира: «Идите с нами к новой жизни, ради создания которой мы работали, не щадя ни себя, никого и ничего, ошибаясь и страдая, с великой радостью труда и пламенной надежды на успех, отдавая все деяния наши честному суду истории будущего. Идите с нами на борьбу против старого порядка, на работу нового строя жизни, - идите с нами к красоте и свободе жизни!

Будем мужественны и бодры духом - все, чего нам не хватает, можем создать только мы сами... За работу! За работу, товарищи!

Стол, покрытый красным сукном.

Красное-красное-красное... цвет крови.

Андреева (*повторяет*). За работу, товарищи! Это сказал он. (*В руках красный мандат.*) 21 сентября 1918 года. К назначению Марии Федоровны Андреевой комиссаром театров Петрограда. Главой петроградских театров в качестве комиссара назначается Мария Федоровна Андреева. Эту должность дал мне Ленин. Жена Максима Горького, одна из питомиц школы «Буйных сектантов», Мария Федоровна, как художник сцены, как артистка, прекрасно знающая быт театра, его нужды и интересы, проявит и в новом амплуа ту же любовь и уважение к искусству, что проходило красной нитью в ее сценической деятельности.

С наступлением и развитием революции я стала думать, что наши мечты о создании театра классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы в скором времени станут реальностью.

Вместе с Горьким и Луначарским мы выступили инициаторами создания в Петрограде Большого

драматического театра, потом Сталин присвоит ему имя Максима Горького. Художественный совет возглавил Александр Блок. 15 февраля 1919 года состоялось открытие Большого драматического театра. Премьера «Дон Карлос». Начались репетиции «Отелло», в роли Дездемоны Мария Андреева.

- Дездемона была моей последней ролью... До сих пор все слова наизусть помню... (*Сцена - монолог из пьесы.*)
У нее в руках красный мандат и платье Дездемоны. Белый платок меняется на мандат.

Формально мы были еще вместе, на самом деле уже не вместе. В квартире на Кронверском появилась уже Мария Будберг. Вскоре она стала женой Уэллса, но и оставалась с Горьким. Наверное, он ее любил.

В 1917-1918 годы Алексей Максимович писал очерки «Несвоевременные мысли», которые так и не вышли при советской власти.

Горький (*из «Несвоевременных мыслей»*). Пролетариат у власти, ныне он получил возможность свободного творчества. Уместно и своевременно спросить – в чем же выражается это творчество? Декреты «Правительства народных комиссаров» - газетные фельетоны, не более того. Это - литература, которую пишут «на воде вилами», хотя в этих декретах есть ценные идеи – современная действительность не дает условий для реализации этих идей.

Что ж нового дает революция, как изменяет она звериный русский быт, много ли света вносит она во тьму народной жизни?

За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих

грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить, и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его.

... Как влияют самосуды на подрастающее поколение? Дети возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге весело кричат: «Потопили, утопили»! Это — наши дети, будущие строители жизни. Дешева будет жизнь человека в их оценке, а ведь человек — не надо забывать об этом! — самое прекрасное и ценное создание природы, лучшее, что есть во вселенной. Война оценила человека дешевле маленького куска свинца, этой оценкой справедливо возмущались, упрекая за нее «империалистов», — кого же упрекнем теперь — за ежедневное, зверское избиение людей? Этому отвратительному самоистреблению нет оправдания. Сколько бы ни лгали лицемеры о «великих» целях, их ложь не скроет страшной и позорной правды. Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники упражняются во взяточничестве так же ловко, как делали это чиновники царской власти; темные люди, собравшиеся вокруг Смольного, пытаются шантажировать запуганного обывателя. Чего же вы хотите, это социальная революция! Революция углубляется...

Горький (*сгорбленный, внезапно состарившийся*). Сегодня Прощеное Воскресенье. По стародавнему обычаю в этот день люди просят друг у друга прощения во взаимных грехах против чести и достоинства

человека. Это было тогда, когда на Руси существовала совесть. В наши кошмарные дни совесть издохла. «Где слишком много политики, нет места культуре, а если политика насквозь проникнута страхом перед массой и лестью ей, как страдает этим политика Советской власти, тут уж, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего нельзя жить».

М. Горький. «Несвоевременные мысли». «Новая жизнь», № 44.

Андреева. Да, это было время, когда расстреляли Николая Гумилева, умер, повредясь в уме и, отказываясь от пищи Александр Блок, сослан Николай Клюев, посажен Осип Мандельштам... Скоро не стало Есенина, Маяковского...

Алексея Максимовича надо было снова увозить из России. И для этого мне опять надо было быть рядом.

Андреева – Ленину (17 февраля 1922 года). Дорогой Владимир Ильич! Алексей Максимович не очень-то хорошо себя чувствует, пишет, что задыхается. Обострение туберкулеза. Мало может двигаться. Ему необходимо лечение за границей. А я еду к нему, так как он написал, что ему сейчас без меня трудно и что ему очень надо меня видеть ...

Андреева (из письма Николаю Евгеньевичу Буренину). Родной мой – прежде всего: я ничего не решила, ничего не решаю, и не будет прочного – прочно решенного. Так будет всегда, и с этим... надо считаться. Если вы подумаете обо всех заинтересованных людях, а

особенно об одном главном лице (*Горьком*), поймете, что иначе и быть не может, что впредь всегда будет так, как было до сих пор. Тут дело не только в чувствах и боли сердца, а нечто большее и общезначное - пока я нужна, пока я могу хоть немного облегчить, помочь, сделать хоть что-нибудь, - для меня не существует вопросов самолюбия, личности, личной боли или слабости — пусть это не покажется вам слишком громким. Надо, чтобы ему было легче. А как — это решать ему. Это, если хотите, моя вера, и верую я крепко.

Новый красный мандат у нее в руках.

Удостоверение. Дано сие Народным комиссариатом Внешней Торговли Марии Федоровне Андреевой в том, что она действительно является уполномоченным НКВТ по делам кинематографа и по вопросам, связанным с заключением договоров и организации Акционерных обществ и предприятий кинематографического дела за границей... Заместитель народного комиссара Внешней Торговли, Лежава. 29 апреля 1924 года. Берлин.

Андреева (*Горькому*). Ну, вот ты и в Сорренто. От всего сердца желаю, чтобы тебе пожилось хорошо, приятно, чтобы ты набрался новых сил, солнечных впечатлений, подышал снова синим воздухом, опять любовался ожерельем милого залива... Часто думаю о тебе, о нашей жизни на Капри, о людях того времени, бывавших у тебя, о детях, конечно, и о нас с тобой. Как все переменялось, и как вся жизнь стала другой — право, это не потому, что я сама состарилась и чувствую, и живу по-другому... Милый, милый Леша, вспомни обо мне как-нибудь в хорошую минуту, глядя на море или

на небо звездное, когда оно бархатное, и знай, что я тебя крепко, преданно люблю с великой верой в тебя и ничего, кроме хорошего, не хочу помнить. М.

У каждого из них своя жизнь. Горький работает. Она – одна.

Горький (*из письма М. Ф. Андреевой 6 июля 1924 года. Сорренто*). Друг мой, время от времени ты присылаешь мне письма с изъяснением твоего ко мне доброго отношения, но зачем ты напоминаешь мне об этом? Я ведь знаю об этом, и у меня вообще нет причин сомневаться в искренности твоих чувств. Воспоминания о прошлом, конечно, не чужды мне, но, наблюдая трагизм настоящего... отвыкаешь думать о себе и о своем личном. К тому же занят работой, требующей большого напряжения, сосредоточенности. Живу тихо, много пишу, не хожу никуда, не езжу... Жму руки. А.

Андреева (*из письма Горькому. 5 апреля 1928 г, Берлин*). Дорогой друг! Большое тебе спасибо, что написал мне, я ведь помню, как ты занят, и чувствую многое, должно быть лучше, чем прежде, жизнь учит! Очень обрадовалась, узнав о тебе. Когда нет вестей, мне всегда кажется – а вдруг что-нибудь случилось? Писать? Нет, милый, поздно. Это очень жесткое словечко, особенно для женщины. Но я предпочитаю сказать его себе самой и не только в этом случае, чем услышать от других. Мне очень радостно, что ты написал мне, - и я надеялась и боялась, а вдруг – не захочет... И тебе спасибо! Милый ты человек, Алеша... Ну, будь здоров, родной. М.

Горький (*из письма Андреевой 23 апреля 1928 года. Сорренто*). Не отвечал так долго потому, что засыпан письмами из России, получаю их штук по 40, 50

ежедневно и на многие приходится отвечать. Через месяц еду в Россию, значит, увидимся... Будь здорова – и до свидания. А.

Замечательная у меня пара внучек. Старшая – Марфа – очень умная и своенравная, а младшая – олицетворение довольства жизнью. Никак не предполагал, что доживу до таких штучек. А.

Андреева (*из письма Горькому 4 мая 1928 года. Берлин*). Когда я читаю о том, как встретили тебя в СССР, в Москве, когда читаю о твоих беседах и выступлениях, мне бывает безумно жаль, что не пришлось где-нибудь в стороне присутствовать при этих событиях!

Горький уже не отвечает.

Андреева (*из письма Горькому. 23 марта 1930 года. Москва*). Скоро по старому стилю 14 марта, весенний день и день твоего рождения...

Ну, поздравляю тебя, друг дорогой! Радуюсь, что ты в добром здравье, по-прежнему молод, полон бодрых юных дум, планов. То тут, то там слышишь от старых товарищей: «Это Алексей Максимович надумал», «Это по мысли Алексея Максимовича организовано», «Это Алексей Максимович затеял»... Чудесно это! И впредь желаю тебе того же неутомимого, созидательного духа.

И еще письмо Горькому. Как бы хорошо получить от тебя хотя бы коротенькую записку, а то мне не очень хорошо в смысле здоровья, устала тоже сильно, за долгие годы работы, а отдохнуть некогда. Будь же здоров, дорогой, будь здоров, и пусть тебе будет хорошо, милый старый друг, Алеша. Твоя М.

И еще... Была в Художественном театре. Как всегда, когда бываю у них, очень волновалась, ведь мне там

каждая половица скрипом своим напоминает про что-нибудь!..

Еще ... Понемногу дня мне все меньше хватает, что-то дальше будет. Очень уж интересно все, и так хочется побольше сделать. Времени все меньше остается, а того, что надо бы успеть, больше.

До свидания, Алеша, родной! Будь здоров, кланяйся всем. Крепко обнимаю. Твоя А.М.

Вот и еще письмо. Работаю в Доме ученых... Приходили А. Н. Тихонов и Дикий по поводу затеянной ими студии, о которой ты знаешь. Мне тоже придется принять участие в этом деле. Интересно. Только бы сил хватило.

И снова письмо Горькому (20 марта 1936 года. Москва). Дорогой мой! Поздравляю тебя с годовщиной дня рождения твоего! Ты знаешь – могу думать о тебе только с великой нежностью, старое сердце мое не хочет стариться и по-старому горячо бьется любовью к тебе – Человеку и, чтобы там ни было, другу большей половины жизни моей. Одного желаю тебе – сил, здоровья, остальное все само придет. Очень много читаю. Иногда так хочется послушать тебя. Вот «Вассу Железнову» ты вновь написал... И так ты далеко! Спасибо тебе за хлопоты обо мне... За многое тебе спасибо, Алексей Максимович, любимый мой! Ну, пусть тебе только будет хорошо. Мария.

Это письмо последнее.

Андреева. «Благословен закон брения, вечно обновляющий землю». Алексей любил и ценил эти слова Гиллея, - но зачем умирают такие, как Владимир Ильич, сам Алексей Максимович... Константин

Сергеевич?

Пожелтевшие афиши, поникшие костюмы, засохшие цветы – реликвии ее жизни. Письма... Рвет какие-то из них.

А Алеша – про него, как про всякого большого человека, никак не скажешь, вот какая это личность! Или, как дети говорили: «да разве Алеша человек? Это целый город людей, а не Человек. Гора целая»...

Алеша... Алексей Максимович... Максим Горький.

Конец

**Журнал ДрамТеатр
Гильдии драматургов России
ищет спонсоров!**

Электронный адрес редакции журнала

INFO@GPRUSSIAN.RU

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ 30.000 РУБ.

**ПРИЗ ЗА НОМИНАЦИЮ
« О ПОДВИГЕ » - 10.000 РУБ.**

**ПРИЗ ЗА НОМИНАЦИЮ
« О СЛАВЕ » - 10.000 РУБ.**

**ПРИЗ ЗА НОМИНАЦИЮ
« О ЛЮБВИ » - 10.000 РУБ.**

*Подробности на сайте
Гильдии драматургов России
в разделе «Конкурсы»*

<http://gprussian.ru/>

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ!

*Подробности на сайте
Гильдии драматургов России
в разделе «Конкурсы»
<http://gprussian.ru/>*

10.01.2022 –

10.10.2022

dramakonkurs@yandex.ru

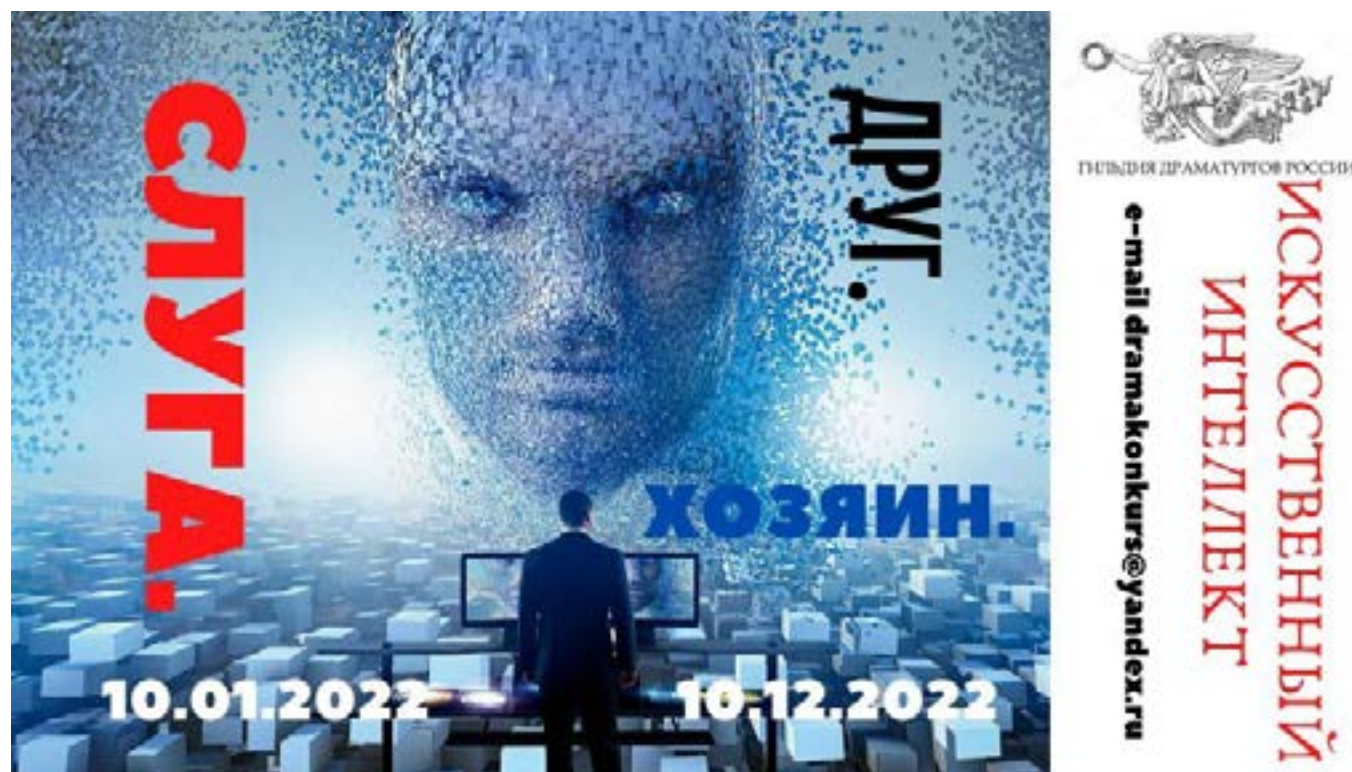

Я В МИР УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЭТОТ ПРИШЁЛ!..

Второй Всероссийский
конкурс пьес для ТюЗов
и кукольных театров

*Подробности на сайте
Гильдии драматургов России
в разделе «Конкурсы»
<http://gprussian.ru/>*

*Подробности на сайте
Гильдии драматургов России
в разделе «Конкурсы»*

<http://gprussian.ru/>

Георгий ПРЯХИН

*Журналист, писатель и
издатель, член Гильдии
драматургов России*

ДОПРОС

Действующие лица

Поэт

Генеральный прокурор

Ольга, любовница поэта

Зинаида, жена поэта

Анна Ивановна, секретарь Генерального прокурора

Кузьмич, домовладелец

Сопровождающий

Евдокия, домработница в семье поэта

Место действия: Подмосковье, Москва.

1

*Деревянный мостик, изгибающийся над
перемычкою пруда, как изгибаются, наверное,
рельсы, переходя из одного полушария в другое.
По мостку идёт худощавый, прихрамывающий
человек среднего роста, лет шестидесяти. В руке*

у него металлический посох с красиво изогнутой головкой, который в южных русских селениях называют почему-то «бадиком». Человек на ходу, по-мальчишески проводит бадиком по деревянным стойкам моста, и получается звук, отдалённо похожий на перестук вагонных колёс. Человек в хорошем, тоже мальчишеском настроении.

Тёмное демисезонное пальто распахнуто, из-под сбитого на затылок каракулевого «пирожка» выбивается крепко просоленная чёлка. Старик спешит на свидание. У противоположного конца моста видна фигура в тёмном. Тёмное, драповое, длиннополое пальто от «Большевички». Чёрная суконная фуражка надвинута на самые брови. Незнакомцу лет тридцать. Стоит полусогнувшись, облокотившись на перила, но что-то неуловимо выдаёт в нём военного, переодетого в штатское, причём тоже казённое. Курит и внимательно смотрит в сторону приближающегося к нему старика. Тот, наконец, замечает его, и стук на какое-то время, сбившись с такта, приобретает характер затухающей аритмии. Но старик продолжает свой путь, теперь уже не так беспечно.

Сопровождающий (негромко). Не хотите закурить?

Поэт (доброжелательно). Спасибо. Два дня, как бросил.

Сопровождающий. Поэт?

Поэт (смеявшись). Да... (С вызовом.) Да! Да! Конечно же...

Сопровождающий (достаёт из нагрудного кармана красную книжечку). Нам надо пройти в машину.

Поэт. Хорошо... (Пауза.) Вы повезете меня к

Генеральному секретарю?

Сопровождающий. Да нет. Мы повезём вас пока к Генеральному... прокурору.

Поэт. Ясно.

Торопливо уходят. Слышен звук отъезжающей машины... К этому же мостику с противоположного конца почти взбегает Ольга, но, сделав несколько шагов, останавливается. И недоумённо оглядывается вокруг. У неё полное, округлое русское лицо — в общем-то, не Венера. Не Милосская. Она явно кого-то ждала и, не дождавшись, пытается высмотреть, отыскать теперь затерявшегося или опоздавшего.

Ольга (тревожным и громким шёпотом). Родной!.. С другой стороны мостика медленно движется Зинаида - грузная, простоволосая женщина. Ольга замирает, вытянувшись в струну, а затем порывисто разворачивается — наутёк.

Зинаида. Стой! Ольга, стой! Не укушу. (Подходит вплотную к Ольге.) Где он?

Ольга. Не знаю.

Зинаида. Врёшь! (Ольга растерянно качает головой.) Пойдём к тебе!

Ольга. Зачем?

Зинаида. Сама хочу убедиться. Его нет уже три часа. Наверняка, сучка, прячешь где-нибудь под кроватью!

Ольга (обижено, закусив губу). Как хочешь.

Поворачивается в сторону, откуда прибежала, и споро стучит каблучками по щелявому дощатому настилу. Зинаида еле поспевает за ней.

Зинаида (шипящим шепотом). С-с-с-терва!

2

Кабинет Генерального прокурора. Скупой ряд стульев с чёрными дерматиновыми сиденьями. Стол с батареей телефонов — Ничего личного. Два тэобразно составленных тяжёлых стола; зелёное сукно, чернильный прибор, очертаниями и весом напоминающий Мавзолей.

Портрет

Хрущёва в раме под стеклом — на том самом месте, где ещё не так давно висел Сталин. Да, в углу напольные часы с боем: такая компактная крепость, стреляющая холостыми. Еле слышно мурлычет один из телефонов. Это внутренняя связь-кабинет приемная.

Генеральный прокурор (*поднимая трубку*) Да! Пусть войдут.

В дверь робко постучались, а затем, протиснувшись и тут же застыла то ли от испуга, то ли от удивления, ставшая невзрачной фигура Сопровождающего. А затем, на мгновение исчезнув, почти вытолкнул впереди себя Поэта.)

Сопровождающий. Вот!..

Генеральный прокурор (*широко расставив руки, пошёл прямо на поэта*). Кто это к нам забрёл?

Поэт. Можно сказать, почти случайно...

Генеральный прокурор (*хохотнув*). Да-да, именно так! Рад, рад видеть вас в наших скромных пенатах!

Поэт. Здравствуйте.

Генеральный прокурор. Здравия желаю. Не обессудьте.

Поэт. Да уж...

Сопровождающий. Вот... (*Ловко выхватив из рук Поэта бадик.*) доставили...

Генеральный прокурор (*берет под локоток Поэта и*

подводит к приставному столу, отодвигает массивный стул.) Прошу.

Поэт присаживается и берётся пальцами за край столешницы — чтоб не дрожали. Сопровождающий услужливо метнулся к Поэту с бадиком.

Генеральный прокурор (*Сопровождающему*).

Свободен. (*Сопровождающий торопливо, поставив бадик возле стула с поэтом, тенью шмыгнул в дверь.*) Что предпочитаете, чай или кофе?

Поэт. Лучше чай.

Генеральный прокурор (*снимает трубку аппарата внутренней связи*). Анна Ивановна, будьте добры: один чай и один кофе... (*Берет со стола журнал «Новый мир», открывает его на закладке из простого ученического листа, сложенного несколько раз. Читает.*)

Как будто бы железом,

Обмакнутым в сурьму,

Тебя ведут нарезом

По сердцу моему...

Красиво сказано.

Поэт. Цыганщина!

Генеральный прокурор. Это ведь ваше.

Поэт. Моё. Но это было давно. Сейчас современные женщины не пользуются сурьмой.

Генеральный прокурор. Дорогой мой! Вы ошибаетесь. Насколько я знаю, женщины обожают ваше творчество...

Поэт. Не все.

Генеральный прокурор. Пусть будет так, но вот моя секретарша в вас просто влюблена. Этот журнал я одолжил у нее.

Поэт. «Новый мир». Меня сейчас там не печатают.

Генеральный прокурор. Дорогой!

Поэт. Меня сейчас нигде не печатают.

Генеральный прокурор. Дорогой!

Поэт (сухо). Да, слушаю Вас.

Генеральный прокурор. Вы следили за Нюрнбергским процессом?

Поэт (удивленно). Да, конечно.

Генеральный прокурор. Тогда вам будет понятно то, что я вам скажу.

На какое-то время повисла пауза.

Поэт. Вы были блистательным главным обвинителем.

Генеральный прокурор. Так вот...

Поэт (перебивает, торопливо). Куда убедительнее американца Уитни Харриса!..

Генеральный прокурор (перебивая Поэта). Так вот... Я не хотел бы войти в историю ещё и как ваш обвинитель. Как человек, посадивший вас... В тюрьму...

Поэт (тихо). Век бы вас не видеть!

Генеральный прокурор (то ли на самом деле не расслышал, то ли сделал вид, что не расслышал). Потому что это не сочетается. «Две вещи несовместные», — так, кажется, писал ваш предшественник?

Поэт (пожимая плечами). Как будто так...

Генеральный прокурор. А вы уж очень старательно подбиваете меня к этому... *(В дверь стучат.)* Да!

Входит Анна Ивановна, держа в руках внушительный серебряный поднос с чайно-кофейными принадлежностями.

Анна Ивановна. Здравствуйте.

Поэт. Здравствуйте.

Анна Ивановна устанавливает поднос на приставном столике. Начинает сервировать.

Анна Ивановна. Что-то еще?

Поэт (*пока секретарша сервирует столик плотоядно смотрит на ее точеную фигуру*). Черт возьми!..

Секретарша. Что?

Генеральный прокурор (*перехватив взгляд Поэта. Твёрдо*). Спасибо. Здесь все есть.

Анна Ивановна. Хорошо.

Величественно удаляется. Оба невольно и дружно поворачиваются ей вослед.

Поэт. Черт возьми!..

Генеральный прокурор. Продолжим.

Поэт (*растерянно*). А?

Генеральный прокурор. Продолжим.

Поэт (*вторит эхом*). Про-дол-жим.

Генеральный прокурор. Да, продолжим. Зачем вы напечатали это глупое стихотворение?

Поэт. Какое?

Генеральный прокурор. Не валяйте дурака!

Поэт. Я их столько написал... Какое, позвольте спросить?

Генеральный прокурор. А вот это. Наизусть помню...
Я пропал, как зверь в загоне.

Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.

Будь что будет, всё равно.

Поэт. Да, как будто мое...

Генеральный прокурор. Надо же: «будь что будет». Какой фаталист — при таком-то, понимаешь, количестве сырых и убогих вокруг него!

Поэт. А что дальше? Забыл...

Генеральный прокурор. А дальше вот что!

Что же сделал я за пакость,

Я, убийца и злодей?

Я весь мир заставил плакать

Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,

Верю я, придёт пора —

Силу подлости и злобы

Одолеет дух добра.

Поэт. Ну, стихи, положим так себе...

Генеральный прокурор. Я бы согласился...

Поэт. И правильно сделали бы...

Генеральный прокурор. Но! Но, если бы не ваша подпись на оригинале, переданном иностранцу, я бы, например, и не поверил.

Поэт. Подпись моя. Не сомневайтесь.

Генеральный прокурор. И вообще — печатать стихи в политической газете, даже если она зарубежная, английская, даже если она «Дейли мэйл» — дурной тон.

Поэт. «Клеветникам России» Пушкина тоже впервые было опубликовано в газете.

Генеральный прокурор. И тоже — не лучшее!

Поэт. Здесь я готов с вами поспорить...

Генеральный прокурор. В принципе вы правы...

(На главном столе резко верещит «в/ч». На аппарате, украшенном позолоченным гербом, даже начинает панически блымать красная лампочка.) Извините!..

Поэт *(примирительно)*. Мне выйти?

Генеральный прокурор. Нет. Сидите! *(Генеральный прокурор почти по-военному вытягивается перед грозным аппаратом и трубку берёт, как берут за горло судьбу.)* Слушаю, Никита Сергеевич!

3

Маленькая, опрятная комната в деревенском домике. Самое значительное в ней — кровать. Она занимает большую часть комнаты. Тщательно и пышно взбита и застелена. Горкою выстроены подушки в крахмальных наволочках, одетых в кружевные чепцы. Обеденный стол у окна. По сравнению с кроватью выглядит просто игрушечным. Застелен опрятной кремовой скатертью, в крошечной вазе — несколько ранних весенних цветов. За столом сидит Зина с любопытством озирается по сторонам. Она тут впервые. Входит Ольга. В руках у неё небольшой жостовский поднос, сервированный к чаю.

Ольга. Неужели ты и впрямь думаешь, что я его прячу?

Зинаида. Где же он может быть? Я всю округу обошла, все его тропки, все закоулки.

Ольга *(разливает чай)*. В магазине была?

Зина. Была. Машка сказала, что не заходил. *(Шёпотом, в упор.)* Кто у него тут ещё, кроме тебя, есть?

Ольга *(с вызовом)*. Не говори глупостей, Зинаида. Кроме меня у него вообще никого нету!

Зинаида. Эх, Ольга, Ольга! Не клевал тебя жареный петух в задницу. (*Насмешиливо.*) Да и его ты не знаешь: никогда в жизни не ездил он на одной кобылке.

Ольга. Напрасно оскорбляешь меня в моём же доме. Забыла, что я четыре года в ватных штанах сахарницу парила? Она у меня и целее, чем у тебя! При желании могу просто взять тебя за шкирман!

Зинаида. Тво-о-о-й д о-о-о-м? Да тут всё, до последней твоей подстилки, куплено моими слезами! Я знаю, куда идут его гонорары! Он, дурень, всегда разбазаривал их на шалашовок — по всем лагерям рассылает. Знаю, кто и как устроил тебя в «Худлит»! Он же обменял тебя на Нобелевскую премию! Может, ты считаешь это равноценным обменом?

Ольга (*твёрдо*). Да! Хотя, я, в отличие от тебя, убеждала его получить её. А ты — струхнула.

Зинаида. Тоже мне целка! (*Подвигает к себе чай.*) Давай, а то остынет. Куда же он запропастился? Чует моё сердце: — тут что-то нечисто...

Ольга. А не могли его похитить?

Зинаида (*ошарашено*). Похитить? Да у него и денег при себе нету...

Ольга. Я не о тех похитителях веду речь...

Зинаида. Тебе виднее. Позвоним в милицию?

Ольга. Звони.

Зинаида. Не-ет! Боюсь я их.

Ольга. Дай подумать...

Зинаида. Чего тебе думать?

Ольга. Чего-чего... Может, по моргам?

Зинаида (*резко, как отрезала*). Нет! По моргам звонить не будем. Такие в канавах не умирают.

Ольга. Ну, хорошо. Давай подождём ещё минут пятнадцать.

Зинаида. Мог пойти на станцию за газетами.

Ольга. Вряд ли...

Зинаида. Ты права. Газеты сейчас ему лучше не читать. Наши газеты!..

Ольга. А ты не находишь, что он мог сбежать от нас обеих?

Зинаида. Не такой уж он смельчак!.. У тебя есть чего-нибудь?

Ольга (удивленно). Валерьянки?

Зинаида. Дура!

Ольга. Вас понял.

Подходит к старенькому ореховому серванту и откуда-то из-за стопок тарелок осторожно, как заначку, вынимает бутылку грузинского коньяка «Энисели». Из того же серванта достаёт два бокала, ставит всё это на стол, откупоривает: бутылка оказывается початой.

Зинаида (зло). Развлекаетесь? (Ольга молчит.) Самый лучший перевод с грузинского на русский. (Миролюбиво.) Узнаю. У нас дома такой же.

Ольга приносит вазу с домашним печеньем, режет лимон. Зинаида рассеяно следит за её движениями. Видно, Ольга уже не чаёт, как от неё избавиться. Но тем не менее, зажигает настольную лампу голубым стеклянным абажуром наподобие «кольца Сатурна», и на его сиреневом фоне начинают причудливо светиться обнажённые женские фигурки в весьма фривольных позах. бордель! (Ольга молчит. Зинаида поднимает бокал.) Твоё здоровье!

Ольга (поднимает бокал, чокается с Зинаидой). Да уж кого больше всего и заботит моё здоровье, так это, конечно, тебя.

Зинаида. Завидую тебе, Ольга. Беспечная ты, потому и вьются, липнут к тебе мужики... Детей не теряла. Потому и беспечная... (*Ольга молчит.*) Да забирай ты его с потрохами! Тоже мне — кобель подворотный! Да я с ним с сорок пятого года не сплю — сразу после смерти сына. Потому и рыщет по всей Москве в поисках какой-нибудь давалки. Голодный! Может, не уйди я в своё время к нему, то и не потеряла бы своего сынишку. Не было бы того ужасного случая на его чёртовой даче, когда мальчик мой свалился зимою с крыши и подхватил туберкулёз позвоночника (*Заплакала.*) Забирай!

Ольга (*глухо*). Теряла. И ты это знаешь. Мой ребёнок так и остался там — на цементном полу Лубянки. Комочком... Это наверняка была девочка. Долгожданная. *Зинаида не реагирует. Выпивают, не чокаясь. Молчат — думают каждая о своём.*

Зинаида (*неожиданно жёстко*). Всё равно я тебя посажу!

Ольга. Ты что? В своём уме?

Зинаида. В своём.

4

Кабинет Генерального прокурора СССР. На главном столе резко верещит «в/ч». На аппарате, украшенном позолоченным гербом, даже начинает панически бльмать красная лампочка.)

Генеральный прокурор. Извините!..

Поэт (*примирительно*). Мне выйти?

Генеральный прокурор. Нет. Сидите! (*Генеральный прокурор почти по-военному вытягивается перед грозным аппаратом и трубку берёт, как берут*

за горло судьбу.) Слушаю, Никита Сергеевич! Да, Никита Сергеевич, мы вызвали его в прокуратуру... Да, конечно, совершенно добровольно... Да-да, я как раз веду допрос... Нет-нет, его в кабинете нету... Он там, в приёмной. Его вывели на время нашего с вами разговора. Да, Никита Сергеевич, да, допрос проведу по всей строгости. Если будет отпираться, препроводим прямо в камеру предварительного заключения... Конечно, есть. Прямо в этом здании... Странно, как это вы не знали... (*Поэт зажимает уши руками.*)... Да-да, конечно, есть вещи, которые лучше не знать (*Угодливо хохотнул.*) Нет-нет, что вы! Никакой интермедии — Запад тоже почувствует: шутковать мы не намерены. Спасибо! Есть! Спасибо! Есть!..

Прокурор аккуратно, с учтивой задержкой, кладёт трубку на тяжёлый рычаг, вынимает из кармана синих галифе обширный батистовый платок и молча промокает лоб и загривок. И плотно, со скрипом вновь усаживается напротив поэта. И только тут замечает, что поэт закрыл не только уши, но и глаза. Они у него действительно плотно-плотно зажмурены.

Генеральный прокурор (*негромко*). Дорогой!

Поэт (*неохотно открывает глаза*). Да.

Генеральный прокурор. Вы поняли, как всё серьёзно?

Поэт (*недолго молчит*). А вы знаете, что, хоть, в какой-то мере примиряет меня с вами?

Генеральный прокурор. Вообще-то, здесь вопросы задаю я.

Поэт. И всё-таки?

Генеральный прокурор. А вы считаете, что мы так уж непримиримы?

Поэт. Не знаю (*Выжидательно молчит.*) На Нюрнбергском процессе вы сказали о своих подсудимых, если не ошибаюсь, примерно так: «Это — преступники, сделавшие орудием своего преступления само государство».

Генеральный прокурор (*польщённо*). Да, что-то в этом роде.

Поэт. Великолепное определение. Даже само государство может стать инструментом преступлений в чьих-то недобросовестных руках. Это очень верно.

Генеральный прокурор (*мрачно*). К чему вы клоните?

Поэт. Интересно, ту блестящую речь — остальные обвинители судили фашистов и только вы — Фашизм. Вы тоже составляли по подсказкам из ЦК?

Генеральный прокурор (*с внутренним негодованием*). Не забываетесь!

Поэт. Мне кажется, что нет: вряд ли там нашлись бы такие талантливые суфлёры. Бюрократы — они и есть бюрократы.

Генеральный прокурор (*вяло буркнув*). Не консультировался. Но речь потом показывал. Одному человеку. Он сказал, что краткость — сестра таланта. Она действительно была самой короткой из всех тамошних речей.

Поэт. Неужели самому Чехову показывали?

Генеральный прокурор. Не юродствуйте. Этот человек... (*Кивает на портрет Хрущёва.*), когда-то спас вас.

Поэт. И спас, и погубил. Всю жизнь теперь отмываюсь...

Генеральный прокурор. Чёрного кобеля не отмоешь

добела. Не казнитеся — не вы один. Нечто подобное могу сказать и о себе.

Поэт. Ну да, был культ личности, а теперь культ — безличности.

Генеральный прокурор. Вы хорошо когда-то писали о нём. Особенно — в переводах с грузинского.

Поэт. Напишешь...

Генеральный прокурор. Кто действительно хорошо написал о нём, так это тот же Мандельштам!

Поэт. Нас с вами запишут в ретрограды.

Генеральный прокурор. Не думаю. Вас — не запишут. Сегодняшнему вы нужны больше, чем вчерашнему. А вот я, похоже, нет.

Поэт. Нельзя ставить знак равенства между двумя такими разными государствами. Государство — это прежде всего инструмент насилия. Заметьте, это не я сказал, а ваш главный теоретик и он же практик, попрктичнее самого Сталина. Не забывайте: я ведь тоже когда-то учился на юридическом...

Генеральный прокурор. Большинство над меньшинством?

Поэт. Как бы не так! Да даже если бы и над меньшинством: человечество никогда не умнеет скопом, поголовно, а только, в лучшем случае, по одному... Вообще-то, если судить по этой вашей знаменитой речи, я бы сказал, что в вас погиб философ.

Генеральный прокурор. Почему же погиб?

Поэт. Да, вы правы: вы загубили в себе философа сами. Добровольно.

Генеральный прокурор. А вы думаете, прокурор не может быть философом? (*Поэт пожимает плечами.*)

Он просто обязан им быть. «Философское отношение к смерти», — слышали такое выражение?

Поэт. Допустим.

Генеральный прокурор. Оно и нас напрямую касается. Философское отношение не только к своей, но и к чужой смерти тоже. В конечном счёте, все мы смертны, и надо воспринимать смерть не как физическое, мучительное явление, а как философское. То есть — избавление от преходящей земной юдоли...

Поэт. Вы меня удивляете.

Генеральный прокурор (*резко меняет тональность*). Давайте ближе к делу! Вы признаете свое стихотворение ошибочным?

Поэт. Это не художественная категория, Я ни одного своего стихотворения не могу назвать ошибочным. Я все их писал совершенно искренне.

Генеральный прокурор (*иронично*). Все?

Поэт. Все...

Генеральный прокурор. Переводы не в счёт — это другой разговор.

Поэт (*извинительно*). Я могу сказать только, что некоторые из них... ну (*Мнётся*), если не графоманские, то не шибко художественные... Но я же вам не строчевышивальная машина!

Генеральный прокурор. Это уже что-то. Скажите, что вы отзывате его как малохудожественное.

Поэт. Нет. Хватит с меня отказной телеграммы в Нобелевский комитет.

Генеральный прокурор. Вы что упорствуете? (*Поднимается с места и начинает тяжело расхаживать по кабинету*.) Чего добиваетесь? В самом деле — в

кутузку?! Может, сидеть при Сталине и было делом чести, доблести и героизма, а при этом... (*С опаской гладит на портрет Хрущёва.*) Вы действительно помните этот разговор? О Мандельштаме... Ведь он вас и в самом деле, как и в случае с Булгаковым, предупредил. Не только уел, но и — предупредил. От написания стихов, подобных «Кремлевскому горцу». (*Поэт молчит.*) Вот и я вас — предупреждаю. Не надо! Не заставляйте брать грех на душу... Да в конце-то концов, чёрт подери, неужели вы не понимаете, что в той же вашей «Рождественской звезде» крамолы куда больше, чем в этом... гм ... пасквиле?! (*Пристально глядит на Поэта.*) Не понимаете?! (*Поэт мотает головой.*) Ну и что же тогда? Не от ребёнка же отказываетесь.

Поэт (*зло и глухо*). В ребёнке мне уже отказывали. И даже дважды. У вас же, на Лубянке: мол, не может быть у такого старого...

Генеральный прокурор (*торопливо*). Это не у нас! Это — у них!

Поэт. Ну да, я и забыл: вы же были обвинителем Берии.

Генеральный прокурор (*мрачно*). Я выполнял распоряжение ЦК.

Поэт. А теперь вот вы и мой обвинитель. Универсал...

Генеральный прокурор. Но-но!

Поэт. Неужели вы думаете, что моя работа менее благородна, чем ваша? Ведь люди звереют именно тогда, когда перестают понимать стихи. А перестают их понимать в первую очередь тогда, когда талантливые

стихи перестают рождаться как таковые. Не тогда даже, когда их не печатают, а когда не рождаются. (*Кричит, поднимаясь со стула.*) Вы этого добиваетесь? Так тогда шлёпните меня сразу. Это у вас хорошо получается!

Генеральный прокурор. Тихо! Тихо! Сядьте! Так я же и говорю: талантливые, а не на злобу дня. Договорились? (*Поэт садится и зажимает уши ладонями.*) Договорились? (*Идёт к дверям и вместо того, чтобы воспользоваться кнопкой на торце стола, распахивает двери и кричит в приёмную*) Анна Ивановна! (*Возвращается, садится теперь уже в своё кресло.*) Для вас же стараюсь. Вдруг ещё напишете что-нибудь путное.

Поэт (*нехотя убирает ладони*). Век бы не слышать.

Генеральный прокурор. Могли бы и понять: моя работа тоже не менее благородна, но при этом ещё более опасна, чем ваша...

Поэт (*кивает в сторону портрета Хрущева*). Как вы думаете, долго наверху продержится этот «человек без свойств»?

Генеральный прокурор (*закашливаясь*). Кто-кто?

Поэт. Ну, этот ваш — звонарь!

Генеральный прокурор (*поперхнувшись*). Что? Да вы!. *Входит Анна Ивановна. В руках большая, разлинованная стенографическая тетрадь, с десяток остро отточенных карандашей в цветном стакане.*

Поэт. А я думаю: недолго.

Генеральный прокурор. А вот это вы зря...

Поэт. Вы читали Музиля?

Генеральный прокурор. А что, его перевели?

Поэт. Да нет. В подлиннике.

Генеральный прокурор. В подлинниках я немцев не читаю.

Поэт. Вообще-то, австрияков...

Анна Ивановна (*робко встречаая в разговор*). Я знаю переводчика, Апта, который сейчас переводит его.

Генеральный прокурор. Да?!

Анна Ивановна. Простите.

Генеральный прокурор. Анна Ивановна, сделайте протокол допроса.

Анна Ивановна (*неотрывно смотрит на Поэта*). Признание? Раскаяние?

Генеральный прокурор. Признание.

Поэт (*ловит взгляд Секретарши*). Я не согласен.

Генеральный прокурор (*заметив их затаенные взгляды*). Да, именно признание.

Поэт. Я...

Генеральный прокурор (*перебивая Поэта*). Пишите, Анна Ивановна!

Анна Ивановна. Простите! Я... Я пишу.

Генеральный прокурор. Вот именно. Пишите. «Автор признает публикацию в «Дейли мэйл» необдуманной»...

Поэт. Как-то по - другому бы...

Генеральный прокурор (*стремительно реагируя на робкие возражения Поэта*). То есть —ошибочным. Ссылается на общую обстановку, сложившуюся вокруг него, в том числе и в семье...

Поэт. Ну, было...

Генеральный прокурор. В общем, нервный срыв.

Поэт. Был и срыв...

Генеральный прокурор (*легко продолжает диктовать*).

И, конечно, ловкость пройдошистых английских шелкоперов, досаждающих ему в последнее время...

Поэт (*робко вклинился*). Не было этого...

Генеральный прокурор. А вот как раз и было. Нам-то лучше знать. Повторю - досаждающих ему в последнее время... И в связи с этим, просит компетентные органы оградить его...

Поэт (*пытаясь возразить*). Ничего я не прошу....

Генеральный прокурор (*властным жестом усаживает на место*) Ну, ладно... Не просит.

Поэт (*послушно садится*). Не прошу.

Генеральный прокурор. Всё остальное сами знаете, как. В общем, вопросов нет, инцидент исчерпан, протокол сразу строго засекретить.

Анна Ивановна. Хорошо.

Генеральный прокурор. А записку в ЦэКа я продиктую вам сам.

Анна Ивановна. Сейчас?

Генеральный прокурор. Нет. Позже.

Анна Ивановна. Я могу идти?

Генеральный прокурор. Да. И пусть никто не входит и, желательно, не звонит.

Анна Ивановна. Хорошо.

Генеральный прокурор. Ну, кроме ВэЧэ.

Анна Ивановна. Разумеется. Что-то еще?

Генеральный прокурор. Пока все.

Анна Ивановна понимающе кивает головой и выходит из кабинета. Повисла пауза. Поэт, закрыв руками уши и глаза, скрючившись, одиноко сидит за столом. Генеральный прокурор подходит к Поэту и трогает его за плечо.

Поэт. А?..

Генеральный прокурор. Руки помыть не хотите?

Поэт (*несколько потеряно*). Руки?..

Генеральный прокурор. Да. Руки помыть не хотите?

Поэт. Хочу. (*Простодушно хохотнув.*) Знаете ли, простатит не тётка.

Генеральный прокурор. Не тетка! (*Добродушно усмехнувшись.*). Эко вы хорошо сказали. Не тётка! (*Почти по-ленински указывает на дверь в глубине кабинета.*) Туда! Поэт послушно следует в указанном направлении. Прокурор занялся делом. На круглом столике уже расставлены приборы, хрустальный вазончик с чёрной икрой, лимон. И сам, не выкликая буфетчицу, с удовольствием, посвистывая что-то из «Цветочницы Марицы», режет его тонюсенькими ломтиками. Буквально через минуту из-за неплотно прикрытой двери, слышится мерный, значительный рокот мраморного унитаза. Тут же выходит поэт. Он, похоже, успел за это время не только руки вымыть, но и умыться: лицо посвежевшее, помолодевшее. На бровях и упрямых ещё волосах висят капельки воды.

Поэт. Хорошо тут у вас, как в раю.

Генеральный прокурор. Ну как вы только что убедились, даже в раю имеются отхожие места.

Поэт. А может, уровень рая как раз и определяется качеством этих самых мест.

Генеральный прокурор. То-то же! (*Указывает Поэту на кресло, тот славно устраивается в нём.*) Вы, говорят, любите грузинский?

Поэт. Люблю.

Генеральный прокурор. Я так и подумал. А мы будем

пить французский! (*Ставит на стол непечатую бутылку «Корвуазье» с портретом Наполеона на стекле. Поэт смотрит и на бутылку, и на императора почти с умилением: давно не виделись. Прокурор открывает тёмную, пузатую чёрную бутылку. Поднимает свой бокал. Неожиданно серьезно.*) Давайте договоримся, пока мы оба трезвые.

Поэт. О чём?

Генеральный прокурор. О разговоре со Сталиным вы в своё время много кому рассказывали и рассказываете. Может, Сталин на это и рассчитывал. Но я не Сталин, мне паблисити в ваших кругах ни к чему. Поэтому давайте договоримся: о нашем разговоре, о его существовании — никому ни слова.

Поэт. А?

Генеральный прокурор (*твёрдо смотрит на собеседника*). Никому. В том числе и дома, в семье.

Поэт (*нехотя кивает головой*). Как скажите...

Генеральный прокурор (*чуть улыбнувшись*). В обеих ваших семьях. Так будет лучше не только для вас, но и для меня. Ну, был вызван... Кое-как отвертелся... Лады?

Поэт. Лады.

Генеральный прокурор. И чудненько! (*Чокается с поэтом. Оба выпивают залпом, как коньяк, особенно французский, грамотные люди, вообще-то, не пьют.*) Я, в самом деле, рад познакомиться с вами лично. Пусть даже и в столь сомнительных обстоятельствах. Анна Ивановна иногда читает мне ваши стихи...

Поэт. Приятно удивлен.

Генеральный прокурор. Она была моей стенографисткой в Нюрнберге.

Поэт (*подвигает свой пустой бокал к бутылке*). За умных стенографисток?

Генеральный прокурор. Как скажете... И за них тоже (*Плещет коньяк в бокалы*). Ваши-то, небось, переживают?

Поэт (*неуверенно*). Я вот и хотел попросить...

Генеральный прокурор (*настороженно*). О ком?

Поэт. Не беспокойтесь. Не о ком, а всего лишь — о чём.

Генеральный прокурор. И о чём же?

Поэт. Действительно переживают. Нельзя ли звоночек сделать?

Прокурор хмурится. Повисает пауза.

Генеральный прокурор. А вообще, вы кого собираетесь предупреждать?

Поэт. Пожалуйста...

Генеральный прокурор. Я вам советую: позвоните домой... В первый дом... (*Генеральный прокурор встает и подходит к телефону, стоящий на отдельной тумбочке*). Звоните по этому.

Поэт (*быстро набирает номер*) Ало! Дуня! Передайте нашим («*Нашим*» произносит с явным нажимом), что со мною всё в порядке. Я скоро! Буду ... дома.

Генеральный прокурор (*хохотнув*). Ну, вы конспиратор даже больше, чем я думал! Не зря писали на революционные темы. (*Поднимает бокал и с озорством стучает им о бокал поэта.*) А вообще, как-то у вас пошловато получилось

Поэт. Это вы о чем?

Генеральный прокурор. Ну, когда вы упор сделали на слове «нашим» (*Передразнивая Поэта*). «Ало! Дуня! Передайте нашим»! Вы это запомните, дорогой поэт.

И вас, и нас. А теперь угощайтесь! Икру берите ложкой. Не люблю размазню...

Поэт. Благодарствую...

Генеральный прокурор. Вы куда отсюда поедете?

Поэт (*пожимая плечами*). Вы меня застали врасплох.

Генеральный прокурор. Не обижайтесь ещё на один совет...

Поэт. Жизнь сделал меня необидчивым...

Генеральный прокурор. У вас появляется замечательная возможность: удрать от них обеих сразу! Машину дам в любую сторону!

Поэт (*иронично*). Не погорячились?

Генеральный прокурор (*поспешно*). Ну, кроме одной.

Поэт. Все же погорячились. Догадываюсь. Западной. Правильно?

Генеральный прокурор (*после небольшой паузы*). В Китай же вы и сами не поедете?

Поэт (*захмелев, убежденно*). Не поеду!

Генеральный прокурор (*в очередной раз разливает коньяк*). Умираем-то мы, мужики, всё равно в полном одиночестве. Как там у вас:

«О господи, как совершенны
Дела твои, — думал больной,
— Постели, и люди, и стены.
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения слёзы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты удержишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

Поэт. Вы неплохо читаете стихи.

Генеральный прокурор. Правда?

Поэт. Во всяком случае, для прокурора.

Генеральный прокурор. Когда я читаю ваши стихи, у меня даже слеза на глаза навёртывается.

Поэт (*почти с ужасом*). Вы что, религиозны?

Генеральный прокурор (*насмешливо*). Настолько, насколько религиозен, может быть прокурор, даже родившийся на Украине. Люди, да и народы, так дорого платят за свои убеждения, которые потом сплошь и рядом оказываются ошибочными, что иногда подумаешь: а не лучше ли не иметь их совсем?

Поэт. Жизнь богаче любых убеждений. Единственным непререкаемым убеждением может быть только человеческая доброта и сострадание. Но, боюсь, что это дело не столько наживное, сколько врождённое. Это как душевное благородство. Или есть, или его нету. Вообще-то, добро и зло, видимо, в равной степени спят в каждом человеке. Всё дело в том, кого, что из них мы выкликаем в данный момент. Или что культивируем в данный момент — как в отдельном человеке, так и в обществе в целом.

Генеральный прокурор. Как знать. Может, вы и

правы...

Какое-то время они оба молчат. Потом молча выпивают. Поэт скребёт серебряной чайной ложечкой икру из хрустального вазончика.

Поэт (*задумчиво*). Нет уж, дудки! Умирать я буду с Зинаидой, на её руках — это и будет единственным моим искуплением перед нею.

Генеральный прокурор. Вам виднее. А я вот точно знаю больницу, в которой помру. Мавзолей, чёрт возьми, даже мрамор на облицовке тот же самый, а не больница. А вот вечности всё равно не гарантирует. (*Вновь разливает коньяк. Усмехнувшись.*) Поехали?

Поэт. Поехали.

Генеральный прокурор. А вообще, дорогой, позвольте спросить: какого чёрта вы с нею связались?

Поэт. С кем?

Генеральный прокурор. Ну, с этой... Музой вашей...

Генеральный прокурор. Ну да. Нашли бы барышню попроще, помоложе. Без прошлого. Да и без будущего. Без компрометирующих связей. А то еще наплачетесь с ней, да и она наплачется.

Поэт. Видите ли, дорогой. Бывает Муза, а бывает Судьба. И они очень редко соединяются в одном лице. А тут — соединилось. Скрестилось. С Музой ещё можно и связаться, и развязаться. А с Судьбой — не связываются. И уж тем более — не развязываются. И это касается всех. Всех. Без исключения. Вот вам сколько лет было в Нюрнберге?

Генеральный прокурор. Ну, тридцать восемь...

Поэт. А ей?

Генеральный прокурор. Кому это ей?

Поэт. Не придурайтесь. Анне Ивановне. Секретарше вашей.

Генеральный прокурор. Ну, сорок пять.

Поэт. И чего же это вы до сих пор с нею не развязываетесь? (*Генеральный прокурор молчит.*) Выходит, и у вас есть в жизни пошловатые моменты (*Генеральный прокурор от неожиданной наглости молчит. Поэт наливает ещё по одной.*) Поехали!

Генеральный прокурор. Поехали!

Поэт. А вообще, товарищ прокурор, вы столько советов понадавали мне за сегодняшний день, что пора бы и честь знать. Вы хоть и генеральный, но я, беспартийный большевик, всё-таки старше вас.

Генеральный прокурор. Ну-ну. Не дуйтесь. (*Вальяжно кладёт свою прокурорскую лапицу на нервную, продолговатую поэтову ладонь. Миролюбиво.*) Поехали?

Поэт. Ещё по одной?

Генеральный прокурор. А то как же! Приятно всё-таки выпить в компании с Нобелевским лауреатом.

Поэт. Бывшим.

Генеральный прокурор. Лауреаты бывшими не бывают!

Поэт. Будем надеяться. (*Обреченно.*) Поехали...

5

Всё та же комната Ольги. В Подмосковье темнеет рано. Две женичины так и сидят друг против дружки. Несмотря на коньяк — ни мира, ни войны. В дверь стучат.

Зинаида. Это кто ещё?

Ольга (*встрепенувшись*) Борис!

В комнату, смущённо покряхтывая, вваливается Кузьмич, поношенный мужичонка в круглых стальных очках, делающих его похожим сразу и на поэта Заболоцкого, и на члена политбюро Суслова, в ватной безрукавке, в каких обычно управляются по хозяйству, и в толстых шерстяных носках с высокозаправленными в них штанинами — голландские калоши, видать, оставил в сенях.

Кузьмич. Вечер добрый!

Зинаида (*раздраженно*). Это ещё кто?

Ольга. Кузьмич. Наш хозяин.

Зинаида. Вид у него только что- не хозяйский.

Ольга. Здравствуйте, Кузьмич!

Кузьмич. Здоровеньки булы!

Зинаида. Он, что ли за этот домишко платит вместо тебя. А, Ольга?

Ольга (*Зинаиде*). Тебе-то чего? (*Кузьмичу*.) С чем пожаловали?

Кузьмич. Да вот, понял, что гостья у вас. Думал, может, надо чего: яичек там, молока?..

Зинаида. Не подоили ещё быка. (*Ольге*.) На дежурную чекушку зашел?

Кузьмич. Дык, я так, по- соседски. Если не надо, я пойду, Ольга Ивановна?

Ольга. Спасибо, Кузьмич. Но пока нам ничего не надо...

Зинаида (*неожиданно для Ольги*). Да чего уж там! Заходи, третьим будешь.

Кузьмич (*вынимает из карманов своей душегрейки два роскошных, с осени сохранившихся в соломе, антоновских яблока и несёт их к столу, как несут пасхальные куличи*). Угощайтесь, милые дамочки. (*Ольга подвигает*

ему солдатский табурет, помогает снять телогрейку и ставит на стол ещё одну рюмку.) Благодарствую. Вот не ожидал! Кузьмич, крепко потирает холодные ладони. Усаживается. С удовольствием разглядывает бутылку — можно подумать, что впервые видит её.

Зинаида (*протягивает руку Кузьмичу*). Зинаида.

Кузьмич. Кузьмич. (*Оглядывая обеих.*) Как-то вы очень уж сурьёзно сидите...

Зинаида (*приказным тоном*). А ты наливай!

Кузьмич (*разливает с завидной сноровкой*). С удовольствием.

Зинаида (*Кузьмичу*). Насобачился!

Кузьмич. А как же мужику без этого.

Ольга (*Зине*). Ну, да ладно тебе. Выпьем!

Кузьмич. Здоровеньки булы!

Ольга. Будь здоров и не кашляй!

Зинаида. Где он может быть? (*Требовательно и в упор смотрит на Кузьмича.*) Где вы ещё выпиваете с ним?.. Ну, за исключением этого дома. В фадеевском шалмане?..

Кузьмич. Мы не выпиваем — он же у вас непьющий... Малопьющий. Мы с ним беседуем...

Зинаида. О чём же это вы с ним беседуете? О бабах, что ли?

Кузьмич. О всяком-разном. Бывает, что и об вас. Но чаще — о жизни.

Зинаида. Ну да, если о бабах, то это и есть — о жизни. Жизнь происходит от трения. И всё-таки, Кузьмич, Ты наверняка знаешь больше, чем говоришь. Где искать его?

Кузьмич молча наливает ещё по одной, а затем вдруг совершенно трезво, хотя и негромко, произносит.

Кузьмич. В КЭГЭБЭ...

Доселе молча сидевшая Ольга вообще каменеет. Зинаида грузно откидывается на спинку стула. Зрачки её расширены от ужаса.

Зинаида (*шёпотом*). Где?

Кузьмич (*спохватывается, что сболтнул лишнего*). Да всё в порядке с ним!..

Ольга (*шёпотом*). С чего это вы взяли?

Кузьмич. Примета есть такая, топтуна нету, значит, всё в порядке.

Зинаида. Какого топтуна?

Кузьмич. А вы что, дамочка, не знаете? Он уже лет пять, как за вашим хозяином топчется. Вся округа его уже знает. Мы даже пару раз выпивали вместе. На троих. А нынче он вдруг исчез. Примета есть — идёт по второму кругу.

Зинаида. Уж не ты ли и есть тот самый вездесущий топтун?

Кузьмич. Чур нас! (*Опрокидывает рюмаху. Торжественно, как на вынос.*) За КЭГЭБЭ! Которое нас бережёт и стережёт!.. В дверь барабаният. У всех напряжение на лицах. Кузьмич нерешительно встаёт, но до двери дойти не успевает. Она распахивается, и в её проеме появляется дебёлая Евдокия. Она запыхалась. Кузьмич все еще дрожащей рукой наливает ей в свою собственную рюмку. Евдокия выпивает и вкусно занюхивает рукавом.

Зинаида. Ну, слава Богу...

Евдокия. Живой... Звонили...

Ольга. Кто звонил?

Евдокия (*обиженно*). Сами звонили.

Зинаида. И что?

Евдокия. И всё. Еле добегла. Думала, сердце выпрыгнет. *Зинаида заплакала, закрыв лицо руками.*

Ольга. Так откуда звонил-то?

Евдокия. А кто ж его знать.

Ольга. И что сказал?

Евдокия. Со мною усё у порядку... Скоро буду.

Ольга тоже закрывает лицо ладонями и низко склоняется над столом. Их головы, русая, пышная и тёмная, крашеная, стриженная, такие разные, почти соприкасаются. Женщины, похоже, плачут на пару: каждая о своём. Постояв какое-то время, уставясь на них, Евдокия вдруг тоже заливается горючими слезами.

Кузьмич (растеряно). Тю, дуры! (Наливает себе рюмку, выпивает.) Радоваться надо, а они режут белугами.

Зинаида (вытирая рукавом слёзы). Действительно, чего это мы его отпеваем?

Ольга (смеётся сквозь слёзы). Да если три русские бабы соберутся вместе, они всегда найдут общий повод поплакать.

Кузьмич. Да уж, русские — глаза узкие!..

За окнами в кромешной темноте возникает свет фар и слышится пронзительный скрежет тормозов. Женщины опять переглядываются и, все вместе, начинают лихорадочно... охораиваться. Кузьмич опрометью вылетает из комнаты.

6

Где-то в темноте стоит давешняя «Волга». Фары её притушены. К калитке подходит Поэт и все тот же Сопровождающий. Вбегает Кузьмич, отчаянно машет руками.

Кузьмич. Нет! Нет! Она все там! Съедят с потрохами!

Поэт (*сильным нетрезвым голосом*). Вася! В Москву!

Сопровождающий (*браво*). Есть!

Захлопывает дверь. Слышен молодой звонкий голос Поэта.

Поэт. В Москву!

Машина рвёт с места. Кузьмич возвращается к дамам. Те дружно срываются ему навстречу:

— Где?

Кузьмич (*лукаво*). Убыл!..

Неожиданно становится тихо. Только иногда слышны похлипования Ольги, Зинаиды и Евдокии. Свет медленно гаснет.

К а т е р и н а Ф А Й Н

Поэт, драматург. Член Союза писателей России, член Гильдии драматургов России.

Пьесы поставлены во многих театрах России и за рубежом, переводились на

английский, украинский, китайский языки. Автор стихов к песням Вячеслава Бутусова и Севары Назархан.

Пьеса **«Бродский. Круг и треугольник»** основана на реальных событиях 1963-1964 годов, с момента публикации статьи «Окололитературный трутень» в газете «Вечерний Ленинград» — до первых месяцев ссылки Бродского в деревню Норинская. Любовный треугольник между двумя поэтами и их музой подробно описан в мемуарах и многочисленных интервью очевидцев: Людмилы Штерн, Виктории Беломлинской, Аллы Уфлянд и др. На них и опирается эта история. В пьесе использована подлинная стенограмма суда и некоторые диалоги из книги воспоминаний самого участника и виновника — Дмитрия Бобышева.

К а т е р и н а Ф А Й Н

БРОДСКИЙ. КРУГ И ТРЕУГОЛЬНИК*пьеса в двух действиях***Действующие лица****Иосиф** – поэт**Дмитрий** – поэт**Марина** – муза**Судья****Первое действие****Сцена первая**

Скромное пространство без излишеств, одновременно напоминающее комнату и коридор коммунальной квартиры 1960-х годов. Телефон, велосипед, раскладушка, пара стульев. Стол, на котором стоит печатная машинка, проигрыватель с пластинкой, ажурная пепельница. Несколько книг и журналов небрежно лежат на полу и стульях. В глубине комнаты – окно, выходящее на Собор. Окно занавешено плотной шторой.

Свет на сцене зажигается, мы видим наших героев. Девушка между двумя юношами. В руках у них музыкальные оркестровые треугольники. Они исполняют «Очи чёрные», подпевая в такт музыке, которая звучит фоном.

Свет на секунду гаснет, и мы видим уже одного Дмитрия, слезающего с велосипеда. Звучит голос за сценой.

Г о л о с. К вам заходил... уж не знаю кто – ваш друг? Приятель? На столе он оставил записку. Очень недурного содержания.

Дмитрий (*подходит к столу, вынимает лист из печатной машинки, читает*). Деметр! Пока ты посещал своего дантиста, я написал гениальные стихи. Вот они:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду.
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму.
И апрельская морось,
над затылком снежок,
и услышу я голос:
– До свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
Словно девочки-сестры
из непрожитых лет,

выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

Где он нашёл на Васильевском тёмно-синий фасад? Там
все дома серые... *Комкает лист, бросает на пол.*

*Входит Иосиф, в руках книга, левое запястье
перемотано бинтом. Этот бинт он старательно
прячет под рукав. Звонит в велосипедный звонок.
Дмитрий оборачивается.*

Дмитрий. А, это ты... Хорошо, что вернулся. Придумай
рифму к слову «тоска».

Иосиф. Скучаешь?

Дмитрий. Скорее, мучаюсь своим положением в этом
доме. Кажется, за мной шпионят. Ревнуют, роются в
моих карманах...

Собирает книги, кладёт на стол.

Иосиф. Жена?

Дмитрий. Вместе с тёщей.

Иосиф. А ты не оставляй в карманах чужие записки. Не
оставляй ничего, кроме носового платка.

Дмитрий. Надоело оглядываться!

Иосиф. Надо либо смириться, либо быть тверже и
настаивать на личном пространстве.

Дмитрий. Тебе хорошо рассуждать — у тебя нет тёщи.

Иосиф. Пока нет. Но если тебе интересно, моя
потенциальная тёща тоже меня не любит.

Дмитрий. Почему?

Иосиф. Видимо, ищет для своей дочери более
выгодную партию.

Дмитрий. Значит, и моя ищет... Всё, пора разводиться!

Иосиф. Ну, тогда, войска, пропуска, резка, низка, доска,

куска, волоска... Хватит?

Дмитрий. Вполне, спасибо.

Иосиф. У меня была одна знакомая, её мать училась у Гумилёва. И как-то на одном из занятий она спросила: можно ли научиться писать стихи, как Ахматова? А он ответил: «Как Ахматова – вряд ли. Но вообще научиться очень просто. Надо придумать две приличные рифмы, а пространство между ними заполнить, по возможности, не очень глупым содержанием».

Дмитрий. Разумно. Но есть ещё один секрет.

Иосиф. Какой?

Дмитрий. В стихотворении должно быть минимум прилагательных и максимум существительных.

Иосиф. Это любопытно!

Дмитрий. Существительных даже больше, чем глаголов.

Иосиф. Твоя теория?

Дмитрий. Не моя. Женькина.

Иосиф (*задумываясь*). А что – пожалуй, он прав!

Дмитрий. Кстати, Ося... (*Играет скомканным листком в футбол.*) Ты, наверное, заметил, что нас всё чаще упоминают рядом с Ахматовой, причем как единую литературную группу?

Иосиф. Конечно, заметил. Не скрою, мне это льстит.

Дмитрий. Мне такое определение тоже нравится. Я готов признать себя в рамках этого круга. Назовем его «школой Ахматовой». А ты признаешь себя внутри этой связки?

Иосиф. Безусловно.

Дмитрий. А если мы её ученики, то чему нас учит Ахматова? Ведь писать стихи мы, вроде как, умеем...

Мне вот кажется, что она учит достоинству. *Делает нас в сторону Иосифа.*

Иосиф. Достоинству? Скорее, величию!

Пас.

Дмитрий. А, может, царственной осанке?

Пас.

Иосиф. Я думаю, она учит слышать музыку в слове.

Дмитрий. И прощать!

Иосиф. А ты знаешь, какая похвала от Анны Андреевны самая высокая? Когда она говорит: «Такого по-русски ещё не было».

Дмитрий. Да, нам повезло, что мы с ней знакомы. И вообще, что мы живём в одном городе. *(Пауза.)* Для тебя стихи – это исповедь или проповедь?

Иосиф. Для меня – это молитва.

Дмитрий. Принимается! *(Пауза.)* А что у тебя с рукой?

Иосиф. Да так, неважно.

Дмитрий. Прекрасная дама?

Иосиф. Уже всё в порядке.

Дмитрий. В прошлый раз, когда мы были в Комарово без тебя, Анна Андреевна сказала: «Вас четыре поэта. Чтобы была школа, нужна поэтесса. Возьмите Горбаневскую».

Иосиф. Не самая лучшая мысль.

Дмитрий. Да мы, в общем, ничего и не решили...

Иосиф *(закуривая).* «Любовь, любовь, какая чушь, какая птичья болтовня...». Это же она? Слушай, на днях я еду в Москву... Ты ведь знаком с Дезиком? Дай мне рекомендательное письмо к нему. Хочу напечатать переводы с польского. Может, удастся немного заработать.

Дмитрий. Хочешь пристроить своего Галчинского?

Иосиф. Ну, если получится. Там у них своя переводческая мафия, чужих не пускают... Везде нужны связи.

Дмитрий. Ладно, попробую отрекламировать тебя в лучшем виде. Хотя, кто я такой для Самойлова? Так, начинающий поэт... Когда уезжаешь?

Иосиф. Послезавтра.

Дмитрий. Дашь до отъезда словарь?

Иосиф (*протягивает книгу*). Только верни, не забудь! Я пойду. Пока!

Уходит.

Дмитрий открывает книгу, из неё выпадает фотография Марины. Свет гаснет, одинокий луч освещает только Дмитрия.

Дмитрий. Какая интересная девушка! Какие глаза! «Они сулят то хлад, то летний зной, но нет в них малой капли сострадания...». Удивительно! Она красива! Где я мог её видеть? Очень похожа на портрет «Неизвестной» Крамского. Что-то интригующее и непостижимое. Тонкие черты лица, губы... Господи! Как манят эти губы! Я даже хочу их поцеловать... Кто она? (*Телефонный звонок. Дмитрий снимает трубку.*) Алло! Привет! Ося? Да, он был у меня. Только что ушёл. Буквально минуту назад. А что случилось? (*Пауза.*) «Вечерний Ленинград»? Нет, я не выписываю. Что за ерунда? Какая статья? Какой трутень? Подожди, я попробую крикнуть из окна! (*Подбегает к окну.*) Ося! Ося!

Сцена вторая

Тот же интерьер. Иосиф и Марина сидят за столом, пьют вино. Марина что-то рисует в блокноте.

Иосиф. А хочешь, поедем к Генке Шмакову? Там вчера была такая утка! Большая, жирная! Мы её не доели, думаю, крылья ещё остались.

Марина. Крылья – это хорошо! Шмаков... Шмаков... Это который Кавафиса переводит?

Иосиф. И Кавафиса, и Верлена, и Кокто, и даже Пруста. Генка у нас очаг культуры. Буквальное воплощение и главный её университет.

Марина. Заманчиво и любопытно! Но я бы предпочла остаться с тобой наедине.

Иосиф (*целуя Марину*). Что ты рисуешь?

Марина. Крылья.

Иосиф. Но они ведь кому-то принадлежат? Это кто?

Марина. Чёрный дрозд с дизайнерским жёлтым клювом. Для книжки «Поёт зяблик». Послезавтра надо сдавать. Надеюсь успеть.

Иосиф. Нарисуй меня. Для своей книжки.

Марина. Пожалуйста!

Быстро водит карандашом в блокноте.

Иосиф. Ты на меня даже не смотришь...

Марина. Я тебя очень хорошо изучила.

Предъявляет Иосифу рисунок кота.

Иосиф. О, здорово! Котяра! Только жаль, что он не рыжий.

Марина (*что-то дорисовывая*). В следующий раз нарисую на холсте. Будешь сидеть на окошке и пялиться вниз на прохожих. Мяу!

Иосиф. Марина, ты гений!

Берет листок, быстро записывает.

Марина (заглядывая через плечо). Что ты там сочиняешь?

Иосиф. Так, стишок детский...

Марина ставит пластинку, звучит джаз. Она танцует, тянет за руки Иосифа.

Марина. Это счастье?

Иосиф. Пожалуй. Счастье — это постоянство. Непрерывность удовольствия. Когда ты имеешь возможность каждый день приходить в любимое кафе, садиться за угловой столик, и писать на салфетке новое стихотворение. А знакомый официант, улыбаясь и не задавая вопросов, приносит тебе двойной эспрессо с горячим круассаном. А ты сидишь, пьёшь ароматный кофе без сахара, и тоже улыбаешься. Это счастье. Потому что тебе, как всегда.

Марина. Ты хочешь быть со мной всегда?

Иосиф. Я уже с тобой всегда. Ты пойдёшь за меня?

Марина. А разве нам плохо так?

Иосиф. Плохо. Надо жить вместе!

Марина. Пока это нереально. И потом: мои родители против. Твои, кстати, тоже. Тебе эта история ничего не напоминает?

Иосиф. Это глупая история. Кроме того, у Шекспира она скверно кончилась. *(Пауза.)* Смотри! *(Подводит Марину к окну.)* Видишь три изогнутые стрелки на знаке «Круговое движение»? Они как будто кусают друг друга за хвост. Это замкнутый круг. Это наши с тобой отношения.

Марина. Уроборос.

Иосиф. Что за зверь такой страшный?

Марина. Символ бесконечности. *(пауза)*. У нас ни жилья, ни работы... У меня – детские картинки раз в полгода, у тебя – случайные переводы с польского...

Иосиф.

Зная мой статус, моя невеста
пятый год за меня ни с места;
и где она нынче, мне неизвестно:
правды сам черт из нее не выбьет.
Она говорит: «Не горюй напрасно.
Главное – чувства! Единогласно?»
И это с её стороны прекрасно.
Но сама она, видимо, там, где выпьет.

Как холостяк, я грущу о браке.
Не жду, разумеется, чуда в раке.
В семье есть ямы и буераки.
Но супруги – единственный тип владельцев
того, что они создают в усладе... Ну, и так далее...

Марина. Класс! Это же новые?

Иосиф. Вчера написал.

Марина. Знаешь, кто ты?

Иосиф. Кто?

Марина. В багрец и золото одетая лиса!

Иосиф *(шутливо)*. Я не лиса, я кот. Мы же договорились!

Марина. Кот, который любит не молоко, а кофе без молока?

Иосиф. И свежие круассаны.

Марина. Ну, и где же твоё кафе с круассанами? На Монпарнасе?

Иосиф берёт со стола журнал «Лайф», раскрывает,

показывает Марине.

Иосиф. Вот здесь, в Венеции. На площади Сан-Марко.

Марина. Далековато! *(Иронически.)* И хватит ли денег на билет?

Иосиф. Посмотри, какое чудо! Снег и вода. У Анри де Ренье есть описание этого города — это что-то фантастическое! Столько плотности искусства на квадратный сантиметр, наверное, больше нет нигде в мире. Это идеальный город у зимнего моря! Колонны, аркады, узкие переулки, холодные мраморные лестницы, облезлая штукатурка...

Марина. Да, это очень красиво! И так напоминает наш город...

Иосиф. Запомни, что я сейчас скажу. Я буду в Венеции! Обязательно!

Марина. Это невозможно! Ты сошёл с ума!

Иосиф. Если только от тебя!

Марина и Иосиф перемещаются на раскладушку, звучит нарастающий джаз и скрип пружин. Свет постепенно гаснет, потом снова зажигается. Иосиф лежит на раскладушке, курит. Марина встаёт, подходит к столу, наливает вино, обнаруживает газету, читает.

Марина. Господи, что теперь будет?!

Иосиф. После бурной ночи бывают маленькие дети.

Марина. Ося, ты сам, как ребёнок! Я не об этом! Что с тобой будет? Тюрьма?

Иосиф. Ну, что ты! Всё будет хорошо. И потом: что такое тюрьма, в конце концов? Недостаток пространства, возмещенный избытком времени.

Марина. Но ведь эта статья в «Вечёрке»... Почему ты

делаешь вид, что её нет?

Иосиф. Статья мерзкая, это правда. И она, конечно, есть. Но есть вещи поважнее «Вечёрки».

Марина. Она не просто мерзкая, она ещё и опасная! *(Читает.)* «Таково неприглядное лицо человека, который, оказывается, не только пописывает стишки, перемежая тарабарщину нытьем, пессимизмом, порнографией, но и вынашивает планы предательства». Предательства, Ося! Подпись – Лернер.

Иосиф. Это глупость, написанная жалкой, ничтожной личностью.

Марина. Кто такой этот Лернер?

Иосиф. Один фанатик. Бездарный, но очень активный.

Марина. Ты знаешь его лично?

Иосиф. Ещё бы! Он даже приходил ко мне домой. Увещевал, чтобы я стал советским человеком. И надел шапку. Представляешь, его бесит, что я зимой хожу без шапки!

Марина. Он запугивал тебя?

Иосиф. Скорее, перевоспитывал.

Марина. А стихи? Они же здесь не твои. Я у тебя таких не помню.

Иосиф. Стихи не мои, верно. Моего приятеля Димы Бобышева. *(Телефонный звонок. Иосиф подходит, снимает трубку.)* Да, привет! Заходи, конечно.

Марина *(обнимая Иосифа)*. Бедный, бедный! За что они тебя травят?

Иосиф. Они ещё и следят!

Марина. Ты шутишь?!

Иосиф. Два мужика и баба. Делают это, как в плохом кино: когда я оборачиваюсь, они прижимаются к стене.

Марина. Почему ты раньше не говорил?

Иосиф. Не было повода. *(Пауза.)* Надо смываться в Москву.

Марина. И что это изменит? Думаешь, там тебя не найдут?

Иосиф. Ахматова обещала помочь.

Марина. Как?

Иосиф. Надо лечь в Кащенко. Перекантоваться и получить свидетельство о «психической неустойчивости».

Марина. Под Новый год?!

Иосиф. Иначе, наверное, не получится. У неё какие-то знакомые в этой больничке...

Сцена третья

Появляется Дмитрий. Он взволнован, в руках газета «Вечерний Ленинград».

Дмитрий. Читай!

Протягивает Иосифу газету.

Иосиф. Уже читал. Кстати, познакомьтесь. Это Марина, это Дима Бобышев – поэт и мой друг.

Дмитрий *(чуть кланяясь)*. Марина, вы прекрасны!

Марина. Вы тоже ничего! Это ваши стихи в статье «Окололитературный трутень»?

Дмитрий. Мои.

Марина *(Иосифу)*. Как получилась эта путаница?

Иосиф. Понятия не имею.

Дмитрий. Я думаю, это самиздат Гриши Ковалёва. Недавно его забрали дружинники, изъяли сборник, а кому там принадлежат стихи – разбирать не стали. Влепили в этот дурацкий фельетон первые попавшиеся

тексты, наугад. Вот и получилось, что Ося – автор моих стихов.

Иосиф. Скорее всего, так и есть. В этой статейке только мои имя и фамилия правильны. Остальное – наглая ложь.

Дмитрий. Да, Лернер, конечно, тот ещё литературовед!

Марина. Опять эта фамилия! (*Дмитрию.*) Вы тоже его знаете?

Дмитрий. А как же! Командир народной дружины, которому до всего есть дело. Гроза фарцовщиков и свободных поэтов. А раньше был завклубом у нас в Техноложке. Примечательная личность... Великий комбинатор! Когда-то украл рулон тюля для занавеса у нашей театральной студии.

Иосиф. Ты еще говорил, что он разгромил вашу институтскую стенгазету «Культура».

Дмитрий. Было дело. Доносил «кому следует». На том и карьеру сделал. Гнусный человечек.

Марина (*Иосифу*). А если Кащенко мимо?

Дмитрий (*Иосифу*). Кащенко?! Ты собираешься лечь в психушку?

Иосиф. Как говорят дети – понарошку. Пока всё не утрясётся.

Дмитрий. Не лучше ли устроиться куда-нибудь на работу? Пересидишь, а дальше видно будет.

Иосиф. Ты имеешь мне что-то предложить?

Дмитрий. Я – нет. Но Алик Шейнин, например, уверял, что хоть завтра возьмёт тебя к себе лаборантом.

Иосиф. Мне это не подходит. Я напишу опровержение в газету.

Дмитрий. Ты ещё в ЦК КПСС напиши! Бесполезно!

Иосиф. Это даже не пасквиль, это стилистический идиотизм! Я напишу в любом случае.

Дмитрий. Если только поупражняться в красноречии. Никто не опубликует.

Иосиф. Ты не понимаешь! Это ещё и соревнование интеллектов.

Дмитрий. Ну, разве что...

Иосиф. В конце концов, каждый сам себе судья, и каждый выбирает свой путь самостоятельно.

Дмитрий. К сожалению, в нашей стране каждый живёт в пределах определённой системы координат.

Иосиф. Которая ему навязана!

Дмитрий. Ну, мы же не в Америке...

Иосиф (*подходя к столу, обращается к Дмитрию*). Прости, вина больше нет, выпили. Чай будешь?

Дмитрий. Буду, куда деваться...

Иосиф уходит.

Марина. Ося говорит: самое главное – не воспринимать происходящее слишком серьезно. Но мне кажется, не в данной ситуации.

Дмитрий. Даже не знаю, что сказать. Думаю, дело дрянь.

Марина (*отходит к окну, одёргивает штору, смотрит на Собор*). Если б я верила в Бога, я бы, наверно, молилась.

Дмитрий. А вы не верите?

Марина (*оборачиваясь*). А вы?

Входит Иосиф с тремя чашками на подносе.

Иосиф. Вы, вы... Что вы тут развыкались? (*раздаёт чай*).

Дмитрий. Как-то неудобно сразу на «ты»...

Иосиф (*подходя к окну*). В этом Соборе, вернее, в его подвале, мы с мамой скрывались во время войны, когда немцы бомбили город. Кажется, мать прятала меня в церковном ящике для поминальных записок...

Марина (*задумчиво, как бы про себя*). Кажется, я знаю, что такое счастье. Это чувство свободы от боли. Жалко, не моя мысль.

Дмитрий. А вы ещё и философ!

Марина. Иногда. По вечерам.

Иосиф (*после паузы*). Ну, что — может, всё-таки, к Шмакову?

Марина. Доедать утку?

Иосиф. За это время Генка уже налепил триста пельменей!

Марина. А, поехали!

Сцена четвёртая

Канун Нового года. Дмитрий сидит за печатной машинкой, набирает текст. Раздаётся телефонный звонок. Дмитрий снимает трубку.

Дмитрий. Алло! Марина? Конечно, можно! Заходи! Я буду рад!

Дмитрий бросает трубку, мечется, пытается в аврале навести порядок, убрать книги и т.д. Появляется Марина, звонит в велосипедный звонок.

Марина. Привет!

Дмитрий. Привет! Откровенно говоря, я не ждал тебя...

Марина. Поэтому прости за беспорядок?

Улыбается.

Дмитрий. Да, поэтому.

Марина. Я просто проходила мимо... А там, внизу,

телефон-автомат...

Дмитрий. Хорошо, что зашла. Вина выпьешь?

Марина. А что – есть?

Дмитрий. Конечно!

Марина. Тогда наливай!

Дмитрий наливает себе и Марине. Свой бокал тут же опустошает, наливает ещё, чтобы выпить с Мариной.

Дмитрий. За всё хорошее!

Марина. За всё!

Дмитрий. Ося говорил, что ты рисуешь.

Марина. Да, я учусь у Стерлигова. И оформляю детские книжки.

Дмитрий. Детские книжки оформляешь авангардом?

Марина. Ну, нет, конечно. Детям – птички, рыбки. А у Стерлигова – теория «Чашно-купольного сознания».

Дмитрий. А что это?

Марина. Ну, как объяснить... Это новое пластическое пространство – сферическое, криволинейное. То, к чему когда-то подбирался Малевич, а сформулировал как раз Владимир Васильевич. Смотри!

Достаёт блокнот, показывает рисунки.

Дмитрий. Интересно! Никогда об этом не слышал.

Марина. Зато наверняка знаешь, что в науке существует немало разных теорий строения Вселенной.

Дмитрий. Догадываюсь.

Марина. И вот в одной из них Вселенная состоит из бесконечного количества сфер, которые касаются друг друга. Две зеркально отражающиеся кривые образуют чашу. Поэтому Стерлигов называет свою идею «чашно-купольное строение Вселенной». Это очень бегло и примитивно, но зато по сути.

Дмитрий (*о своём*). Касаются друг друга...

Марина. Это о пространстве. А вот, к примеру, цвет...
(*Продолжает показывать.*) Видишь, на этом рисунке светимость цвета почти иконная, чуть аскетичная...

Дмитрий как бы случайно касается руки Марины, из рук выпадает блокнот.

Марина (*растеряно*). Новые свойства цвета, которые изучал Владимир Васильевич, тоже были выводом из супрематизма Малевича...

Дмитрий. Я... налью вина, ты не против?

Встаёт, наливает вино.

Марина. Я не против. Я даже не против, если ты что-нибудь считаешь...

Дмитрий. Тебе правда этого хочется?

Марина. Почему нет? Я ведь почти не знаю твоих стихов...

Дмитрий (*роясь в бумагах на столе*). Вот, нашёл:

По черному, вгоняя землю в дрожь,
зимы прошелся белый грифель,
зимы промчался черно-белый вихрь,
замахиваясь на меня, как нож
разбойничий. Бросая душу в дрожь.

По-черному пришла ко мне любовь.

Как птицы по ночам с насеста
срываются, им оборвавши сердце,
разбив крылом и оцарапав бровь,
ресницы обломив, пришла любовь...

Звонок телефона. Дмитрий подходит, снимает трубку.

Дмитрий. Алло! Алик! Привет! Ты куда пропал? Да я-то здесь. Понятно... Да, так... Новый год? Пока не

знаю. Нет, мы развелись. Ну, слушай, было бы здорово! Конечно! Давай! Обязательно! Шампанское? Ладно! Хорошо, до встречи! Пока!

Марина. Отличные стихи!

Дмитрий. Тебе понравилось?

Марина. Да! Они эмоциональные, глубокие. И даже навели меня на одну интересную мысль.

Дмитрий. Какую?

Марина. Узнаешь в свой черёд.

Дмитрий. Какая ты загадочная.

Марина. Слушай, а что у вас там с Осей произошло? Я знаю, вы поругались?

Дмитрий. Да так... Ерунда.

Марина. И всё же?

Дмитрий. Пустяки, не бери в голову.

Марина. Ну, мне интересно!

Дмитрий. Он пришёл ко мне с одной... шведской слависткой. Она приехала в Ленинград, чтобы писать учебник советской литературы, попросила рассказать о писателях. Я стал рассказывать о Платонове, Булгакове, Пастернаке, а он начал делать мне замечания. Я сказал: «Замолчи, не мешай нам!». Он что-то там ответил... Потом ответил я. Мы подрались. Потом он ушел со словами «Меня здесь избивают».

Марина. Понятно... А что за славистка?

Дмитрий. Из Гётеборга. Я запомнил только белое лицо без бровей, и ярко-красную помаду. Даже имя не запомнил.

Марина. А Ося запомнил?

Дмитрий. Понятия не имею.

Марина. Наверное, я пойду...

Дмитрий. Я тебя провожу.

Марина. Прямо до улицы Глинки? Ну, проводи...
(пауза). Я... в общем, ты где Новый год встречаешь?

Дмитрий. Я собираюсь за город. Мои приятели сняли зимнюю дачу...

Марина. Можно мне поехать с тобой?

Дмитрий (растерявшись). Почему ты без шарфа? Простудишься! Возьми мой! *Протягивает свой шарф.*

Марина (берёт шарф). Спасибо. Так можно?

Дмитрий (раздумывая). Наверное, можно...

Марина. Тогда не провожай меня, я сама.

Дмитрий. Хорошо, как скажешь.

Марина. До завтра!

Уходит.

Дмитрий (кричит ей вслед). Электричка с Финляндского вокзала! В девять вечера!

Сцена пятая

Тот же интерьер, но изрядно украшенный серпантином, «дождиком», ёлочными игрушками, свечами – в общем, любыми атрибутами Нового года 1960-х. Раннее утро 1 января. Все гости зимней дачи разошлись по своим комнатам. Дмитрию тоже отвели отдельную комнату, в которой он остался вместе с Мариной. Они долго стоят, не решаясь заговорить.

Дмитрий. О чем ты думаешь?

Марина. Я думаю, это уже просто неприлично – так долго стоять в твоей комнате и разглядывать стены и мебель. Вдвоём. Причём, с таким интересом, как будто это филиал Эрмитажа.

Дмитрий (зажигая свечи, пытаясь увести разговор в

другое русло). Я много размышлял о твоих рисунках. И, знаешь, придумал целое направление твоим изысканиям – «Нежный кубизм».

Марина. Да, интересно! Расскажи об этом Эре Коробовой. Она искусствовед.

Дмитрий. Я серьёзно.

Марина. И я серьёзно. Вдруг она напишет, что я наследница Пикассо... *(Смеётся.)* Слушай, Дима, а у тебя есть мечта?

Дмитрий. Есть.

Марина. Скажешь?

Дмитрий. Она очень тривиальна.

Марина. И всё же.

Дмитрий. Я хочу издать книгу.

Марина. Хорошая мечта!

Дмитрий. Я даже согласен на детскую книгу. И уже кое-что придумал. Написал приключения Куба и Шара, которые бесконечно соперничают в разных ситуациях.

Марина. Интересно! И что?

Дмитрий. Отнёс в Детгиз, долго ходил по сонным кабинетам... Потом знакомый редактор «Костра» меня просветил: оказывается, готовые рукописи рассматриваются в течение двух-трех лет! После чего, уже отобранные, ждут своей очереди на редактуру, переделку, оформление... И сколько вся эта волянка тянется, одному Богу известно.

Марина. Да, я про это слышала...

Дмитрий. А у тебя какая мечта?

Марина. А моя мечта вытекает из твоей. Я бы хотела... твою книгу оформить. Я даже почти придумала, как это может выглядеть.

Дмитрий. Это было бы замечательно! Но, наверное, не в этой жизни.

Марина *(спохватившись)*. Я же забыла вручить тебе подарок! *(Достаёт из сумки сувенирный охотничий нож в ножнах, протягивает Дмитрию.)* Вот! Владей!

Дмитрий *(несколько обалдев)*. Спасибо! Какой красивый!

Марина. Надеюсь, когда-нибудь пригодится.

Дмитрий. Вполне возможно! Вдруг поселюсь в деревне и стану лесником. Он же охотничий?

Марина. Я думаю, он не только для охоты. Главное, что он острый. *(Пауза.)* Потанцуем?

Дмитрий. А туфли? Они ведь тебе жмут...

Марина. А я босиком!

Дмитрий. У нас нет музыки...

Марина. А мы представим, что она есть!

Марина сбрасывает туфли. Звучит джаз, Марина и Дмитрий танцуют.

Марина. Какая удивительная ночь! Ты загадал желание?

Дмитрий. Загадал. А ты?

Марина. И я...

Дмитрий. Послушай, Марина. Прежде чем сказать ритуальные слова, я хочу задать вопрос, очень важный.

Марина. Какой?

Дмитрий. Как же Иосиф? Мы были друзьями, теперь уже, правда, нет. Но ведь он, кажется, считал тебя своей невестой, считает, возможно, и теперь. Да и другие так думают. Что ты скажешь?

Марина. Я себя таковой не считаю. А что думает он — это его дело.

Дмитрий. Но ты же понимаешь, что теперь весь

литературный свет ополчится против нас?

Марина. Какой свет? «Алики-Галики»? Это свет?

Дмитрий. Называй, как хочешь. Но это общие компании, мы все там бываем.

Марина. Тебе они так нужны?

Дмитрий *(не вполне уверенно)*. Наверное, без кого-то обойтись можно, но в целом...

Марина. Ты опираешься на общественное мнение?

Дмитрий. Нет... Впрочем... Если мы вместе, больше ничего и не надо...

Марина. Ну, и прекрасно!

Берет свечу, подходит к окну, смотрит куда-то вдаль.

Дмитрий. Ты очень красивая! Я люблю тебя...
(Подходит к Марине, обнимает. В этот момент Марина делает резкое движение рукой, и занавеска загорается от свечи. Дмитрий, снимая пиджак, со всей силы колотит по занавеске.) Ёлки, Марина! Сейчас пожар начнётся! Весь дом сгорит!

Марина. Красиво!

Дмитрий. Это не спектакль!

Марина. Но ведь красиво!

Дмитрий. Ты видишь прекрасное в ужасном!

Марина. Главное, не видеть наоборот.

Дмитрий *(справляясь с возгоранием)*. Что ты хочешь этим сказать?

Марина *(загадочно)*. Думаю, ты догадываешься. Не надо находить ужасное в прекрасном.

Дмитрий. Твоя философия бьёт наповал! К тому же, она небезопасна.

Марина. Немного экстрима нам не помешает.

Дмитрий устало плюхается на раскладушку. Марина

подходит, садится рядом. Дмитрий её обнимает. Звучит всё тот же джаз... Затемнение. Свет постепенно зажигается.

День, переходящий в ранний вечер. Дом ещё спит после новогодней пьянки. Спит и Дмитрий. Марина встаёт с раскладушки, приводит себя в порядок, находит туфли, надевает. В одной из туфель записка.

Марина (*читает*). Милая Марина! Ты удивительная! Мы теперь заодно. Время не самое удачное – ну, и пусть. Значит – судьба! А судьба подходящих времен никогда не ждёт. Если ты выбираешь меня, ты мне вдвойне дороже. Я счастлив!

Затемнение.

Второе действие

Сцена шестая

Всё тот же интерьер, но уже без новогодней мишуры. Это комната Дмитрия. Он сидит за столом, перебирает бумаги. Звонок телефона, Дмитрий снимает трубку.

Дмитрий. Алло! Привет! То есть как был на даче?! Он же в Москве! Нож?! Ты разрешил ему взять мой нож?! С какой стати? Лёва... Ладно, спасибо, что позвонил. Пока!

Появляется Иосиф. Без звонка, без предупреждения. Запястье левой руки опять перевязано, но левую руку он пытается скрывать за спиной.

Дмитрий. Это хорошо, что ты пришёл.

Иосиф. Я не просто пришёл, я тебя искал.

Дмитрий. Как будто ты не знаешь, где я живу. *Пытается заглянуть за спину Иосифа.*

Иосиф. Видимо, ты живёшь теперь в разных местах.

Дмитрий. Например?

Иосиф. Например, на зимней даче в Комарово, на улице Глинки...

Дмитрий. Что за намёки?

Отходит к столу, пробует нащупать пепельницу за спиной.

Иосиф. Намёки? Что ж — давай без намёков. Хочется услышать кое-какие объяснения от бывшего друга.

Дмитрий. Изволь. У меня произошли некоторые перемены, которые, вероятно, касаются и тебя тоже.

Иосиф. Прекрасное начало! Ну-ну...

Дмитрий. Мы с Мариной теперь вместе.

Иосиф. Вы с Мариной?! Я не ослышался?

Дмитрий. Я сказал вполне чётко.

Иосиф. И что это значит?

Дмитрий. Это значит, что мы вместе. Отныне заботу о её судьбе я беру на себя.

Иосиф. Отлично! Она выходит за тебя замуж?

Дмитрий. Пока нет.

Иосиф. Но ты с ней уже спал?

Дмитрий. Ты же знаешь, я на такие вопросы не отвечаю. Я связываю свою жизнь с этой девушкой. Жизнь, понимаешь?

Иосиф. Поэтому ты с ней спал?

Дмитрий. Спал — не спал, какая разница? Она выбрала меня. Так что, пожалуйста, оставь её и не преследуй.

Иосиф. Как у тебя всё легко и просто!

Дмитрий. Ося, это наше обоюдное решение.

Иосиф. Очевидно, ты полагаешь, что с этим решением я буду считаться?

Дмитрий. Думаю, да. Во всяком случае, цивилизованные люди поступают именно так.

Иосиф. Цивилизованные?! Знаешь, эта ситуация напомнила мне одну историю. Там были другие персонажи. Но их смело можно спроецировать на нас. Мы сидим за столом в компании, я обнимаю девушку, а ты втыкаешь вилку в мою руку.

Дмитрий. Это неудачный пример.

Иосиф. Приведи свой.

Дмитрий. Любой пример будет воспринят, как оправдание. Я не хочу перед тобой оправдываться. Я люблю Марину. На этом точка.

Иосиф. Ты любишь Марину. А я её не люблю?

Дмитрий. Она сделала выбор, и он не в твою пользу.

Иосиф. А я вот, например, не уверен, что она сделала выбор. Может, это ты сделал выбор? За неё.

Дмитрий. Она взрослый человек.

Иосиф. Я не спорю.

Дмитрий. Её жизнь больше тебя не касается. И вообще: я собираюсь уходить. Уходи и ты.

Иосиф. Конечно, я уйду, не переживай. Но твой поступок – это подлость.

Дмитрий. В чём подлость? В том, что два человека любят друг друга?

Иосиф. Есть такое понятие – этика. Извини за пафос.

Дмитрий. Если ты пришёл меня воспитывать, то, увы – не по адресу.

Иосиф (*собираясь уходить*). Если бы это было дурное кино, я бы сказал, что ты пожалеешь. А так – Бог тебе судья.

Дмитрий. Напоследок я хочу тебе напомнить. Помимо

личных дел, есть ещё литература, в которой мы связаны, и где мы – на одной стороне.

Иосиф (*останавливаясь*). Да? И на какой же мы стороне?

Дмитрий. Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю. Я читал вторую статью в «Вечёрке» от 8 января. Тебя опять клеймят. И здесь – я на твоём корабле.

Иосиф. Если ты на моём корабле, мне такой корабль не нужен! И вообще, за такие дела морду бьют, понял?

Хватает Дмитрия за грудки, между ними лёгкая потасовка.

Дмитрий. Ты охренел?!

Иосиф. Ладно, мы ещё поквитаемся!

Иосиф быстро уходит. Дмитрий берёт со стола первую попавшуюся книгу, швыряет ему в след.

Сцена седьмая

Тот же интерьер, но теперь это комната Марины. Сценограф может добавить какую-нибудь деталь – например, фикус в горшке (в 1960-е годы это было модно). Марина сидит за столом, рисует. Появляется Дмитрий, в руках цветы.

Дмитрий. Привет!

Протягивает букет.

Марина (*поднимаясь*). Привет! А я тебя вспоминала! И наш Новый год...

Дмитрий и Марина долго обнимаются.

Дмитрий. Я соскучился! Очень хотел тебя видеть...

Марина. Я тоже!

Дмитрий. Я заходил сегодня два раза, тебя не было дома...

Марина. Я была в издательстве.

Дмитрий. А что там?

Марина. Сдавала «Чукотские сказки».

Дмитрий. Это про мальчика Гаттэ, злую мачеху и заморского паука?

Марина. Ага. Про медведя, лису-чукотницу и прочую лесную живность.

Дмитрий. Да, весело у вас!

Марина (*ставя цветы в вазу*). А у тебя какие новости?

Дмитрий. В общем, никаких. (*Пауза.*) Наш общий друг Женечка внезапно разродился поэмой «Глаз и треугольник».

Марина. И что?

Дмитрий. Ключевое слово «треугольник».

Марина. И?

Дмитрий. Теперь, посредством этой поэмы, за нами наблюдают в замочную скважину. С этими стишками он уже побывал во многих компаниях – от физиков до лириков. В общем... Осю травят чужие, меня травят свои.

Марина. Успокойся, никто тебя не травит. К тому же, про Женьку говорят: он знает всё, но неточно.

Дмитрий (*после паузы*). Было бы очень кстати, если бы ты вышла за меня замуж.

Марина. Замуж?! Сейчас?

Дмитрий. Ну, да. Многие проблемы отпадут сами собой.

Марина. Я не готова.

Дмитрий. Почему?

Марина. Ну, не знаю... Просто не готова. Кстати... Ося тоже делал мне предложение.

Дмитрий. Ах, вот оно как!

Марина. Да, и не раз.

Дмитрий. Интересно...

Марина. Между прочим, он заходил. С порезанной рукой.

Дмитрий. То есть ты продолжаешь с ним общаться?

Марина. Не совсем.

Дмитрий. Как «не совсем», если он к тебе приходил?

Марина. Он зашёл почитать стихи.

Дмитрий. И ты его приняла?

Марина. Конечно.

Дмитрий. А я думал, что он уже отлип... Ну, и как стихи?

Марина. Вполне состоялись... У него теперь новый принцип в стихах. Он называет его «ярость».

Дмитрий. О, я даже не сомневаюсь!

Марина. Мы должны были поговорить. Потому что я против твоих объяснений с ним. Я бы хотела сама всё уладить. Постепенно.

Дмитрий. То есть ты будешь встречаться с ним и дальше, чтобы улаживать всё постепенно? Нет, это невозможно!

Марина. Почему?

Дмитрий. Просто потому, что это невозможно! Ведь я люблю тебя! Ты ведёшь двойную игру. Может, тебе просто нравится, как он сходит с ума? У него это очень темпераментно выходит. Со срывами в истерику, с бритвой по запястью...

Марина. Что за чушь! Для отношений нужно время. А ты бежишь впереди паровоза. И жутко ревнуешь.

Дмитрий. Но в наших с тобой отношениях и так всё

ясно!

Марина. Ясно что?

Дмитрий. Ясно, что всё серьёзно. Во всяком случае, с моей стороны. Или ты считаешь, что я просто решил за тобой приударить? Переспать, а потом вернуть бывшему товарищу? *(Марина подходит к подаренным цветам, медленно отрывает листья.)* Ты его любила?

Марина *(не отрываясь от выдёргивания листьев)*. Допустим.

Дмитрий. Но при этом не хотела с ним жить. Не стремилась часто видеть. И даже на общих вечеринках ты всегда держалась независимо. Не желала его в провожатые после очередной попойки... А ведь любить — это хотеть касаться. Ты не думала об этом?

Марина. Ты цитируешь Станиславского, который был режиссёром. Для театрального человека основа существования — действие, которое к любви, на самом деле, никакого отношения не имеет.

Дмитрий. Да?

Марина. Да! Любить — значит желать радости. И мне совершенно не важно, с кем у него эта радость будет — со мной, или с предыдущей... слависткой. Просто ты, как большинство, путаешь любовь и страсть.

Дмитрий. Это, наверное, учение Стерлигова. Купольно-вселенское.

Марина. Нет, это моя добыча.

Дмитрий. Значит, это просто ревность с твоей стороны.

Марина. Думай, как хочешь.

Дмитрий. Когда и вместе нельзя, и забыть невозможно. Прекрасно! Ты — как Лиля Брик, которая мечется между мужем и Маяковским.

Марина. А ты, конечно, Маяковский!

Дмитрий. Твоё поведение лучше всего изложить одной фразой: убегающее – схватить!

Марина. Я недостаточно проницательна, чтобы понять твою витиеватую мысль.

Дмитрий. Всё ты понимаешь! Не надо притворяться. Просто тебе не интересно связывать себя надолго. И Осю ты удерживала лишь тем, что никогда не принадлежала ему целиком. Но, с другой стороны, может, ты и права: наверное, получив немедленное согласие, он тут же охладел бы к своему идеалу. *(Марина подходит к окну, отодвигает занавеску, за окном стоит Иосиф.)* Что там? *(Тоже подходит к окну.)* Отвергнутый?

Марина *(резко одёргивая штору).* Отойди! Как ты можешь?

Дмитрий. Он что – следит за тобой?

Марина. Никто ни за кем не следит!

Дмитрий. Значит, он ждёт, когда я уйду!

Марина. У тебя мания преследования!

Дмитрий. Сейчас я это прекращу!

Марина. Стой, тебе говорят! *(Пауза.)* Дурак!

Дмитрий выбегает из комнаты. Марина смотрит в окно...

Сцена восьмая

Тот же интерьер, но без раскладушки. Теперь это зал суда. На столе – графин с водой. В зале сидят Марина и Дмитрий. Чуть поодаль – подсудимый Иосиф.

Голос. Встать! Суд идёт!

Появляется Судья, проходит, садится за стол.

Судья (оглядывая зрительный зал). Сколько народу! Мы не думали, что соберётся столько народу...

Дмитрий. Не каждый день судят поэта!

Судья. А нам всё равно — поэт или не поэт. Подсудимый, ответьте суду: чем вы занимаетесь?

Иосиф. Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

Судья. Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стенам! Смотрите на суд! У вас есть постоянная работа?

Иосиф. Я думал, что это и есть постоянная работа.

Судья. Отвечайте точно!

Иосиф. Я думал, что стихи мои будут напечатаны. Я полагаю...

Судья. Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

Иосиф. Я работал. Я писал стихи.

Судья. Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

Иосиф. У меня были договоры с издательством...

Судья. Перечислите: какие договоры, от какого числа, на какую сумму.

Иосиф. Точно не помню. В Москве вышли две книги с моими переводами...

Судья. Можно ли жить на те суммы, что вы зарабатываете?

Иосиф. Думаю, да. Находясь в тюрьме, я расписывался в том, что на меня потрачено 40 копеек в день. А я зарабатывал больше, чем 40 копеек в день.

Судья. Но это только еда! Надо же обуваться, одеваться...

Иосиф. У меня есть один костюм, и другого мне не надо.

Судья. Ваш трудовой стаж?

Иосиф. Примерно...

Судья. Нас не интересует «примерно»!

Иосиф. Пять лет.

Судья. Где вы работали? Конкретно!

Иосиф. На заводе «Арсенал». В геологических партиях...

Судья. Сколько вы работали на заводе?

Иосиф. Год.

Судья. Кем?

Иосиф. Фрезеровщиком.

Судья. А вообще, какая ваша специальность?

Иосиф. Поэт. Поэт-переводчик.

Судья. А кто признал, что вы поэт? Союз писателей? Кто причислил вас к поэтам?

Иосиф. Никто.

Судья. Вы учились этому?

Иосиф. Чему?

Судья. Чтобы быть поэтом! Вы пытались окончить вуз, где готовят поэтов?

Иосиф. Я не думал, что это дается образованием.

Судья. А чем же?

Иосиф. Я думал... это от Бога...

Судья (*перекладывая бумаги*). С 1956 года вы переменили 13 мест работы. Вы работали на заводе год, потом полгода не работали. Летом были в геологической партии, а потом 4 месяца опять не работали... Объясните суду, почему в перерывах вы не работали и вели паразитический образ жизни?

Иосиф. Я в перерывах работал. Над стихами и переводами.

Судья. А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

Иосиф. Я начал работать в 15 лет. Мне всё было интересно. Я менял работу, потому что хотел больше знать о жизни, людях...

Судья. А что вы делали полезного для родины?

Иосиф. Я писал стихи. Я убежден... Я верю: то, что я написал, окажется полезным не только сейчас, но и потом — будущим поколениям.

Судья. Значит, вы думаете, что ваши — так называемые — стихи приносят людям пользу?

Иосиф. А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Судья. Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет. Лучше объясните суду, почему в перерывах между работами вы не трудились?

Иосиф. Я трудился. Я писал стихи.

Судья. Но ведь есть люди, которые работают на заводе и пишут стихи. Что вам мешало так поступать?

Иосиф. Но люди не похожи друг на друга. Они разные. Цветом волос, глаз, выражением лица, характером...

Судья. Это не ваше открытие. Это всем известно. Лучше объясните, как расценить ваше участие в нашем великом поступательном движении к коммунизму?

Иосиф. Строительство коммунизма — это не только стояние у станка и пахота земли. Очень часто это интеллигентный труд, который...

Судья. Оставьте высокие фразы. Отвечайте, как

вы думаете строить свою трудовую деятельность в будущем.

Иосиф. Я бы хотел писать стихи и переводить. Но если это противоречит каким-то общепринятым нормам, я поступлю на постоянную работу, и всё равно буду писать стихи.

Судья. Вы сделали для себя выводы из выступления печати? Из критики товарищей?

Иосиф. Статья Лернера – абсолютно лживая, если вы об этом. Вот единственный вывод, который я сделал.

Судья. Значит, других выводов вы не сделали?

Иосиф. Нет. Я не считаю себя человеком, ведущим паразитический образ жизни.

Судья. У вас есть вопросы к суду?

Иосиф. У меня просьба: дать мне в камеру карандаш и бумагу.

Судья. Об этом просите начальника милиции.

Иосиф. Я просил, он отказал.

Судья. Хорошо, я передам. У вас есть ходатайства к суду?

Иосиф. Я хотел бы знать, за что меня арестовали.

Судья. Это вопрос, а не ходатайство.

Иосиф. Тогда у меня ходатайства нет...

Судья (*встаёт из-за стола*). В соответствии со статьёй 209 УК РСФСР Постановлением народного суда Дзержинского района города Ленинграда от 13 марта 1964 года принято решение: выселить подсудимого Иосифа Бродского из города Ленинграда в специально отведенную местность сроком на пять лет с обязательным привлечением к труду по месту поселения.

Сцена девятая

Деревня Норинская. Посреди сцены – сеновал: большой квадрат мешковины, на котором стоит стог сена. Рядом лежит топор. Утро. Иосиф сидит возле стога, в руках сигарета, но нет спичек, он ищет их по карманам. Появляется Марина.

Марина. Привет!

Иосиф *(вскакивая)*. Ты?! Не может быть!

Марина. Вот... Решила тебя навестить...

Иосиф. Очень мило... Как ты сюда попала?

Марина. Как все. Сначала на поезде, потом на попутной машине...

Иосиф. А который час?

Марина *(смотрит на часы)*. Девять.

Иосиф. Уже девять...

Марина. Это поздно или рано?

Иосиф. Для города рано, для деревни, пожалуй, поздно.

Марина. Ты опоздал на работу?

Иосиф. Нет. У меня сегодня выходной.

Марина. Ты не рад мне?

Иосиф. Почему, я очень рад!

Марина. Ты говоришь так, как будто мы расстались вчера. А на самом деле, мы не виделись уже три месяца! Квартал – как говорит наш бухгалтер.

Иосиф. Правда?

Марина. Да!

Иосиф. И чем же ты занималась весь этот квартал?

Марина. Всё тем же. Рисовала для «Детгиза».

Иосиф. А я думал, что ты...

Марина *(перебивая)*. Нет.

Иосиф. Хочется верить...

Марина *(обнимая Иосифа).* Казнить, нельзя помиловать?

Иосиф. Казнить нельзя. Помиловать! *(Пауза.)* Я столько раз представлял себе, как ты появишься, как войдёшь...

Марина. И вот я появилась... Всё будет хорошо! Всё будет по-прежнему... Я постараюсь приезжать часто и надолго.

Иосиф. А как же твоя работа?

Марина. Ну, я ведь не каждый день хожу в издательство. К тому же, я могу и здесь рисовать. Могу готовить еду, пока ты в полях...

Иосиф *(смягчаясь).* Если так, я буду ждать... Только тебе быстро наскучит деревня. Здесь даже электричества нет.

Марина. Как нет?

Иосиф. Ну, так. Свечи, керосинка...

Марина. И как же ты живёшь? Как пишешь?

Иосиф. Живу прекрасно! И пишу много. Вот послушай:

Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятенье, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,

одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.

Марина. Здорово! Мне очень понравилось! Ты стал писать по-другому.

Иосиф. Лучше?

Марина. Не лучше и не хуже, просто по-другому.

Иосиф. Волошин сказал, что главное произведение поэта — это сам поэт.

Марина. Хорошо сказал. Убедительно!

Иосиф. Когда живёшь вдали от столиц, многое начинаешь переосмысливать.

Марина. И чем же занимается поэт вдали от столиц? В чём его трудовая доблесть?

Иосиф. Ну, как... Я — сельскохозяйственный рабочий. По крайней мере, так записано в ведомости. Рублю жерди, очищаю поля от камней. Тут такие здоровенные валуны на полях, их надо убирать, прежде чем что-то сеять.

Марина. Бедный! Тебе тяжело?

Иосиф. Скорее, непривычно. Но... Когда я встаю на рассвете, и около шести иду за нарядом в правление, вдруг понимаю, что в этот же самый час по всей, что называется, земле русской, происходит то же самое: народ идёт на работу. И я, конечно, ощущаю свою принадлежность к этому народу. Это колоссальное ощущение!

Марина. А Женька рассказывал, что ты пасёшь телят...

Иосиф. Было, да. Но они у меня разбегаются.

Марина. И как ты их собираешь?

Иосиф. Собираю не я. У меня пока не получается...

Марина. Забавно! А что за люди живут здесь?

Иосиф. Ну... Разные люди. Крестьяне. В основном, пьющие, но, как ни странно, добрые. И ты знаешь, мне гораздо легче общаться с ними, нежели с большинством знакомых в родном городе. Вот такой удивительный парадокс.

Марина. А деревня большая?

Иосиф. Четырнадцать домов.

Марина. А местный ландшафт? Он тебе нравится?

Иосиф. Он не шокирует, но и не привлекает. Северная растительность, ёлочки, болотца... Дома деревянные, бесцветные...

Марина. Тут ведь, наверное, белые ночи?

Иосиф. Да! Вот они совершенно потрясающие! Ещё белее, чем у нас в Ленинграде... Жалко ложиться спать.

Марина. А зимой здесь, конечно, жуткий холод...

Иосиф. Вот поэтому Анна Андреевна хочет подарить мне тёплый шарф. Привезёшь?

Марина. Обязательно! А пока — я привезла тебе маленькое спортивное развлечение.

Достаёт из сумки ракетки для бадминтона и волан.

Иосиф. О, это классная игра!

Марина. Сыграем?

Иосиф. Давай! А что мне будет, если я выиграю?

Марина. Тебе буду я!

Иосиф. Тогда я буду стараться!

Играют в бадминтон через стог сена.

Марина. А как ты себя чувствуешь? Как сердце?

Иосиф. Стучит. Вполне прилично.

Марина. А мне Стерлигов предложил выставку у себя на квартире.

Иосиф. Поздравляю! Персональная выставка — это хороший старт! А что там будет?

Марина. Там будет примерно сорок работ. В основном пейзажи акварелью.

Иосиф. А мне предложили напечатать стихи в местной газете «Призыв».

Марина. Ух ты! Это практически признание! Какие стихи ты выбрал?

Иосиф. К сожалению, выбирал не я. Поэтому стихотворение называется «Тракторы на рассвете».

Марина. Ну, и хорошо! Какая разница? Пускай тракторы.

Иосиф. А ещё я записался в библиотеку. Правда, до неё двадцать километров.

Марина. И как ты туда добираться?

Иосиф. На попутке. Или вот на велике... *(пауза)*. Хочешь парного молока?

Марина. А что — есть?

Иосиф. Думаю, да...

Марина. Тогда хочу!

Иосиф. Ну, жди. Пойду поклонюсь коровке. Если она в настроении, будет тебе завтрак!

Целует Марину, садится на велосипед, уезжает.

Марина *(снимает туфли, забирается на стог сена, ложится, жуёт соломинку)*.

Дни бегут надо мной,
словно тучи над лесом,
у него за спиной
сбившись стадом белесым.

И, застыв над ручьем,
без мычанья и звона,

налегают плечом
на ограду загона.

Появляется Иосиф с банкой молока.

Иосиф. Повезло! Ещё тёплое! *(Протягивает банку Марине.)* Держи! Что надо сказать?

Марина. Му! *(Пьёт, смеётся.)* Вкусно! Совсем не похоже на магазинное! И воздух такой медовый... Сладкий! Без примеси бензина и городской пыли...

Иосиф. Если не сопьюсь, вернусь окончательно здоровым.

Марина. Ага, как из санатория!

Иосиф забирается на стог, берёт у Марины банку, ставит на землю. Марина медленно раздевается. Звучит знакомый джаз. Затемнение.

Сцена десятая

Иосиф и Марина сидят на земле, опираясь на стог.

Иосиф. Как хорошо, что ты приехала!

Марина. И как плохо, что я уезжаю...

Иосиф. Я буду звонить! Нечасто, но на почте работают симпатичные люди, они мне даже сочувствуют. Надеюсь, позволят слышать тебя хотя бы раз в неделю.

Марина. Пиши мне, ладно? Я буду перечитывать твои письма.

Иосиф. Обязательно! Правда, сначала их будут читать в КГБ.

Марина. Надо придумать шифр. У меня в детстве был... Для секретов от родителей.

Иосиф. Да? И ты его помнишь?

Марина. Помню.

Внезапно появляется Дмитрий.

Дмитрий. Марина! Вот ты где!

Иосиф. Откуда ты взялся?!

Дмитрий (*Марине*). Значит, твоя мать соврала, что не знает, где ты?

Иосиф. Какое тебе дело до её матери?

Дмитрий. Отвали! (*Марине.*) Я за тобой! Собирайся!

Иосиф. С тобой она никуда не поедет! Она приехала ко мне!

Марина. Я не поеду.

Дмитрий. То есть, как не поедешь? Ты же обещала...

Марина (*перебивая*). Я останусь здесь!

Дмитрий. С какой стати?

Марина. Я останусь здесь.

Дмитрий. Как жена декабриста? Ты решила здесь поселиться?

Марина. Тебя это не касается.

Дмитрий. Все эти решения – не твои! Вокруг тебя слишком много попечителей. Надо же! Уже и до родителей добрались! Как это их любимая дочь посмела оставить Поэта номер один, которому она обязана его выбором?

Марина. Перестань кривляться!

Дмитрий. К тебе домой приходят какие-то странные люди, беседуют с твоим отцом, что-то советуют...

Иосиф. А что же ты сам не приходишь, не беседуешь? Не о чем?

Марина (*Дмитрию*). У тебя паранойя.

Дмитрий. Я ведь знал, что ты бегаешь к нему на Пряжку, носишь передачи.

Марина. И что? Милосердие запрещено законом?

Дмитрий. Это называется игра нервов!

Иосиф. Только не твоих, а моих!

Дмитрий (*Иосифу*). Ждёшь, когда превратишься в памятник самому себе? «Какую биографию делают нашему рыжему!» – это про тебя Ахматова печётся!

Иосиф. Иди ты к чёрту!

Марина. Уходи! Уезжай один.

Дмитрий. Как бы не так! Ты поедешь со мной!

Марина. Нет!

Иосиф. Она отсюда никуда не уедет.

Дмитрий. Нет, уедет. Мы уедем вместе!

В этот момент свет в зале чуть меркнет, луч прожектора падает на топор, лежащий рядом со стогом сена. Минута – и всё возвращается.

Иосиф. Ты же не собираешься доводить разговор до крайности?

Дмитрий. Полагаешь, я хочу сесть за убийство?

Иосиф. Ну, а за что тебе ещё сесть? Не за стихи же.

Дмитрий. Унижаешь? Соревнуешься?

Иосиф. Только не с тобой.

Дмитрий. Ты уже половину города настроил против меня. Некоторые просто не здороваются!

Иосиф. Неужели?

Дмитрий. Олег Целков забрал у меня свою картину, которую я у него купил!

Иосиф. По-твоему, это я ему приказал? Командую революцией, как Ленин из Разлива?

Дмитрий. Иронизируешь зря. Думаю, это с твоей лёгкой руки меня выперли с той дачи. Кстати, ты ведь и ножик мой оттуда прихватил.

Иосиф. Когда я пришёл на эту дачу, мне показалось, что я умер...

Дмитрий. Сколько пафоса! Всю эту ситуацию ты обостряешь сознательно. Чем хуже, тем лучше.

Иосиф. Странно, что ты не упрекаешь меня за плохую погоду. Хочешь устроить мне второй суд?

Дмитрий. Тем не менее, общие друзья разделились на твоих и моих.

Иосиф. Если они и разделились, то не моими усилиями.

Дмитрий. Можешь собой гордиться. Это лучший скандал года. Публика аплодирует стоя!

Иосиф. Ну, вот видишь — ты тоже снискал свои аплодисменты.

Дмитрий. Ждёшь, чтобы я самоустранился?

Иосиф. Это дело твоей совести.

Дмитрий. Ты говоришь о том, чего сам не имеешь.

Иосиф. Твой поступок — абсолютное вероломство. Причём здесь моя совесть?

Дмитрий. Ты отдаёшь себе отчёт, что жизнь впереди длинная, а между нами уже пропасть?

Иосиф. Меня это не интересует.

Дмитрий. Конечно! Теперь тебя интересует только пьедестал, на который ты встанешь. Можешь вычеркнуть меня из записной книжки, но только не из литературы!

Марина. Всё! Я устала от этих разборок! Это какой-то бесконечный дурной сон! Я уезжаю! Но только одна!

Слышен звук мотора. Попутный грузовик готов тронуться с места.

Иосиф. Как ты поедешь? Машина уже ушла!

Марина. Значит, я пойду пешком!

Дмитрий. Это невозможно! Это двадцать километров! Кругом лес!

Марина. Прекрасно! Отличная погода, свежий воздух!

Иосиф. Ты же хотела остаться!

Марина резко срывается с места и быстро убегает. Уже за кулисами слышен её голос.

Марина (громко, водителю грузовика). Подождите! Не уезжайте! Я поеду с вами!

Иосиф, Дмитрий (вместе, с эффектом реверберации, если имеется такая техническая возможность). Марина!

Минутное затемнение.

Свет понемногу зажигается, на сцене Марина, Иосиф, Дмитрий. В руках оркестровые треугольники, как в начале.

Марина (ударяет в треугольник). Я не вышла замуж ни за Осю, ни за Диму. Я вообще не вышла замуж. В 1967 году родила сына Андрея, отцом которого стал Ося. Ребёнка воспитывала одна. До самого начала перестройки продолжала оформлять детские книги. В 1972 году Иосиф уехал в Америку, больше мы с ним не виделись...

Иосиф (ударяет в треугольник). После ссылки, которая длилась полтора года, я вернулся в Ленинград. В 1965 году, по рекомендации Корнея Чуковского, меня приняли в Группком переводчиков при Ленинградском отделении Союза писателей. Это позволило избежать новых обвинений в тунеядстве. До отъезда на запад в советской печати было опубликовано всего несколько стихотворений и переводов. С Мариной я общался, и очень хотел, чтобы она уехала со мной в Америку. Но она была непреклонна... Марине я посвятил большую часть любовной лирики. После получения Нобелевской

премии в 1987 году, мои стихи начали издавать на родине.

Дмитрий (*ударяет в треугольник*). После этой истории, с Мариной я виделся редко. Она избегала встреч. Правда, будучи на девятом месяце, пришла сама и спросила, приму ли я её с ребёнком. Я сказал – конечно! Но после роддома она поселилась в квартире художника Кочергина. Я бывал там, пока Марина с Андреем не переехали жить к её родителям. Дальше в моём появлении уже не нуждались... В 1979 году я эмигрировал в Штаты. В том же году, в Париже, вышла моя первая книга стихов. С 1983 года я гражданин США, живу в городе Урбана-Шампейн. Бывший профессор Иллинойского университета, преподаватель русского языка и литературы. В 1991 году я женился на своей институтской подруге Гале, которая перед этим дважды была свидетельницей на моих предыдущих свадьбах. С Иосифом мы так и не помирились. Хотя я просил у него прощения.

Одновременно все трое ударяют в треугольники, звучат «Очи чёрные» – любимая песня Иосифа Бродского. Герои подпевают.

Занавес

ГАДЁНЫШИ

(их нравы)

Сценическая версия московского театра Арт-аллея на основе киносценария Джона Хьюджеса «Клуб «Завтрак».

Действующие лица

Ричард Вернон, 35 лет, учитель

Эндрю Кларк, 16 лет, «спортсмен»

Брайан Джонсон, 16 лет, «ботаник»

Джон Бендер, 16 лет, «хулиган»

Клэр Стэндиш, 16 лет, «принцесса»

Эллисон Рейнолдс, 16 лет, «психопатка».

«И эти дети, на которых вы плюёте, когда они пытаются изменить свой мир, неуязвимы под напором ваших советов. Они прекрасно знают, что с ними происходит».

Дэвид Боуи

Сцена 1

Библиотека школы Шеремер.

Вернон. Так, так. Все на месте. Хочу поздравить вас с тем, что вы прибыли вовремя.

Уже 7:06. У вас есть ровно 8 часов и 54 минуты, чтобы подумать, почему вы здесь. Обдумайте свои ошибки. *(Бендер плюет в воздух и ловит плевок ртом. Клэр выглядит так, будто ее сейчас стошнит.)* Вам не разрешено разговаривать. Вы не должны вставать со своих мест. *(Вернон бросает взгляд на Бендера и указывает на него.)* И вы.. *(Вернон вытаскивает стул из-под ног Бендера.)* не должны спать. Так, ребята, я приготовил для вас

нечто особенное. Вы напишете эссе... не менее чем в одну тысячу слов... Напишите мне, кем вы являетесь по собственному мнению.

Бендер. Это что, контрольная?

Вернон раздает бумагу и карандаши и не обращает внимания на Бендера.

Вернон. Когда я говорю эссе, я имею ввиду эссе. Я не имею в виду одно слово, повторенное тысячу раз. Это ясно, мистер Бендер?

Бендер. Абсолютно.

Вернон. Прекрасно. Может быть, вы узнаете немного нового о себе. Может быть, выдаже решите вернуться сюда снова.

Брайан поднимает руку, а затем встает.

Брайан. Знаете, я могу ответить прямо сейчас, сэр. Мой ответ «нет», потому что...

Вернон. Сядь, Джонсон.

Брайан. Спасибо, сэр.

Вернон. Мой офис прямо за этим холлом. Не советую валять дурака. Вопросы?

Брайан. Дорогой мистер Вернон! Мы смирились с тем, что должны убить целую субботу в наказание за свои поступки. Да, мы были неправы, но мы думаем, что вы спятили, раз заставляете нас написать эссе и рассказать вам, кем мы являемся по собственному мнению. Какая вам разница? Вы видите нас такими, какими хотите видеть, в наиболее простых и удобных для вас определениях. Вы видите, в нас Ботаника, Спортсмена, Сумасшедшую, Принцессу и Преступника. Правильно?

Вернон. Я отвечу вам на этот вопрос, мистер Брайн в следующую субботу. Не будилихо, молодой человек, пока оно тихо.

Уходит.

Бендер. Этот тип — цепной пёс. *(Все пытаются успокоиться, и вдруг раздается громкое щелканье. Брайан поворачивается и смотрит: это Эллисон обкусывает свои ногти. Эллисон замечает, что они смотрят на нее.)* Перестань грызть ногти, аппетит испортишь. *(Эллисон плюет ногтями в Бендера.)* Я тебя запомнил...

Брайан играет ручкой.

Брайан *(тихо сам себе).* И кто я по собственному мнению? Кто ты? Кто ты? *(Он прикладывает ручку к нижней губе и кладет верх под верхнюю губу.)* Я морж.

Бендер смотрит на него в полном замешательстве. Брайан замечает это и смущенно смеется. Затем Бендер и Брайан начинают одновременно снимать свои куртки. Они оба замечают это. Брайан останавливается. Бендер победил. Брайан потирает руки и притворяется равнодушным. Он снова надел куртку. Он поворачивается и смотрит на Бендера, который все еще смотрит на него.

Брайан. Вот дерьмо, да?

Звучит вступление «Sunshine Of Your Love». Бендер смотрит на Брайна, тот смущенно смеется. Бендер отворачивается и сминает свое эссе. Он бросает его в Клэр, но промахивается, и бумага летит над головой Клэр. Эндрю и Клер видят это,

но продолжают игнорировать Бендера. Бендер начинает громко подпевать музыке.

Клэр (себе). Не могу поверить, что это действительно происходит со мной.

Бендер. Блин! А что если нам приспичит отлить?

Клэр (с отвращением). Хватит.

Бендер. Ну раз уж приспичило... (*Бендер демонстративно расстегивает ширинку.*)... то приспичило.

Клэр. О, Боже!..

Эндрю. Ты же не собираешься гадить прямо здесь, чувак?

Бендер. Тихо, тихо. Ты меня сбиваешь.

Эндрю. Только попробуй, и ты труп, прежде чем первая капля упадет на пол.

Бендер (*насмешливо выдыхает*). Ты меня возбуждаешь, когда сердисься. Р-р-р... (*Брайану.*) Эй, дружище, почему бы тебе не закрыть ту дверь? А потом обрюхатим королеву...

Клэр поворачивается и смотрит на него.

Эндрю. Эй. (*Громче.*) Эй!

Бендер. Что?

Эндрю. Если я потеряю терпение, тебе хана, чувак.

Бендер. Что, прям хана?

Эндрю. Хана.

Клэр. Почему бы тебе не заткнуться? Никому не интересно.

Эндрю. Действительно. (*Обращаясь к Клэр.*) Урод.

Бендер. Эй, спортсмен, за что ты здесь? Забыл помыть своего «червяка»?

Брайан (*нервно*). Извините, ребята, но мы должны

просто написать свои сочинения.

Эндрю. То, что ты живешь здесь, не дает тебе права быть шилом в чужой заднице...так что отвали!

Бендер (*с показным сочувствием*). Это свободная страна.

Клэр. Он старается достать тебя. Забей на него.

Бендер. Крошка. Ты не сможешь игнорировать меня, даже если очень сильно постараться. Ну и... вы, ребята, типа вместе? Встречаетесь? Любовники? Колись, спортсмен. Ответь мне. Ты нанизываешь эту горячую говядинку на свой шампур?

Клэр и Эндрю повернулись к Бендеру, оба в ярости.

Клэр (*кричит*). Пошёл ты!

Эндрю (*кричит*). Хватит!

Вернон (*входит в кабинет*). Эй! Что тут происходит? (*Все молчат.*) Испорченные мелкие гаденыши.

Уходит.

Эндрю. Мешок дерьма.

Бендер. Давайте-ка закроем ту дверь. Веселья не получится, если Вернон будет заглядывать сюда каждые пять секунд.

Брайан. Дверь велено держать открытой.

Бендер. И что?

Эндрю. А почему бы тебе не заткнуться? Здесь еще четверо.

Бендер. Обалдеть, ты умеешь считать. Я знал, я знал, что нужно быть очень умным, чтобы стать борцом.

Эндрю. Кто ты такой, чтобы судить других?

Клэр. И правда.

Эндрю. Бендер, ты не считаешься. Никто не заметит разницы, даже если ты исчезнешь навсегда. Как будто тебя и не было в этой школе.

Бендер. Хорошо, как только я выйду отсюда, я побегу записываться в команду борцов. *(Эндрю и Клэр смотрят друг на друга и смеются над Бендером.)* Может еще в клуб ботаников и в ученический совет тоже.

Эндрю. Не-а, они тебя не возьмут.

Бендер. Ну, прям убил.

Клэр. Знаешь, почему ты выделяешься?

Бендер. О! Это должно быть захватывающе.

Клэр. Потому что ты боишься.

Бендер *(с фальшивым энтузиазмом).* Господи... Вы, богатенькие - такие умные. Именно поэтому я не рвусь во все эти сообщества активистов.

Клэр. Ты большой трус.

Брайан чувствует себя униженным.

Брайан *(как бы никому).* Я в математическом клубе.

Клэр. Ты боишься, что тебя не примут и ты облажаешься, поэтому всех заранее посылаешь.

Бендер. Ну, ничего же не поделаешь с тем, что вы, активисты, такие козлы, правда?

Клэр. Ты же не знаешь. Ты не знаешь никого из нас.

Бендер. Хорошо, я не знаком ни с одним прокаженным, но я не собираюсь присоединяться к их сраным клубам.

Эндрю. Эй! Следи за языком!

Брайан. Я еще в клубе физиков.

Бендер *(Клэр).* Пардон. *(Брайану.)* Что ты там

лепечешь?

Брайан. Я сказал, что... Я в математическом клубе, в клубе латыни и в клубе физиков. В клубе физиков.

Бендер. Эй, девочка. А ты состоишь в клубе физиков?

Клэр. Это учебный клуб.

Бендер. И что?

Клэр. А что, что учебные клубы - это совсем не то же самое, что другие клубы.

Бендер. Ага, но для ботанов вроде него это круто. *(Брайану.)* Что вы делаете в своем клубе?

Брайан. В клубе физиков мы говорим о физике, о свойствах физики.

Бендер. Так что это вроде как общение. Дурь и скукота, но вполне общение, верно?

Брайан. Ну, я думаю, это можно назвать общением. Хм, там и другие ребята есть, в моем клубе. И в конце года мы идем, хм... на большой банкет в Хилтон.

Бендер. И вы зажигаете. Вы ловите кайф.

Брайан. Нет, мы наряжаемся, но кайф не ловим.

Клэр. Только торчки вроде тебя кайф ловят.

Брайан. У меня не было ботинок, поэтому я одолжил их у отца. Это забавно, потому что моя мама не любит, когда я ношу вещи других людей. Мой кузен Кент... Хм, мой кузен Кендал из Индианы один раз кайфанул. Он съел... Что-то странное... А потом он чувствовал себя не от мира сего. Типа как в «Сумеречной зоне».

Клэр (Бендеру). Очень на тебя похоже.

Эндрю. Вы тут трепитесь, а Вернон может войти в любую минуту. У меня матч в следующую субботу, и я не хочу пропустить его из-за вас, идиотов.

Бендер. Да, это было бы ужасно! (*Корчится в поддельной агонии.*) Остаться без объятий крепких, горячих парней.

Эндрю. Ты ни хрена в этом не понимаешь, педик. Ты никогда в жизни несоревновался.

Бендер. Нет, я понимаю. Я прямо-таки чувствую пустоту внутри. Я глубоко восхищаюсь парнями, которые катаются по полу с другими парнями.

Эндрю. Ты никогда этого не поймешь. У тебя нет целей в жизни.

Бендер. Но у меня есть цель.

Эндрю. Да?

Бендер. Я хочу быть точно таким же как ты. Все, что мне нужно - это лоботомия итрико.

Брайан. Ты носишь трико?

Эндрю. Нет, я не ношу трико. Я ношу спортивную униформу.

Брайан. Трико.

Эндрю. Заткнись.

Бендер начинает идти в сторону двойных дверей, которые разделяют коридор и библиотеку.

Бендер. Ух!

Брайан. Нам сказали - никаких выходов.

Бендер. Молодой человек, Вы уже закончили свое сочинение?

Клэр. Что ты собираешься делать?

Эндрю. Сдохнуть, надеюсь.

Брайан смотрит на Бендера. Бендер откручивает винт из автодоводчика двери.

Брайан. Бендер, это школьная собственность. Она нам не принадлежит. Это не игрушки.

Дверь захлопывается. Бендер возвращается на свое место.

Эндрю. Очень смешно. Почини!

Брайан. Ты должен это починить!

Бендер. Я что, гений?

Эндрю. Нет, ты мудак!

Бендер (*о себе*). Какой забавный парень!

Эндрю. Почини дверь, Бендер!

Бендер. Эй, всё! Я это уже проходил и знаю, что делаю.

Эндрю. Почини дверь!

Бендер. Заткнись!

Вернон (*в ярости врывается в библиотеку*). Какого чёрта!? Почему эта дверь закрыта? Почему эта дверь закрыта?

Бендер. Откуда же нам знать? Мы же не должны вставать, верно?

Вернон. Почему?

Клэр. Мы просто сидели здесь, как вы и сказали.

Вернон. Кто закрыл дверь?

Бендер. Я думаю, там винтик выпал.

Эндрю. Она просто закрылась, сэр.

Вернон (*Брайану*). Кто?

Эллисон издаёт звук птицы, «кряк», или что-то похожее и падает лбом на стол, закрываясь капюшоном куртки.

Бендер. Она немая, сэр.

Вернон. Отдай мне этот винт.

Бендер. У меня его нет.

Вернон. Хочешь, чтобы я вытряс его из тебя?

Бендер. У меня его нет. Винты постоянно

выпадают. Мир так несовершенен.

Вернон. Отдай его мне, Бендер.

Клэр. Сэр, зачем кому-то красть винт?

Вернон. Помолчите, девушка.

Вернон пытается открыть дверь, подперев её стулом.

Бендер. Дверь слишком тяжелая, сэр.

Дверь откидывает стул и захлопывается.

Вернон. Черт! Эндрю Кларк, вставай. Иди сюда, поможешь.

Бендер. Почему это Эндрю можно вставать?

Вернон. Вот так.

Бендер. Если он встал, то все могут встать. Иначе будет анархия!

Вернон. Осторожнее с журналами.

Эндрю двигает стойку с журналами, чтобы подпереть дверь.

Бендер. Жаль, ничем не могу помочь. Очень умно, сэр... но что, если пожар? Я думаю, нарушение пожарной безопасности... и жизни детей, поставленные под угрозу... не самая благоразумная вещь для вашей карьеры.

Вернон. Что ты делаешь? Ради Бога, вытащи эту штуку отсюда. Что такое с тобой?

Брайан. Вообще-то, в библиотеке есть аварийные выходы.

Бендер. Не спорь с учителем!

Вернон. Займи свое место. Я ожидал от тебя большего. Ты никого не обдуришь, Бендер. Следующий выпавший винтик будет твой.

Бендер. Разбежался...

Вернон. Что ты сказал?

Бендер. Раз... бе... жался....

Вернон. Еще одна суббота тебе обеспечена.

Бендер. О, я просто разбит.

Вернон. И еще одна.

Бендер. Я свободен в следующую субботу. Но на всякий случай я проверю свой календарь.

Вернон. Прекрасно! Он будет заполнен до отказа! Хочешь еще? Скажи хоть слово. Просто скажи. Вместо того, чтобы оказаться в тюрьме, ты будешь приходить сюда. Выдохся?

Бендер. Нет.

Вернон. Я окажу услугу обществу.

Бендер. И?

Вернон. Вот тебе еще одна! Тебе светит торчать здесь пожизненно, если не уймешься. Хочешь еще?

Бендер. Да!

Вернон. Так получай! Вот еще одна, приятель!

Клэр *(встревоженно).* Прекрати! *(Шепотом.)*
Хватит.

Вернон. Ты успокоился наконец?

Бендер. Даже и не думал, дружище.

Вернон. Прекрасно! Вот тебе еще одна!

Бендер. Ты и вправду думаешь, что мне не по хрену?

Вернон. Еще. Достаточно?

Бендер. Сколько уже?

Брайан. Это семь, исключая первый раз, когда ты спросил, знает ли Барри Манилоу о налете на его гардероб.

Вернон. Теперь их восемь. А ты не лезь.

Брайан. Сэр, но это семь!

Вернон. Заткнись, мелкий. Ты мой, Бендер. Ты мой на два месяца.

Бендер. Что я могу сказать? Я в восторге!

Вернон. Я уверен, что это то, в чем ты хочешь всех убедить. Знаешь что? Ты должен тратить больше времени на собственную жизнь... и меньше времени на попытки впечатлить людей. Так было бы лучше. Ну, все! Я буду за этими дверями. В следующий раз, когда я зайду сюда, я раскрою кому-нибудь череп.

Бендер. Пошел на хер! Блин.

Играет Keith Forsey – Dream Montage. На часах без пятнадцати восемь. Бендер поджигает его ботинок и прикуривает им. Клэр думает. Брайан играет с мошонкой. Эндрю играет со шнурком на толстовке. Эллисон обматывает палец ниткой до тех пор, пока тот не станет синим. Бендер тушит ботинок и затем играет на воображаемой гитаре. Эллисон рисует. Эндрю играет в бумажный футбол. Он тихо ликует. Эллисон встряхивает перхоть из ее волос на картину, которую она нарисовала.

Эндрю. Очень умно.

Бендер. Ты прав. Нельзя уничтожать книги. Чтение – это кайф. И... «Молей» мнепросто башню сносит.

Клэр. Мольер.

Брайан. Я обожаю его пьесы!

Бендер. Тоже мне. Занятие от нечего делать, когда заперт в сортире.

Эндрю. Говори за себя.

Бендер. Ты думаешь, я могу говорить за тебя? Я даже

языка твоего не знаю.

Эндрю поворачивается к Клэр.

Эндрю. Эй... Ты занята вечером?

Клэр. Я не знаю. Мама сказала, чтобы я была дома, но отец сказал не обращать на неё внимания.

Эндрю. У Стабби будет большая вечеринка. Его родители в Европе. Это будет круто.

Клэр. Да?

Эндрю. Ага. Ты пойдешь?

Клэр. Сомневаюсь.

Эндрю. Почему?

Клэр. Если я не подчинюсь своей матери, то только потому что отец не имеет ничего против. Это похоже на сделку с дьяволом. Бесконечная мышинная возня. И в любую минуту - развод.

Бендер. Кого ты любишь больше?

Клэр. Что?

Бендер. Ты любишь своего старика больше, чем мать?

Клэр. Они оба долбанутые.

Бендер. Я имею в виду, если бы тебе пришлось выбирать.

Клэр. Я не знаю. Наверное, я бы осталась жить с братом. Я думаю, моим родителям обоим на меня наплевать. Они используют меня только чтобы досаждать друг другу.

Эллисон (*Громко.*) Ха!

Клэр. Заткнись!

Эндрю. Ты просто жалеешь себя.

Клэр. Если я не буду этого делать, то никто не будет.

Эндрю. Ты разбиваешь мне сердце.

Бендер. Спортсмен?

Эндрю. Что?

Бендер. А ты уживаешься со своими предками?

Эндрю. Если я скажу да, то я идиот, так?

Бендер. Ты в любом случае идиот... Но если ты скажешь да, то ты будешь еще и лжецом.

Эндрю. Знаешь, что? Если бы мы не были сейчас в школе, ты бы получил по роже.

Бендер. Ой, ты что?! Хочешь, чтобы я возбудился?

Брайан. Эй, приятели... В смысле... Я тоже не особо люблю своих родителей. В смысле, я не...

Я тоже не особо уживаюсь с ними, когда... ну, знаете, их идеи родительского контроля становятся просто... ну, типа сумасшедшими?

Бендер. Хлюпик...

Брайан. Д-да?

Бендер. Ты просто эротическая мечта родителей!
О*key?

Брайан. В этом и проблема.

Бендер. Слушай, я понимаю, ты злишься на них... за то, что тебя заставляют так одеваться... но, признай это, - ты просто мега-супер-ультра-задрот. Чем тебе еще заниматься, кроме как строить из себя образцового гражданина?

Эндрю. Почему тебе нужно оскорблять каждого?

Бендер. Я говорю правду, говнюк. Я и не ожидал, что ты поймешь разницу.

Эндрю. По крайней мере, у него есть имя.

Бендер. Да?

Эндрю. Да. (*Району.*) Как тебя зовут?

Брайан. Брайан.

Эндрю. Уяснил?

Бендер. Мои соболезнования.

Клэр. А тебя как зовут?

Бендер. А тебя?

Клэр. Клэр.

Бендер. Клэр?

Клэр. Клэр. Как всех женщин в нашей семье.

Бендер. Это имя для толстухи.

Клэр. Спасибо.

Бендер. Всегда, пожалуйста.

Клэр. Я не толстая.

Бендер. Сейчас – нет... Но я вижу, как ты толстеешь.

Видишь ли, я не уверен, что ты в курсе... Но есть два типа толстых людей. Одни – рождаются толстыми, а другие – сначала вроде худые, а потом толстеют. Когда смотришь на таких, можешь увидеть внутри худого человека. Ты выйдешь замуж, родишь парочку сопливых пупсов и уже потом...

Бендер изображает как она толстеет, издает неприятные звуки. Клэр показывает ему средний палец.

Бендер. Ой... Какой непристойный жест для такой невинной девушки.

Клэр. Я не такая уж невинная.

Бендер. Ты девственница? Готов спорить на миллион, что ты девственница. Давайна чистоту. Это ведь должна быть очень пышная свадьба, да?

Клэр. Почему бы тебе не заткнуться?

Бендер. Ты хоть раз целовала парня в губы? Ты

когда-нибудь чувствовала его руки...под лифчиком... под блузкой... туфли сняты... и ты молишь Бога, чтобы не вошли родители?

Клэр. Хочешь, чтобы меня вырвало?

Бендер. Его рука в трусиках... лифчика нет... блузка расстегнута... школьный бал вразгаре, а вы тискаетесь на заднем сидении после 11 часов ночи?

Эндрю. Отвали от нее. Я сказал - отвали от нее.

Бендер. Угрожаешь?

Эндрю. Да.

Бендер. Может, дружков позовешь?

Эндрю. Незачем. Только ты и я. Два удара. Я ударю тебя, а ты ударишь мордой пол. В любое время, приятель.

Бендер. Не хотел бы я оказаться на твоём месте...

Эндрю. Это еще почему?

Бендер. Потому что я тебя убью. Всё очень просто. Я убью тебя и твои гребаные родители меня засудят. Конечно, это будет большой ошибкой, зато я больше никогда тебя не побеспокою.

Эндрю. Ссыкло!

Эндрю разворачивается и отходит. Бендер достает складной нож и открывает его. Он втыкает нож в стул.

Эндрю. Всё, хватит. Не разговаривай с ней. Не смотри на нее. И даже думать о ней несмей! Понял меня?

Бендер. Я пытаюсь помочь ей.

Уборщик Карл входит в библиотеку. Из его плеера играет Elizabeth Daily – Waiting.

Заходит Вернон. Бендер начинает свистеть

«похоронный марш».

Вернон. Ну, девочки, полчаса на обед.

Эндрю. Прямо тут?

Вернон. Прямо тут.

Эндрю. Я думаю, кафетерий был бы более удобным местом, сэр.

Вернон. Мне все равно, что ты думаешь, Эндрю.

Бендер. Приятель! Пардон, учитель. А молоко нам полагается?

Эндрю. Нас всех мучает жажда.

Клэр. У меня очень низкий порог обезвоживания, сэр.

Эндрю. Я видел ее обезвоженной, сэр. Жуткое зрелище.

Бендер. Спокуха. Я принесу.

Вернон. Не-не-не. Сядь на место. Я, по-твоему, вчера родился? Думаешь, я позволю тебе бродить по школьным коридорам? (*Эндрю.*) Ты. (*Эллисон.*) И ты. Эй! Как ее имя? Давай! На ноги, мисс. Иди. Это не дом отдыха. Газировка – в учительской. Вперед!

Эндрю и Эллисон идут по коридору.

Эндрю. Ну... Какую отраву предпочитаешь? Что ты пьешь? Ладно, проехали.

Эллисон. Водку.

Эндрю. Водку? Когда это ты пила водку?

Эллисон. Когда угодно.

Эндрю. Много?

Эллисон. Литрами.

Эндрю. Ты из-за этого здесь сегодня? Почему ты здесь?

Эллисон. А почему ты здесь?

Эндрю. Хм... Я здесь сегодня потому... что мой тренер и мой отец... не хотят, чтобы я профукал свою поездку. Ко мне особое отношение... потому что тренер думает, что я стану чемпионом. Так же как и мой старик. Я победитель не потому, что просто хочуим быть. Я победитель потому, что у меня есть сила и скорость. Я вроде скаковой лошади. Вот так я тут и оказался.

Эллисон. Да? Это очень интересно. Теперь почему бы тебе не рассказать, за что ты здесь на самом деле?

Эндрю. Забудь.

Клэр, Бендер и Брайан все еще сидят и ждут колу.

Бендер. Клэр, хочешь увидеть фотку парня со слоновостью яичек? Очень аппетитно.

Клэр. Нет, спасибо.

Бендер. Представь себе, как он ездит на велосипеде? А, Клэр? Ты бы согласилась встречаться с таким парнем?

Клэр. Ты не можешь просто отвалить от меня?

Бендер. Если он будет прекрасной личностью... хорошим танцором и иметь крутую тачку? Но тебе пришлось бы ездить на заднем сидении... Потому что его орешки занимали бы всё переднее.

Клэр. Знаете, чего бы мне хотелось?

Бендер. Осторожнее со словами. Брайан ведь девственник.

Брайан. Девственник?

Клэр. Я хотела бы оказаться в самолете, который летит во Францию.

Брайан. Я не девственник.

Бендер. Ты когда-нибудь с кем-нибудь спал?

Брайан. Да, много раз.

Бендер. Назови хоть одну девушку.

Брайан. Она живет в Канаде. Мы познакомились на Ниагарском водопаде. Ты ее не знаешь.

Бендер. А с кем-нибудь из местных? *(Брайан показывает на Клэр глазами.)* А-а-а... Вы с Клэр делали это?

Клэр, О чем это вы?

Брайан *(Клэр)*. Ни о чем. Ни о чем. *(Бендеру.)* Давай поговорим об этом позже.

Клэр. Нет! Прекратить что, о чем вы говорите?

Бендер. Брайан рассказал мне, что в дополнение к множеству девушек в районе Ниагарского водопада, ты и он катались на веселой лошадке.

Клэр Свинья мелкая.

Брайан. Нет, я ничего такого не говорил! Джон сказал, что я девственник, а я сказал, что нет. Вот и все.

Бендер. Значит, ты не говорил, что между тобой и Клэр что-то было?

Клэр. Мне это не нравится, Брайан.

Брайан. Он врет.

Бендер. Так ты не показывал на Клэр?

Брайан. Ты же знаешь — он врет.

Бендер. Ты показывал или не показывал на Клэр?

Брайан. Да, но это было только потому... Только потому, что я не хотел, чтобы она узнала, что я девственник. Простите меня за то, что я девственник.

Клэр. Почему ты не хотел, чтобы я узнала?

Брайан. Потому что это личное. Это мое личное дело.

Бендер. Не похоже, чтобы у тебя вообще были какие-то дела.

Клэр. Я думаю, что это нормально, если парень девственник.

Брайан. Правда?

Входят Эллисон и Клэр. В руках у них множество пакетиков.

Бендер. Что там?

Клэр. Догадайся. А где твой обед?

Бендер. На твоих губах.

Клэр. Ты отвратителен.

Бендер. Что это?

Клэр. Суши.

Бендер. Суши?

Клэр. Рис, сырая рыба и водоросли.

Бендер. Ты не хочешь, чтобы язык парня был у тебя во рту, но ты ешь такое?

Клэр. Могу я поесть?

Бендер. Не знаю... Рискни.

Эндрю. У тебя проблемы?

Эллисон открывает ее бутерброд и выкидывает колбасу, открывает трубочки с сахаром, высыпает его на бутерброд, а затем высыпает кукурузные палочки сверху и ест. Бендер подходит к Брайану и садится рядом, берет пакет с обедом Брайана.

Бендер. А у тебя что?

Брайан. Думаю, вполне обычный обед.

Бендер достает из пакета термос, ставит его на стол и указывает на него.

Бендер. Молочко?

Брайан. Суп.

Бендер достает из пакета сок. Брайан тянется к пакету с обедом и Бендер шлепает его по руке.

Брайан. Это яблочный сок.

Бендер. Читать я умею. Бутерброд с арахисовым маслом и джемом, без хлебной корочки. Да, Брайан, это очень питательный обед. Представлены все группы продуктов. Твоя мама замужем за мистером Роджерсом?

Брайан. Нет, за мистером Джонсоном.

Бендер. А... Вот мое представление о жизни в доме большого Брая. Сынок? Да, пап? Как твой день, приятель? Прекрасно, папа, а как твой? Супер. Скажи, сынок, ты не хочешь поехать на рыбалку в эти выходные? Хочу, папа, но у меня много уроков. Ничего страшного, сынок! Ты можешь сделать их в лодке. Ура! Милый. Разве наш сынне замечательный? Да, милая. А разве жизнь не замечательна? О-о-о... О-о-о...

Бендер изображает, как мать целует отца, а отец целует мать, а затем отец ударяет мать по лицу. Внезапно, у него не такое счастливое лицо.

Эндрю. Хорошо, а что насчет твоей семьи?

Бендер. Моей?

Эндрю. Да.

Бендер. Это очень легко. Тупой... бесполезный... петух гребаный... сукин сын. Даун, нахлебник, хренов всезнайка... говнюк, придурок. Ты забыл, что он уродливый, неуважительный и ленивый. Заткнись, сука! Иди отрежь мне пирога с индейкой.

Ачто насчет тебя, пап? Пошел на хер! Нет, папа. Что насчет тебя? Пошел на хер! Нет, папа. Что на счет тебя?! Пошел на хер!!! Бам!

Брайан. Это действительно так?

Бендер. Хочешь как-нибудь зайти?

Эндрю. Это вранье. Просто часть твоего имиджа. Я не верю и слову из того, что тысейчас сказал.

Бендер. Не веришь мне?

Эндрю. Нет.

Бендер. Нет?

Эндрю. Я что, заикаюсь?

Бендер подходит к Эндрю и закатывает его правый рукав, чтобы показать круглыйожог.

Бендер. А этому ты веришь? А? Похоже на след от сигары. Может, это я заикаюсь? Вот что бывает в моем доме, когда случайно прольешь краску в гараже. Я думаю, что мне больше не стоит сидеть с такими мудаками, как вы.

Бендер берет мяч и выходит.

Клэр. Напрасно ты так сказал.

Эндрю. Откуда же я знал? В смысле, он же постоянно врет.

Клэр. А ты знаешь когда он вернется?

Эндрю. Мне похрен.

Входит Вернер, который подталкивает Бендера.

Вернон. Все. Ты достал меня, Бендер. Все. Это конец.

Бендер. Не хотите выслушать мои оправдания?

Вернон. Вон!

Бендер. Может, я тренируюсь для получения стипендии?

Вернон. Отдай мне мяч, Бендер. Отдай мне этот

чёртов мяч. *(Бендер притворяется, что кидает мяч Вернону. Затем, он кладет мяч на пол и подталкивает мяч, чтобы тот подкатился к Вернону. Вернон пинает мяч в Бендера.)* Забирай свои шмотки. Быстро. *(Всем.)* Мистер Крутой Парень решил сходить в спортзал. Жаль вам сообщать, но вы останетесь без его общества до конца дня.

Бендер. Напугал ежа голой жопой!

Вернон. Все шуточки шутишь, а, Бендер? В пятницу ты устроил ложную тревогу. Ложная тревога, обхохочешься. А что если твой дом... Что если твоя семья... сгорела?

Бендер. Невозможно, сэр.

Вернон. Я вам скажу кое-что. Посмотрите на него. Он обречён. *(Всем.)* Хотите увидеть кое-что смешное? Навестите Джона Бендера через пять лет. Увидите, какой он забавный. *(Бендеру.)* В чем дело, Джон? Сейчас заплачешь? Пошли.

Вернон хватает Бендера за плечо.

Бендер. Убери от меня свои сраные руки! Я ожидал лучших манер от тебя, мудила.

Вернон. Это в последний раз, Бендер. В последний раз ты выставил меня идиотом. Я не намерен всем жертвовать ради таких ублюдков, как ты. Но однажды, парень, однажды... когда ты уйдешь и забудешь про это место... все забудут тебя, и ты будешь бесцельно прожигать свою жалкую жизнь... Я появлюсь... Это уж точно. Чтобы выбить все это дерьмо из тебя. Я втопчу тебя в грязь.

Бендер. Вы угрожаете мне?

Вернон. И что ты с этим сделаешь? Думаешь,

кто-нибудь тебе поверит? Думаешь, кто-нибудь поверит, если поставить твое слово против моего? Я человек, которого здесь уважают. Они меня любят. Я чудесный парень. А ты лживый кусок дерьма, и все это знают. О да, ты и вправду крутой парень. Эй, эй. Давай. Вставай, приятель! Давай выясним, насколько ты крут! Я хочу выяснить прямо сейчас, насколько ты крут. Ударь меня разок. Давай же. Прямо сюда. Просто ударь меня первым. Пожалуйста. Я прошу тебя. Ударь. Прямо сюда. Один удар. Это все, что мне нужно. Один удар. *(Бендер просто сидит и смотрит на Вернона. Вернон пугает Бендера замахом и Бендер вздрагивает.)* Так я и думал. Ни хрена ты не крутой. Ты ссыкло.

Бендер медленно ползет над навесным потолком.

Бендер. Голая блондинка входит в бар... с пуделем в одной руке... и салями в другой. Она кладет пуделя на стол. Бармен говорит, «Я полагаю, выпивка Вам не нужна.» А обнаженная леди в ответ... Вот чёрт!

Вернон. Вы доиграетесь! Я не позволю выставять себя идиотом.

Он разворачивается и уходит. Туалетная бумага торчит из его штанов. Все смеются.

Брайан (Эллисон). Как ты только сумела засунуть ему в штаны туалетную бумагу!

Эллисон. Знаешь, насколько я популярна? Жуть просто. Все в этой школе меня обожают.

Брайан. Бедная...

Эндрю и Брайан смеются. Эллисон выглядывает из-за статуи в задней части библиотеки.

Эллисон (Брайну). А второе имя у тебя есть?

Брайан. Да, угадай.

Эллисон. Твое второе имя Ральф.

Брайан. Ну да. А что?

Эллисон. Звучит, ну прямо, как «блевотина»!

Брайан. Заткнись!

Эллисон. И не подумаю. Ты родился 12 марта... Твой рост 5'4 футов и полдюйма... ты весишь 121 фунт... и номер твоей социальной страховки... 049-38-0913.

Брайан и Эндрю смотрят на нее в недоумении.

Эндрю. Ух ты! Ты что, экстрасенс?

Эллисон. Нет.

Брайан. Откуда тогда ты знаешь все это обо мне?

Эллисон. Я сперла твой бумажник.

Брайан. Отдай его мне.

Эллисон. Нет.

Брайан. Отдай.

Эллисон неохотно отдает кошелек и Брайан начинает проверять, не пропало ли что.

Брайан. Прекрасно. Ты еще и воровка?

Эллисон. Я не воровка.

Брайан. Сколько талантов...

Эллисон. Там и красть нечего. Два бакса и порнографическая фотка.

Эндрю. Что?

Эллисон. Снимок голой девицы. Я видела. Полное извращение.

Эндрю. Отлично, давай глянем!

Клэр. Это все твои подружки?

Бендер. Только некоторые.

Клэр. А что насчет остальных?

Бендер. Одних — считаю подружками, остальные —

про запас.

Клэр. В смысле?

Бендер. Я еще думаю, подвалить или не надо.

Клэр. Ты не веришь в отношения между одним парнем и одной девушкой?

Бендер. А ты?

Клэр. Да. Так и должно быть.

Бендер. Ну, не для меня.

Клэр. Почему нет?

Бендер. Почему у тебя столько херни в сумке?

Клэр. А почему у тебя столько подружек?

Бендер. Я первый спросил.

Клэр. Я не знаю. Думаю, я просто никогда ничего не выкидываю.

Бендер. Я тоже.

Клэр. О-у...

Эндрю копается вкошельке Брайана.

Эндрю. Это самое плохое поддельное удостоверение, которое я видел. Думаешь, тебекто-нибудь даст 68?

Брайан. Я знаю, знаю. Я немного просчитался.

Эндрю. Зачем тебе поддельное удостоверение?

Брайан (*будто это очевидно*). Что б голосовать!

Эллисон. Хотите увидеть, что в моей сумке?

Брайан и Эндрю. Нет.

Эллисон выглядит обиженно. Только что бы их позлить, она высыпает содержимое её сумки на диван. Вещей очень много.

Эндрю. Блин! Что это за хрень?

Брайан. Ты всегда таскаешь с собой столько херни?

Эллисон. Да. Я всегда таскаю с собой столько херни в своей сумке. Никогда не знаешь, что может

понадобиться.

Брайан. Ты будешь, типа, как чокнутая тетка с магазинной тележкой из того фильма? Типа, сидеть в парке, говорить со зданиями, собирать бутылки... Носить мужскую обувь.

Эллисон. Я буду делать то, что должна.

Брайан. А почему ты должна что-то делать?

Эллисон. Моя жизнь дома... меня не удовлетворяет.

Брайан. Ты готова подвергать себя самым большим опасностям улиц Чикаго... потому что тебя не устраивает твоя жизнь дома?

Эллисон. Я же не должна убежать и жить на улице. Я могу убежать и отправиться кокеану... в деревню, в горы, в Израиль, в Африку... в Афганистан.

Брайан. Энди, приколись? Эллисон говорит, что хочет убежать... потому что жизнь дома неудовлетворительна.

Эндрю. Ну, никого не устраивает его жизнь дома. Если бы было иначе, люди вечножили бы со своими родителями.

Брайан. Да, я понимаю, но я думаю, что ее представление... о неудовлетворенности жизнью отличается от представления... таких парней как ты и я.

Эллисон. Не важно. Забудьте. Все прекрасно.

Эндрю. В чем дело?

Эллисон. Ни в чем. Нет никаких дел, спортсменов. Забудь. Оставь меня в покое.

Эндрю. погоди минуту. Ты носишь весь этот хлам в своей сумке. Или ты действительно хочешь убежать, или хочешь всем это внушить.

Эллисон. Да пошел ты!

Брайан. Она просто не с этой планеты, о*кей?

Эндрю встает и идет за ней.

Эндрю. Привет. Хочешь поговорить?

Эллисон. Нет.

Эндрю. Почему нет? **Эллисон.** Уходи.

Эндрю. Куда мне, по-твоему, уйти?

Эллисон. Уходи.

Эндрю разворачивается и Эллисон начинает плакать.

Эллисон. Это у тебя проблемы...

Эндрю. Да, и какие же?

Эллисон. Ты делаешь все, что тебе скажут! Это проблема!

Эндрю. Ладно. Но я не вытряхивал свою сумку на диван... и не вываливал на людей свои проблемы! Верно ведь? Так в чем дело? В чем? Все так плохо? Действительно плохо? Родители?

Эллисон. Да.

Эндрю. Обижают?

Эллисон. Просто не замечают.

Эндрю. Да. Да...

Эндрю. Что бы я сделал за миллион баксов? Думаю, как можно меньше.

Клэр. Это скучно.

Эндрю. Как же я должен ответить?

Клэр. Идея в том, чтобы исследовать границы твоего воображения. Ты бы приехал в школу голым?

Эндрю смеется.

Эндрю. А из машины выходить нужно?

Клэр. Конечно.

Эндрю. Это весна или зима?

Клэр. Не имеет значения. Весна.

Эндрю. С парадного входа или с заднего?

Клэр. Без разницы.

Эндрю. Да.

Эллисон. Я бы это сделала. Я согласна на всё сексуальное. И миллиона баксов не надо.

Клэр. Ты врешь.

Эллисон. Я уже делала. Я делала все, кроме нескольких вещей, которые считаются незаконными. Я нимфоманка.

Клэр. Врешь.

Брайан. Твои родители в курсе?

Эллисон. Я сказала только своему психоаналитику.

Эндрю. И что он сделал, когда ты ему сказала?

Эллисон. Он трахнул меня.

Клэр. Очень мило.

Эллисон. С юридической точки зрения, я думаю, его действия не могут быть расценены как изнасилование, потому что я заплатила ему.

Клэр. Он взрослый!

Эллисон. Да. И женат в придачу.

Клэр. Ты хотя бы представляешь, как это отвратительно?

Эллисон. Ну, только первые несколько раз...

Клэр. «Первые несколько раз»?! То есть это было неоднократно?

Эллисон. Конечно.

Клэр. Ты больная?

Брайан. Естественно, она больная. Она спала со своим психоаналитиком.

Эллисон. А ты когда-нибудь делала это?

Клэр. У меня даже психоаналитика нет.

Эллисон. А с обычным парнем?

Клэр. Разве мы это уже не обсудили?

Бендер. Ты так и не ответила на вопрос.

Клэр. Послушайте, я не собираюсь обсуждать свою личную жизнь с незнакомцами.

Эллисон. Это палка о двух концах.

Клэр. Что?

Эллисон. Если ты скажешь нет, то ты — синий чулок. А если скажешь да, то ты — шлюха. Это ловушка. Ты хочешь ответить, но не можешь. А если ты ответишь, то будешь жалеть об этом. Верно?

Клэр. Нет.

Эллисон. Или ты кокетка?

Эндрю. Она кокетка. Я уверен.

Клэр. Давайте просто забудем об этом?

Эндрю. Ты кокетка и ты знаешь это. Все девчонки такие!

Бендер. Она кокетка только для того, чтобы завести парня.

Клэр. Я не такая!

Эллисон. Поэтому ты и заводишь.

Клэр. Хорошо, тогда дай и мне задать несколько вопросов.

Эллисон. Я все уже рассказала.

Клэр. Тебя не беспокоит, что ты спишь с человеком без любви? Ты не хочешь уважения?

Эллисон. Я трахаюсь не ради уважения. В этом и разница между мной и тобой.

Клэр. Это не единственное различие, я надеюсь.

Бендер. Признай это. Ты кокетка.

Клэр. Я не кокетка!

Бендер. Конечно кокетка! Секс — твое оружие. Ты сама это сказала. Ты используешь его чтобы получить уважение.

Клэр. Я никогда этого не говорила. Она переврала мои слова.

Бендер. А для чего же тогда ты его используешь?

Клэр. Я его не использую и точка!

Бендер. О, так это физиологическая фригидность или психологическая?

Клэр. Я не это имела ввиду. Вы сами все придумали!

Бендер. Просто ответь на вопрос.

Эндрю. Будь честной.

Бендер. Подумаешь, фигня какая.

Брайан. Да, ответь!

Эндрю. Ответь на вопрос, Клэр. Поговори с нами.

Все парни. Давай же. Ответь.

Бендер. Это простой вопрос.

Клэр (*кричит*). Нет! Я никогда этого не делала!

Эллисон. Я тоже никогда этого не делала. Я не нимфоманка. Я — патологическая лгунья.

Клэр. Ты просто сучка! Ты специально это сделала чтобы выставить меня душой.

Эллисон. Но я не против этим заняться. Если любишь кого-то, это нормально.

Клэр. Я тебе не верю. Ты такая странная. То ты молчишь целый день. А потом, когда ты открываешь рот, ты выливаешь на меня всю эту ложь.

Эндрю. Ты так бесишься потому, что она заставила тебя признать то, что ты нехотела признавать.

Клэр. Ну и ладно, но это не делает ее менее двинутой.

Эндрю. Ну и что с того? Да все мы двинутые. Просто некоторые из нас лучше этоскрывают.

Клэр. И в чем же ты двинутый?

Эллисон. Он не может сам принимать решения.

Эндрю. Она права. Знаете, из-за чего я попал сюда? Я заклеил задницу Ларри Лестера скотчем.

Брайан. Так это был ты?

Эндрю. Да, ты его знаешь?

Брайа. Да.

Эндрю. Тогда ты знаешь, какой он волосатый. Когда скотч отодрали, на нем осталась большая часть его волос и немного кожи.

Клэр. О, боже.

Эндрю. Я долбанутый, потому что сделал это все... из-за своего старика. Я доставал этого бедного парня... потому что хотел, чтобы отец считал меня крутым. Он всегда рассказывал мне о своих проделках в школе, что они только не вытворяли. И у меня было чувство, что он разочарован, раз я никого не задираю. Ну вот я сижу в раздевалке, и обматываю колено, а Ларри раздевается в паре шкафчиков от меня. И он такой... Он такой худой, просто слабак. Я начал думать о своем отце... и о его отношении к слабости. А следующая вещь, которую я помню... я напрыгнул на него с воплями. А мои друзья просто смеялись и подначивали меня. И впоследствии, когда я сидел в офисе Вернона, все, о чем я мог думать - это об отце Ларри... как Ларри должен идти домой... и объяснять отцу, что с ним

произошло. И унижение... то гребаное унижение, которое он должен при этом чувствовать. Оно должно быть просто нереальным. Как можно оправдаться за что-то подобное? Да никак. И все из-за меня и моего отца. Господи, я просто его ненавижу. Он как... Он как бездушная машина, к которой я больше не хочу иметь никакого отношения. «Эндрю! Ты должен быть первым! Я не буду терпеть неудачников в этой семье. Все твои прошлые достижения - фигня! Побеждай! Побеждай! Побеждай!» Ты сукин сын. Знаете, иногда, я хочу сломать колено. Тогда я не должен буду больше заниматься борьбой. Тогда может отец обо мне забудет.

Бендер. Нашим отцам нужно встретиться, они поладят.

Эндрю посмеивается.

Брайан. Это как я со своими отметками... Когда я... Когда я... когда я смотрю на себя со стороны... И вижу себя... Мне не нравится то, что я вижу. Действительно не нравится.

Клэр. Что с тобой? Почему ты не нравишься себе?

Брайан. Звучит глупо, но... потому что я провалил труд. У нас было это задание... сделать керамического слона... И два месяца, чтобы это сделать... И я... мы должны были... Должно было получиться что-то вроде лампы. Тянешь за хобот и свет загорается. У меня свет не загорелся. Я за это двойку получил. Я в жизни не получал двойки. Когда я записался на тот курс... я думал, что умно поступил. Я думал: «Запишусь на труд. Это будет самый простой

путь... чтобы поднять мой средний балл.»

Бендер. С чего ты взял, что это будет легко?

Брайан. Ты видел тех дебилов, которые выбрали труд?

Бендер. Я выбрал труд. А ты просто гребаный идиот.

Брайан. Я идиот, потому что я не могу сделать лампу?

Бендер. Нет, ты гений потому что не можешь сделать лампу.

Брайан. Что ты знаешь о тригонометрии?

Бендер. Плевал я на тригонометрию.

Брайан. Без тригонометрии невозможно проектирование.

Бендер. А без ламп не будет света.

Клэр. Вы друг друга стоите... .

Эллисон чувствует себя покинутой.

Эллисон. А я умею писать пальцами ноги. Я так еще и есть могу, и зубы чистить...

Клэр. Ногами?

Эллисон. И на пианино играть.

Брайан. Я умею готовить. Могу сделать спагетти.

Клэр (Эндрю). А ты что умеешь?

Эндрю. Я могу ваши задницы друг к другу скотчем примотать.

Бендер. Я хочу увидеть, что Клэр умеет.

Клэр. Я ничего не умею.

Бендер. Но у каждого есть что-то особенное.

Клэр. Хотя, есть одна вещь... Забудьте. Это слишком стыдно.

Бендер. Видела «Дом два»? 16 лет одно и то же.

Клэр. Ладно. Вы должны Богом поклясться, что

не будете смеяться. Ладно. Не могу поверить, что делаю это.

Клэр достает помаду и открывает ее. Она помещает помаду между ее грудей и наносит ее с помощью декольте. Когда она поднимает голову, помада на губах выглядит идеально. Все хлопают. Бендер хлопает медленно и саркастично.

Эндрю. Круто! Где ты так научилась?

Клэр. Лагерь, седьмой класс.

Бендер. Потрясно, Клэр. Мое представление о тебе полностью изменилось.

Эллисон Ты говнюк. Не надо так с ней. Ты Богом клялся, что не будешь смеяться.

Бендер А я разве смеюсь?

Эндрю. Ну ты и мудак!

Бендер. А тебе не все равно, что я думаю? Я ведь даже не считаюсь, так? Я могу исчезнуть навсегда, и никто не заметит разницы. Как будто меня никогда и не было в этой школе. Помнишь? *(Клэр.)* А тебе я в любом случае не нравлюсь.

Клэр. У меня столько же чувств, сколько и у тебя. И мне также больно, когда кто-то их задевает.

Бендер. Господи, ты такая жалкая! Никогда не смей сравнивать себя со мной, о кей? У тебя есть все, а у меня – ни хрена. Гребаная Рапунцель! Школа может рухнуть от того, что ты в ней не появишься! Королевы-то с нами нет! Мне нравятся твои сережки, Клэр.

Клэр. Заткнись.

Бендер. Это ведь настоящие бриллианты, Клэр?

Клэр. Просто заткнись.

Бендер. Наверняка. Ты заработала деньги на них?

Клэр. Захлопни пасть.

Бендер. Или их тебе папочка купил?

Клэр. Заткнись!

Бендер. Да, точно — он и купил. И это точно был подарок на Рождество, так ведь? А знаешь, что я получил на Рождество? Это был первоклассный год для семьи Бендер. Я получил блок сигарет. Папаша сгрёб меня в охапку и сказал, «Подыми, Джонни!» Катись домой и поплачь своему папочке. Не рыдай здесь, окей?

Эндрю. Мы будем такими же как наши родители?

Клэр. Только не я... никогда.

Эллисон. Это неизбежно. Просто произойдет.

Клэр. Что произойдет?

Эллисон. Когда ты вырастешь... твое сердце умирает.

Бендер. Кого это волнует?

Эллисон. Меня волнует.

Брайан. Я тут подумал... В смысле... Я понимаю, это неподходящее время... но я просто подумал... а что будет в понедельник? Когда мы снова встретимся. Я считаю вас своими друзьями, ребята. Я не прав?

Эндрю. Прав.

Брайан. Так что произойдет в понедельник?

Клэр. В смысле, останемся ли мы друзьями? Если мы сейчас друзья?

Брайан. Да.

Клэр. Хочешь правду?

Брайан. Да. Я хочу правду.

Клэр. Я так не думаю.

Эллисон. Это ко всем относится или только к

Джону?

Клэр. Ко всем.

Эндрю. Всё это очень мило, Клэр.

Клэр. Будь честен, Энди. Если Брайан подойдет к тебе в понедельник, что ты сделаешь? Просто представь. Ты стоишь со всеми другими качками. Ты точно знаешь, что сделаешь. Ты здороваешься с ним, а когда он отойдет, ты будешь говорить гадости о нем своим друзьям, чтобы они не подумали, что вы дружите.

Эндрю. Нет уж.

Эллисон. Ладно. А что если я подойду к тебе?

Клэр. То же самое.

Бендер. Мразь!

Клэр. Почему? Я мразь, потому что говорю правду?

Бендер. Нет! Потому что ты знаешь, что с людьми так поступать нельзя! И тебе не хватает смелости чтобы сказать своим друзьям, что ты будешь дружить с теми, скем хочешь!

Клэр. А что насчет тебя, лицемер? Почему бы тебе не взять Эллисон на свой тошнотворный хеви-метал концерт? Или возьми Брайана на школьную стоянку травки покурить. Что на счет Энди? А что на счет меня? Что твои друзья скажут, если увидят нас вместе? Да они обосрутся от смеха! Но ты скажешь, что трахнул меня, чтобы они простили тебя за то, что видели нас вместе!

Бендер. Не говори о моих друзьях! Ты их не знаешь. Ты на них даже не смотришь. И ты уж точно никогда не снизойдешь до разговора и ними. Живи в своём мирке: магазины, маникюр, папашин БМВ... твоя

несчастливая, богатая мать-алкоголичка на Карибах...

Клэр. Заткнись!

Бендер. И не надо беспокоиться, что подумают, если в школе нас увидят вместе. Забудь! Этого никогда не случится! Засунь голову в песок и жди своего выпускного бала!

Клэр. Я ненавижу тебя!

Бендер. Да? Отлично!

Брайан. Я так понимаю, что Элисон и я гораздо лучше вас, ребята? Мы, чудаки? Ты так же поступишь со мной?

Элисон. У меня нет друзей.

Брайан. А если бы были?

Элисон. Нет. Я не думаю, что мои друзья стали бы возражать.

Брайан. Я хочу сказать вам, что я так никогда бы не поступил. Не поступил и не поступлю. Потому что я думаю, что это и вправду подло.

Клэр. Твои друзья не будут против, потому что они нам завидуют.

Брайан. Ты такого высокого мнения о себе, Клэр. Ты так высокомерна. Просто упиваешься собой. Почему? Почему ты такая?

Клэр. Я говорю это не из-за высокомерия. Я ненавижу постоянно думать, что скажут мои друзья.

Брайан. Тогда почему ты это делаешь?

Клэр. Я не знаю. Я не... Ты не понимаешь. Ты не... У вас другие друзья, не такие как у нас с Энди. Ты не понимаешь, под каким давлением мы живём.

Брайан. Чего я не понимаю? Я не чувствую давления, по-твоему? Так пошла ты! Пошла

ты! Знаешь, почему я здесь? Знаешь? Я здесь... потому что... Мистер Райан нашел пистолет у меня в шкафчике.

Эндрю. Зачем тебе пушка?

Брайан. Я пытался. Ты тянешь гребаный хобот... и должен зажечься свет. Но он не зажигается. В смысле, я...

Эндрю. Зачем пистолет?

Брайан. Забудь.

Эндрю. Ты сам начал.

Брайан. У меня не должно быть двоек. Не должно быть... родители не поймут. Даже если я буду получать только отличные отметки до конца семестра, средний балл все равно будет четверка. Для меня все кончено.

Клэр. Брайан...

Брайан. И какой у меня выбор?

Клэр. Самоубийство — это не выход.

Брайан. Так я же не сделал этого? У меня бы и не вышло.

Эллисон. Это был пистолет?

Брайан. Это был сигнальный пистолет. Сработал в моем шкафчике.

Эндрю. Правда?

Эндрю начинает смеяться

Брайан. Это не смешно.

Все начинают смеяться, включая Брайана.

Брайан. Ну да, смешно... Проклятый слон разлетелся на куски.

Эллисон. Знаете, что я сделала, чтобы попасть сюда? Ничего. Мне просто нечего было сделать. Вы смеетесь

надо мной.

Эндрю. Нет!

Эллисон. А вот и да.

Играет Karla DeVito – We Are Not Alone.

Клэр. Брайан?

Брайан. Угу?

Клэр. Ты будешь писать своё сочинение?

Брайан. Да, а что?

Клэр. Тебе не кажется, что каждому из нас нет смысла писать сочинение?

Брайан. Но Вернон хочет, чтобы мы это сделали.

Клэр. Верно, но я думаю мы бы все равно написали примерно одинаково.

Брайан. Ты просто не хочешь писать своё сочинение, так?

Клэр. Так, но... ты же самый умный, так?

Брайан. Ну...

Клэр. Мы доверяем тебе.

Брайан смотрит на Эллисон и Эндрю, которые одобрительно кивают.

Эндрю. Да.

Брайан Ладно. Я это сделаю.

Клэр. Отлично.

Клэр смотрит на Эллисон, которая смотрит в ответ.

Клэр. Пошли.

Эллисон. Куда мы идем?

Клэр. Пошли.

Клэр красит косметикой Эллисон.

Клэр. Не бойся.

Эллисон. Не ткни этим в мой глаз.

Клэр. Не ткну. Просто... Сделай так. Отлично.

Эллисон взвизгивает.

Клэр. Ты выглядишь лучше без всей этой черной дряни на глазах.

Эллисон. Эй, мне нравится эта черная дрянь.

Клэр. Так смотрится гораздо лучше. Посмотри наверх.

Эллисон (*сопит*). Хватит... Почему ты так добра со мной?

Клэр Потому что ты позволяешь мне это.

Клэр заходит в кладовку к Бендеру.

Бендер. Заблудилась?

Клэр смотрит на него. Бендер улыбается. Клэр улыбается.

Эллисон идет по библиотеке, проходя мимо Брайана, который пишет эссе. Эндрю смотрит на нее и трепещет. Брайан смотрит на Эллисон с открытым ртом. Она смотрит на него.

Брайан. Круто!

Эллисон. Спасибо.

В кладовке, Клэр целует Бендера, затем прекращает.

Бендер. Почему ты это сделала?

Клэр. Потому что знала, что ты не сделаешь.

Бендер. Помнишь, как ты сказала, что твои родители просто используют тебя, чтобы досаждать друг другу? Я не заменю тебя в этой роли?

Клэр. Мой трюк с помадой действительно вызвал у тебя отвращение?

Бендер. Правду сказать?

Клэр. Правду.

Бендер кивает и говорит одновременно.

Бендер. Нет.

Брайан держит эссе в руках и целует его.

Эндрю. Что с тобой произошло?

Эллисон. Что? Это Клэр сделала. Что-то не так?

Эндрю. Все так. Просто... Ты совсем другая. Я могу видеть твое лицо.

Эллисон. Это хорошо или плохо?

Эндрю. Хорошо.

Эллисон улыбается. Брайан смеется и победно бьет себя в плечо. Все пятеро идут по коридору и встречают Карла, убирающегося. Брайан кивает ему.

Карл. Увидимся, Брайан.

Брайан. Увидимся.

Бендер (*Карлу*). До следующей субботы.

Карл. Не сомневаюсь.

Играет Simple Minds – Don't You (Forget About Me)

Дорогой мистер Вернон! Мы смирились с тем, что должны убить целую субботу в наказание за свои поступки. Но мы думаем, что вы спятили, раз попросили нас написать эссе и рассказать вам, кем мы являемся по собственному мнению. Вы видите нас такими, какими хотите видеть, в наиболее простых и удобных для вас определениях. Но мы выяснили, что каждый из нас и Ботаник... И спортсмен... И Психопат... И Принцесса... И Преступник. Разве это не ответ на ваш вопрос?

*Перевод с английского Дмитрия Жильникова
Сценический вариант Александра Минина*

**Василий
ШКВАРКИН
(1894 - 1967)**

Драматурга Василия Шкваркина в начале советской эпохи называли «королем комедии». Его самая известная пьеса «Чужой ребенок», написанная в 1933 году, побила все рекорды по числу постановок, только в год создания была поставлена пятьсот раз!

Пьеса-водевиль «Лира напрокат» (1928 год), которую мы публикуем в этом номере журнала, наполнена язвительной иронией по отношению к идее призыва «Ударников — в литературу». Ряд современных Шкваркину писателей восприняли пьесу как прямое высмеивание их персон, на автора стали писать жалобы и доносы, пьесу жестко критиковали. В результате она не была ни поставлена, ни напечатана.

Редакцию журнала привлекло в пьесе еще и то, что она написана ярким живым языком и демонстрирует знание театральных законов и виртуозное владением профессией драматурга.

Василий Шкваркин

ЛИРА НАПРОКАТ

*водевиль в трех действиях, шести картинах с
интермедиями*

Действующие лица

Митя Сизов, монтер и драматург.

Люба, его жена.

Анна Петровна Благовидова — мать Любы.

Гномов, управдом.

Сатурн Иванович, директор театра.

Юнона Антоновна, актриса, жена директора.

Грааль-Гаремная, молодая актриса.

Галунов, швейцар и член художественной комиссии в театре.

Саша Быстрый, заведующий литературной частью и журналист.

Трагик.

Комик.

Любовник.

Старая актриса.

Помощник режиссера.

Агент фининспектора.

Авторы (в интермедии).

Актеры, актрисы и рабочие в театре.

Соседи Сизова по квартире.

Девушка из мастерской.

Балетоман.

Пролог

Отживших и живущих маски
 Свел вместе этот водевиль.
 Отсюда — часто неувязки,
 И много раз нарушен стиль:
 От старого у нас — кулисы,
 Интрига, ревности костер,
 Любовник, трагик, две актрисы;
 От современности — монтер.
 Его зовут Сизовым Митей,
 Он жил, работал и любил,
 Но ряд трагических событий
 Чуть-чуть его не погубил.
 Как перестал он быть монтером —
 Я б рассказать, конечно, мог...
 Но лучше слово дать актерам,
 А я... я только лишь пролог.

Действие первое

Картина первая

Анна Петровна (*оглядываясь на Митю. Громко*).

Смотрю я, Люба, на твоего мужа, и так мне тебя жалко становится...

Люба. Опять вы, мамочка...

Анна Петровна. Не разговаривай: эта шляпка молчаливой неприступности требует. Больно несчастные у нас в родне бывали, один даже в партии состоял, но от писателей бог миловал.

Люба, улыбнись в пандан¹ ленточке.

Люба. Во время неприятностей я улыбаться не могу.

¹ pendant(*франц.*) – в тон.

Анна Петровна. Слышите, до чего жену довели.

(*Молчание.*) Молчит, сидит, пьесы сочиняет...

Писатель... На писателя человек с колыбели учиться должен, а вы на монтера раньше готовились.

Митя. «Раньше...» Спросите у самого Льва Толстого, чем он раньше занимался. На кавказском фронте золотопогонником был. Да знаете ли вы, что даже великий Ломоносов до двадцати лет на пляже Белого моря беспризорником бегал.

Анна Петровна. «Ломоносов» — одна кличка чего стоит... Вы бы еще каких бандитов назвали.

Люба. Вы хотите, чтобы Митя все бросил и у вас в шляпном магазине двери открывал.

Анна Петровна. Зачем двери? Вот у меня до прошлого года компаньоном был Саша Чернявский. Помнишь?

Так он, бывало, и материал закупал, и отделку подбирал... Будь у меня сейчас такой помощник...

Люба. Оставьте, мамочка. Может быть, у Мити на литературу мировые способности есть.

Анна Петровна. С мировыми способностями люди до ста рублей в месяц зарабатывают, а он что получил? Из каждого театра по одному отказу.

Гномов. Соседям почтение. Где-то здесь на ваш адрес письмо было.

Анна Петровна. Гражданин Гномов, хоть бы вы на Дмитрия Николаевича повлияли.

Гномов. Пьет?

Анна Петровна. Хуже: пьесы сочиняет.

Гномов. Вы в домовый книге монтером прописаны, а сами потихоньку пьесы сочиняете. А разрешение на сочинительство имеете? Как. Где. Про кого пишете.

Митя. А вам что? Поэтический порыв взять на учет невозможно.

Гномов. Нет, можно-с. Вот в первый номер, например, одна барышня переехала. Я, говорит, поэтесса-беспредметница. И действительно, в комнате хоть шаром покати. Хорошо. Только познакомилась она с инженером из восьмой квартиры, а дня через два, гляжу, ей полную обстановку привезли. Я не вытерпел. Иду. Какая же, говорю, вы после этого беспредметница? – А кто же я, по-вашему? – Иждивенка, вот вы кто, говорю.

Митя. Какое же отношение это имеет ко мне?

Гномов. А такое, что в доме ни писать, ни сочинять частным лицам не разрешается.

Митя(уходя). Люба, когда он уйдет, ты меня позови.

Люба. Товарищ Гномов, зачем вы вмешиваетесь в гущу семейной жизни.

Гномов. Любовь Ивановна, я при вашей мамаше скажу: ваша забота – моя забота, ваш интерес – мой интерес, ваш супруг – мой супруг, но когда вы в нем разочаруетесь, постучите только мне в стенку. Понятно. А пока – почту примите.

Люба(в дверь). Митя, Митя, тебе письмо.

Митя. Из театра... *(Вскрывает.)* «Ваша пьеса...» Люба, ущипни меня. Крепче.

Анна Петровна. Целый год замужем, и того не умеет.

Митя. «Ваша пьеса принята к постановке... Сегодня в пять часов зайду к вам для личных переговоров. Заведующий литературной частью – Саша Быстрый». Читайте, Люба, Анна Петровна...

Анна Петровна. Может, почтальон адресом ошибся?

Люба(беря конверт). «Драматургу Дмитрию

Николаевичу Сизову...»

Митя. Драматургу...

Драма-тургу. Дра-ма-тургу.

Анна Петровна. Что ж это будет?

Митя. А то, что я теперь исключительно искусственным трудом заниматься стану и про каждое темное явление жизни немедленно сочиню какую-нибудь гадость в пяти актах.

Анна Петровна. Неужто и родственников не пожалеете?

Митя. Другой бы на моем месте вас первую вывел на сцену, сорвал бы с вас мещанские покровы и бичевал на глазах у всех трудящихся, но я снисходителен. Убрать отсюда обывательские головные уборы!

Люба, наша жизнь кончилась, и началась биография. Сейчас сюда придет высококультурная личность, верхушка интеллигенции, можешь ли ты вести с ним театральный разговор?

Люба. Конечно, могу. Я сама чуть было городское не кончила, только по географии провалилась: не могла на карте тиранию в Афинах показать.

Митя. И вообще держись так, как будто родилась женой писателя.

Люба(сядась). Так?

Митя. Э, нет... Ты должна сидеть не физически, а... (*достает из кармана книжечку и смотрит*) психически. (*Показывает.*) Вот так, чтобы душа проглядывала...

Люба. А ты разве уйдешь?

Митя(захватывая клетчатую куртку). Я сейчас, только литературную внешность надену. Да, не вздумай

ему сказать, что я монтер, пусть считает, что я такой же театральный деятель, как и он. Я недаром все интеллигентные слова выучил.

Гномов. Вас из театра спрашивают.

Люба. Сейчас, сейчас...

Саша.

Всегда в работе театральной
Неудержимо быстрый бег,
И нужен здесь универсальный,
Универсальный человек.

Работник я по всякой части,
Не пропускаю ничего.
Я на все руки скорый мастер
Во всем, для всех и для всего.

Давать советы режиссеру,
Сейчас быть здесь, а после там,
К электротехнику, к монтеру,
К директору и сторожам.

Советник по делам культуры,
В искусстве форменный мудрец,
Но в области литературы
Я самый изощренный спец.

Всегда в работе театральной
Неудержимо быстрый бег,
И нужен здесь универсальный,
Универсальный человек.

Саша(кланяясь). Здравствуйте.

Люба. Здравствуйте.

Саша. Если мне не изменяет зрение, вы – Люба Благовидова.

Люба. Саша... Чернявский... Господи... Мама еще сегодня вспоминала, как вы ей приклад на шляпы поставляли.

Саша. Я вас тоже вспоминал. Но скажите, как вы попали в квартиру драматурга Сизова?

Люба. Я – драматургова жена, а квартира эта – мамина.

Саша. Вы. Жена драматурга. Даже не верится.

Люба. Сами увидите. К нам сейчас из театра заведующий литературной частью – Саша Быстрый придет.

Саша. Он уже пришел.

Люба(оглядываясь). Где?

Саша. Вы не туда смотрите. Саша – это я, а Быстрый – мой псевдоним.

Люба. А что такое псевдоним?

Саша. Псевдоним?.. Это вроде фальшивого паспорта. Любочка, только не передавайте супругу, что вы меня еще по магазину знали, пускай думает, что я такой же интеллигент, как и он. Кстати, ваш муж давно занимается литературной деятельностью?

Люба. Очень давно, с самой осени.

Саша. В какой же форме он больше пишет?

Люба. Он просто в пиджаке работает. Саша, вы лучше про себя расскажите. Как это вы из шляпного магазина прямо в театр шагнули?

Саша. Вовсе не прямо: сначала я занимался мануфактурой, потом был немножко ювелиром, здесь из-за пробы на часах в моей карьере наступил

перерыв... на три месяца... но передачи допускали, и уже после перерыва – театр.

Люба. Удивительно.

Саша. Ничего удивительного нет. Я зашел предложить свои услуги по костюмерной части, но по костюмерной части все занято, зато по литературной части – свободно. Почему же мне не занять это место? Я, слава богу, не интеллигент, с литературой ничего общего не имею, и вот я одной ногой устроился в театре.

Люба. А где же вы другой ногой?

Саша. Другой ногой – я работаю в газете. (*Вынимает газету.*) Вот моя статья о пробеге вокруг Москвы. Я здесь доказываю, что каждый гражданин должен уметь бегать на случай войны. Кроме того, скажу по секрету, я уже пьесу сочиняю.

Люба. Революционную?

Саша. До того революционную, что, когда пишу, даже сам краснею.

Люба. Расскажите, пожалуйста.

Саша. Почему нет? Первое действие начинается так... За сценой, конечно, стреляют, а на сцене – комната.

Люба. С отоплением?

Саша. В моей пьесе тепло. Зритель видит, как в открытое окошко льется дивный аромат...

Люба. Ах, публике это должно понравиться!

Саша. Правда, захватывающий сюжет? Дальше будет еще интереснее. Молодая женщина сидит на кушетке и молча колеблется... принять революцию или не стоит.

Люба. Сразу видно, что вы самородок.

Саша. Вдруг – входит положительный тип и несет на своем лице следы войны и разрухи. Он берет ее за

руку... (*Берет Любу за руку.*) и говорит: милая... Он вообще долго и красиво говорит. А дальше я еще не придумал.

Саша. Саша Быстрый. Вероятно, слышали?

Митя. Нет, извините, не слышал.

Саша. Что ж вы сконфузились, мне так все отвечают. Родная стихия... Ваша драма принята к нам в театр, но требуют кое-каких изменений. Каркас пьесы сделан хорошо. Только надо (*Поворачивает шляпу.*) кое-где прибавить отделки, немножко оттенить, осветить...

Митя. Осветить? Ну нет, насчет освещения у меня все правильно.

Саша. Одним словом, я готов вам помочь.

Ах, пьесу писать так приятно!

Люба. Мечтой унесемся мы ввысь!

Митя. Мне что-то совсем непонятно,
Зачем они вместе сошлись?

Саша. Трудиться мы будем все трое.
Успех обеспечен делам.

Люба. Мы с Сашею пьесу устроим.

Митя. Не надо – попробую сам.

Саша. Я буду соавтор. (*Любе.*) Вы – муза.

Люба. Мы сразу привыкнем к труду.

Митя. Соавтор в работе обуза,
а пьесу я сам проведу.

Саша. Значит, я буду к вам заходить по вечерам, ваша супруга нам тоже поможет.

Митя(*отводя Любу в сторону*). Уже. (*Саше.*) Моя супруга нам помогать не может.

Саша. Но почему?

Митя. У нее по вечерам... голова болит.

Люба. У меня голова не болит.

Митя. Мне лучше знать. А кроме того, я привык работать один.

Саша. Не забывайте, что все великие люди писали вдвоем: Мамин работал с Сибиряком, Мельников с Печерским, Щепкина с Куперником... а Достоевский... Он тоже был за коллектив и даже сочинял всё во множественном числе: «Братья Карамазовы», «Бесы», «Идиоты»... Ой, целый роман из жизни идиотов!

Люба. Интересно?

Саша. Мне одна барышня рассказывала, так я хохотал...

Люба. Может быть, и у тебя с Сашей выйдет что-нибудь веселенького.

Митя. Веселенькое... Но почему тебе хочется, чтобы мы работали вместе, и вообще... (*Саше.*) Не подумайте, что я ревную.

Саша. Пожалуйста, работайте один. Последний вопрос. Где вы получили образование?

Митя(*вспоминая с трудом*). Сначала – в мужской классической гимназии...

Саша. Где, где?... Ах да, слышал. (*Записывает.*) А потом где учились?

Митя. На фи-зи-оло-ги-ческом факультете.

Саша. На фи... (*Передавая блокнот,*) Запишите, пожалуйста, сами.

Митя. Я просто напишу: учился на альма матер.

Саша. Спасибо. До свидания в театре. Виноват, а детки у вас есть?

Митя(*сердито*). Нету, нету.

Саша. Не надо отчаиваться: у моих родителей тоже долго не было детей, зато когда я появился – вот была

радость.

Митя. Я думаю.

Люба. Почему ты с ним был так нелюбезен?

Митя. Зато ты с ним была слишком любезна. О чем вы с ним разговаривали?

Люба. Сначала он про комнату на сцене рассказывал.

Митя. Значит, комнатой соблазнял. Дальше.

Люба. А дальше – взял меня за руку и действительно сказал одно неприличное слово.

Митя. Какое слово?

Люба. Вы, говорит, милая.

Митя. А потом?

Люба. А потом он вообще долго и красиво говорил.

Митя. Неужели ты меня к Саше ревнуешь?

Митя. Люба, не вступай на эту страшную дорогу.

Сначала он предоставит тебе роскошную комнату.

Потом эта комната наполнится элегантными самцами, готовыми исполнить малейший твой каприз, и тебе никогда не придется больше работать. Понимаешь, какой это ужас?

Люба. Понимаю. Расскажи мне еще об этом ужасе.

Митя. На сегодня ты и так достаточно напугана. Мне в театр пора.

Люба. погоди, я на твое счастье загадаю. Ты сам строчку назови.

Митя. Я, конечно, не верю... Ну, вторая сверху.

Люба(открывает, читает). «В таком случае человек лишается возможности принимать пищу и его ждет голодная смерть». Неужели мы умрем с голоду?

Митя. Среди писателей это самая модная смерть. Ну, кто тебя просил! *(Передразнивая.)* «Загадаю... на твое

счастье...»

Хочет идти.

Люба. Нет, нет, еще раз. (*Открывает, читает.*) «При воспалении брюшины...»

Митя. Стой! Как эта книга называется?

Люба(*смотрит*). «Домашний лечебник».

Митя. Ты бы мне еще на Уголовном кодексе загадала.

Сосед. Куда, куда вы?

Барышня. Подождите.

Гномов. Стой, драматург, без лишних слов.

Митя. Но я же занят...

Барышня. Митя. Митя!..

Митя. Ну что ж, я слушать вас готов.

Старуха. Для вас забыла стирку, варку.

Барышня. Мечтаю я о вас одном...

Гномов. Митюша, друг мой... контрамарку...

Барышня. Черкните, Митя, мне в альбом.

Старуха. Желаю счастья.

Барышня. Многолетья.

Люба. Гул похвалы.

Старуха. Приветствий гром.

Гномов. Так не забудь же про билеты.

Барышня. И напишите мне в альбом.

Хор. Друг наш Митюша, все мы к тебе.

Радости нашей не скроем.

Голос(*из телефона*).

Братья-писатели! В вашей судьбе

Что-то лежит роковое^{238}.

Интермедия первая

Митя. Здравствуйте.

Галунов. Вы от кого?

Митя. Я ни от кого. Я сам – драматург, автор.

Галунов(заглядывая). А где же остальные?

Митя. Кто остальные?

Галунов. Авторы. Теперь они меньше как по трое с одной пьесой не ходят.

Митя. Это почему же?

Галунов. Да уж не знаю. Жутко им, что ли, поодиночке либо стыдно, только они, чтобы пьесу сочинить, в шайки собираются.

Митя. Ну нет, я один сочиняю.

Галунов. Конечно, если совесть позволяет, можно и одному.

Вы куда?

Митя. Мне надо директора театра видеть.

Галунов. Придется обождать.

Митя. Разве его нету?

Галунов. Зачем нету, здесь.

Митя. Занят?

Галунов. Зачем занят, свободен.

Митя. Ну?

Галунов. Я и говорю, обождать придется.

Митя. Зачем же я буду ждать?

Галунов. А для порядку. Который драматург опытный, он приучен: ни слова не говоря, прямо ждать садится. Вы верно, новичок, а я двадцать пять лет искусством занимаюсь.

Митя. Значит, по старинке живете.

Галунов. Слава богу, наш театр, не в пример другим, кое-как еще держится. Да и то... Разве можно с

прежним сравнить. И публика нынче пошла. Вчера один зритель прибежал, на нем и одежды всего – кепка. Кепку на вешалке оставил, номер взял, а после спектакля и пальто, и калоши себе требует: я, говорит, раздевался. А прежде, бывало, в каких мехах в театр ездили... Примешь такие соболя, снег отряхнешь, повесишь, да шубе-то еще поклонись... Сунулся я раз к одному купцу с номерком, а он номера не взял и обиделся: ты, говорит, мою шубу должен в лицо знать. Правильно. Глянешь, бывало, на вешалку – и видишь: одежды разные, как люди, между собой разговаривают. Здесь шуба с дамским пальтом под ручку взялись. Здесь – другая к ротонде склонилась: нашептывает. Вот редингот у каракулевого сака ручку целует, а там шинель гусарская подбоченилась, над бобрами голову закинула и ничего на свете не признает. Тьфу. Даже, как духами пахло, вспомнил... А теперь что. Одежонка серая, смрадная... пхаешь ее на гвоздь безо всякого уважения и сидишь сам, как на барахолке. Нет. Погибло искусство.

Картина вторая

Сатурн. Где же художественная комиссия?

Саша. Я здесь.

Сатурн. А остальные?

Попроси сюда членов комиссии.

Галунов. Они больные.

Сатурн. Зови кандидатов.

Галунов. Кандидаты мы.

Сатурн. А ты грамотный?

Галунов. Меня еще в позапрошлом годе ликвидировали.

Сатурн. Ну хорошо. Садись.

Галунов. Ничего, мы постоим.

Саша. Стоя заседать нельзя.

Сатурн. Автор приходил?

Галунов. Там вас один спрашивал, только я ему велел у вешалки дожидаться. Мужчина какой-то.

Сатурн. Неужели вы не можете автора от мужчины отличить? Зовите его сюда.

Галунов(*подходя к кулисе*). Цсс... цссс...

Ноги вытирайте.

Саша(*рекомендует*). Драматург Сизов. Сатурн Иванович, наш директор. Товарищ Галунов... культурник – вообще.

Сатурн(*приглашая жестом садиться*). Мы ставим вашу пьесу, но давайте говорить без дураков.

Галунов(*вставая*). Мне уйти?

Саша. Это про других дураков.

Сатурн. Скажу прямо: ваша пьеса требует маленьких изменений. (*Перелистывая экземпляр.*) В начале... в середине... ну, и в конце. Начнем с названия: «Наше горе». Ну, кто пойдет смотреть на ваше горе, когда у публики и своего хоть отбавляй. Вот висит афиша на заборе. Какие на ней должны быть слова?

Галунов. И слова должны быть заборные.

Саша. Название должно поражать и очаровывать. Например: «Святая ночь, или В когтях архиерея».

Галунов. Историческая тоже у нас шла: «Гризетка Святополка Окаянного».

Сатурн(*перелистывая*). Дальше. У вас выведен отрицательный тип. Он грабит свою тетку и скрывается. Этого мало. Уступая вкусам публики, мне бы хотелось эту тетку, например, убить, изнасиловать...

Митя. Уж очень... все сразу.

Галунов. Зачем сразу. Изнасиловать можно во втором акте, а убить в четвертом.

Митя. Хорошо, попробую.

Сатурн(к членам комиссии). Может быть, есть еще замечания?

Саша. Было бы желательно вывести побольше типов, родственных нам самим, например шантажистов...

Митя. Зачем же?

Саша. Это имеет воспитательное значение.

Сатурн. Пройдите в буфет, сейчас у нас урок ритмической гимнастики.

Грааль. Вы опять будете на нашем уроке?

Сатурн. Роднуша... голубонька... (*Преподавателю.*)

Сегодня я сам хочу принять участие.

Преподаватель. Пожалуйста. Прошу занять место.

Сатурн. Роднуша... Голубонька... Ручку... Плечико...

Что же вы про новую пьесу не спросите?

Грааль. Что же про нее спрашивать. Наверное, опять на сцене мужики с выстрелами.

Сатурн. Ни одного мужика, и один только выстрел.

Грааль. И для меня роль есть?

Сатурн. Главная. Вы будете играть племянницу аристократки, хищницу девятнадцати лет. Идея пьесы заключается в том...

Грааль. А действие летом или зимой?

Сатурн. И летом, и зимой... Идея пьесы заключается...

Грааль. А танцы есть?

Сатурн. Весь четвертый акт на танце держится. И для ваших ножек такие выигрышные места есть... Идея пьесы...

Грааль. А костюмы?

Сатурн. Роскошный вечерний – раз... Для эксцентрического танца – два, и дома купальный халатик – три.

Грааль. Не хочу халатик: он не обрисовывает.

Сатурн. Халатик на психологической подкладке, совсем распахнуться может. Я эту пьесу только для вас и взял.

Грааль. Ну, мерси, мерси.

Сатурн. Ручку... Плечико.

Грааль. А ваша супруга в этом спектакле занята?

Сатурн. Как это вы одним словом человека расхолодить умеете. Она будет вашу тетку играть.

Голос Юноны. Сатурн Иванович. Турочка.

Сатурн. Накликали.

Юнона. Турочка, я должна тебя поблагодарить.

Сатурн(оправдываясь). Кажется, не за что.

Юнона. Наконец-то ты нашел пьесу, о которой я мечтала.

Сатурн. Ах да, да, это верно.

Юнона. Я сегодня утром просмотрела, там одна роль как будто специально для меня написана.

Сатурн. Это какая роль?

Юнона. Конечно, племянницы.

Сатурн. Бог с тобой, Юночка, ты не вчиталась. Тебе надо тетку играть. Ты прирожденная тетка.

Юнона. Нет, тетка меня не греет.

Сатурн. Начни репетировать, и ты прямо загорись теткой.

Юнона. Я буду играть племянницу.

Сатурн. Юночка, но у тебя для племянницы и данных нет. У автора сказано: «изломанная хищница

девятнадцать лет». Похоже это на тебя?

Юнона. Я отлично хищницей загримируюсь.

Сатурн. Пойми, наконец: ты подростков играть не можешь.

Юнона. Двадцать лет играла, а теперь не могу.

Сатурн. Юночка...

Юнона. Я играю племянницу.

Сатурн. В таком случае знай: роль племянницы я уже отдал.

Юнона. Отдал?

Сатурн. Зачем тыходишь, я и оттуда слышу.

Юнона. Кому отдал?

Сатурн. Это не важно.

Юнона. Кому отдал, я спрашиваю.

Сатурн. Ну, Грааль-Гаремной.

Юнона. Теперь мне все ясно. Я давно замечаю...

Гаремная для вас и изломанная, и хищница, и подросток... Говорите лучше прямо: любовница.

Сатурн. Юночка, уверяю тебя...

Юнона. Пока роль племянницы не будет у меня в руках, я ничему не поверю.

Сатурн. Не могу же я отнять у актрисы роль и передать собственной жене.

Юнона. Чужой жене можно, а собственной нельзя? Я требую.

Сатурн. В таком случае обратимся к художественной комиссии. Пусть она скажет — кто из вас тетка, кто племянница.

Юнона(*после паузы*). Я согласна.

Сатурн. Попросите сюда комиссию и актрису Грааль-Гаремную.

А ты не боишься, что над тобой громко улыбаться станут?

Юнона. Посмотрим.

Сатурн. Товарищи. Роль племянницы в новой пьесе я передал Грааль-Гаремной, но моя жена тоже претендует на эту роль, итак, явились две кандидатки: с одной стороны, Грааль-Гаремная, а с другой – моя жена, и наша проблема...

Галунов. Виноват. Значит, выходит не две, а три кандидатки.

Саша. Ну, где же вы набрали три?

Галунов(*считая по пальцам*). Грааль-Гаремная – раз, ихова супруга – два, и наша проблема – три.

Саша. Вы думаете, проблема – тоже актриса?

Проблема – это... Одним словом... Ну, я вам потом объясню. Товарищ директор, ввиду огромной разницы в интеллектах членов комиссии прошу выражаться прозрачнее.

Сатурн. Главная роль – одна. А кандидаток две: моя жена и моя... Грааль-Гаремная.

Саша(*Годунову*). Чего же вам еще прозрачнее?

Сатурн. Прошу выбрать достойнейшую, отнюдь не считаясь с родственными отношениями. Так как роль племянницы наполовину построена на танце, я предлагаю конкуренткам исполнить какой-нибудь хореографический номер.

Грааль. Я согласна.

Юнона. Я тоже не боюсь, но я устала: целый день на каблуках.

Грааль. Моя мама тоже от высоких каблучков утомляется.

Юнона. Ваша мама вообще, вероятно, не привыкла к обуви.

Грааль. Что-о?..

Саша. Мадам, мадам, не будем к чистому искусству примешивать мамашины башмаки. Кто начинает?

Грааль(уступая место Юноне). По старшинству.

Юнона. Девчонка.

Грааль. К сожалению, не могу вам ответить тем же.

Сатурн(хлопая в ладоши). Юночка, мы ждем.

Галунов. Испить не угодно ли?

Юнона(задыхаясь от усталости). Я ничуть, ничуть не устала.

Грааль. Вы позволите?

Сатурн. Просим, просим.

Галунов. Что здорово, то...

Сатурн(очень довольный). Дабы не стеснять суждения художественной комиссии, участницы конкурса и я удаляемся. Помните, мы ждем от вас только справедливости.

Саша. Не беспокойтесь, я все понимаю.

Саша(Годунову). Что же вы об этом думаете?

Галунов. Тут и думать нечего, все ясно.

Саша. Я бы хотел знать, что именно для вас ясно. Что вы хотите сказать дирекции.

Галунов. Так и сказать: Грааль-Гаремная чище пляшет.

Саша. Ну, так после этого вы сами еще чище запляшете. У вас никакой подготовки к общественной деятельности.

Галунов. Я в комиссию не просился, меня дирекция выдвинула.

Саша. Вчера она вас выдвинула в комиссию, а завтра

она вас выдвинет на улицу. На кого вы подымаете голос? На жену самой дирекции. Вы – храбрец. Вы, вероятно, сражались на фронтах.

Галунов. Сатурн Иванович сами сказали: «Не считаясь с родственными отношениями».

Саша. А по-вашему, он должен был сказать: назначьте мою жену, да? Шевельните вашим интеллектом: роль племянницы уже была отдана Гаремной. Так?..

Галунов. Так.

Саша. Зачем же тогда понадобились мы? Ясно: чтобы отнять роль у Гаремной и передать директорской жене.

Галунов. Сатурн Иванович сами велели, чтобы «по совести».

Саша. Да. В частной жизни вы можете поступать по совести, но в общественной – никогда.

Галунов. Как же я. Чуть директорскую жену не обидел. Вы уж, товарищ Быстрый, не рассказывайте. Я тоже за Юнону Антоновну. Сейчас объявим.

Саша. Что вы хотите объявить?

Галунов. Как что? Решение комиссии.

Саша. Где оно? Нет, вас надо посадить на первую ступень.

Вот, перепишите, я уже набросал. Может быть, вы даже не знаете, что такое протокол?

Галунов. Когда я на вешалке служил, на меня из-за калош два раза составляли.

Саша. Вешалка... Галоши... Выкиньте эти галоши из головы раз и навсегда. Переписывайте: слушали налево и постановили направо.

Ой, вы, по-видимому, с гигиеной даже не ночевали.

Галунов. С гигиеной? Не приходилось.

Саша. Вас совершенно не задело Октябрем.

Галунов. Бог миловал.

Саша. Довольно. Ваш язык уже повис над пропастью. Зовите. Я прочту по черновику.

Галунов. Пожалуйста.

Сатурн(Грааль). Удивительно, жена так легко согласилась на конкурс, но что с ней будет, когда она услышит решение комиссии.

Саша. Протокол заседания художественной комиссии. *(Читает.)* Заслушав исполнение танцев, комиссия была подавлена достижениями супруги директора, которая воплотила в себе всю безыскусственность нашей новой деревни. Напряжение, с которым маститая актриса двигалась по сцене, близко и понятно всем трудящимся, так же в поте лица добывающим свой хлеб.

Сатурн. Позвольте, кому же вы отдаете предпочтение?

Саша. Успокойтесь, вашей супруге.

Грааль(Сатурну). Вы что же, издеваетесь надо мной? Не посмели послушаться жены. Кого вы хотели обмануть? Зачем собрали эту идиотскую комиссию?

Саша(Годунову). Это про вас.

Грааль. Чтобы заставить меня плясать под ее дудку?..

(Указывая на Юнону.) Никогда. Пусть она играет племянницу, пусть публика увидит, какие ноги танцуют на сцене по директорской протекции. А я – я знаю, что мне делать.

Юнона(выждав, пока Грааль не скрылась, подходит к кулисе). Вон, и ни слова больше.

Саша. Поздравляю вас, Юнона Антоновна. Не угодно ли, я вас познакомлю с автором?

Юнона. Он здесь?

Галунов. В буфете дожидается. Позвать?

Юнона. Нет, нет, я сама.

Саша(*Сатурну*). Вас тоже можно поздравить.

Сатурн. Вот я сейчас тебя поздравлю... Вы что?..

Взятку с жены взяли? Чем вас Юнона подкупила?

Саша. Если бы я не был самым собой, я бы обиделся.

Сатурн. Вон из театра. Галунов, чем вам Грааль-Гаремная не понравилась?

Галунов. Очень понравилась, только мы... для вашей супруги старались.

Сатурн. Я от вас правды, правды ждал.

Саша. Правды? От нас? Не может быть.

Юнона. Присядем здесь. (*Садится.*) Вы слышали, я в вашей пьесе играю племянницу.

Митя. Вы? Племянницу?

Юнона. Не благодарите. Сначала я категорически отказывалась, но собрали целую комиссию, просили, и в порядке товарищеской дисциплины я согласилась.

Митя. Если вы племянница, то какая же у вас тетка будет?

Юнона. Поговорим о моей роли. Мне хочется ее поднять, осерьезить. Я вижу эту племянницу молодой, но уже поблекшей... Ее преследует нужда.

Митя. Какая же нужда, если она богата?

Юнона. Пускай она разорится. Теперь это так просто.

Митя. Зачем же ей разоряться?

Юнона. Но это сценично. Слушайте: ее жизнь трагична... она, всеми покинутая, ходит по улицам Москвы в поисках чего-то недостижимого, например, высшей правды или комнаты.

Митя. На что ей комната, когда у нее своих четыре.

Юнона. Но это мне нужно.

Митя. Если вам комната нужна, ищите сами.

Юнона. Не забывайте, что Сатурн Иванович мой муж и принял вашу пьесу специально для меня.

Митя. Так бы и говорили.

Юнона. И еще, самое главное: мне не нравится, что племянница так легкомысленно одета. Закройте ей ноги.

Митя. Как — закрыть ноги?

Юнона. Сочините ей другое платье, другую обувь, на то вы и драматург.

Митя(выходя за Юноной). Хорошо, закрою.

Сатурн. Зиночка... Граальчик...

Грааль. Не смейте меня так называть.

Сатурн. Зинаида Львовна, что вы задумали?

Грааль. Вот, прочтите.

Сатурн. Вы... уходите из театра?

Грааль. И немедленно.

Сатурн. Это недопустимо, да и куда же вы в разгар сезона пойдете?

Грааль. Дождусь лета, а там вам назло на открытую сцену нереидой поступлю.

Сатурн. Как, нереидой?

Грааль. А так... За три рубля в вечер буду в стеклянном ящике под водой лежать. Потом выплывать буду и «Кирпичики» петь. Стыдно, холодно, публика смеется, мальчишки гадости кричат.

Сатурн. Ах, сволочи — мальчишки.

Грааль. Вы сами добивались этого.

Сатурн. Зиночка, я люблю тебя. Без тебя я сгорю, как тонкая свеча.

Грааль. Горите как угодно.

Сатурн. Я не пущу тебя, я докажу... Хочешь, я сейчас для тебя в окно выпрыгну.

Грааль. Не трудитесь, мы в первом этаже.

Сатурн. Приказывай. Я все сделаю.

Грааль. Хорошо. Выбирайте: или вы видите меня в последний раз, или сегодня же заявляете о разводе с женой.

Сатурн. Я десять лет мечтаю о разводе, но все как-то не соберусь ей сказать... ну, просто некогда.

Грааль(звонит). Сейчас вы скажете.

Сатурн. Зачем же сейчас? Ее надо подготовить, она такая слабенькая...

Грааль. Попросите сюда Юнону Антоновну.

Галунов. Слушаю.

Сатурн. Граальчик, ты ей лучше сама скажи, а я из-за кулисы послушаю.

Грааль. Или вы сейчас исполните свое обещание, или...

Сатурн. Вот и ты, Юночка...

Грааль. Не тяните.

Сатурн. В жизни каждого человека... а я тоже до некоторой степени человек...

Грааль. Вы – тряпка.

Юнона. Кто вам дал право так разговаривать с моим мужем?

Грааль. С вашим бывшим мужем, вы хотите сказать.

Юнона. С бывшим? Сатурн, ты бывший? Почему ты молчишь? Ах, ты боишься...

Сатурн. Я ничего не боюсь, я при всей труппе готов сказать.

Юнона. Нет, ты мне одной скажи.

Сатурн(прячась за актеров). И скажу. Дорогие друзья,

Я...

Грааль. Дальше.

Сатурн. Я смело свергаю многолетний гнет этой женщины и вступаю в брак с Зинаидой Львовной Грааль-Гаремной.

ВСЕ. Поздравляем, поздравляем!

Юнона. Этого быть не может. Это ошибка, недоразумение. Дайте мне к нему подойти.

Сатурн. Не давайте, товарищи.

Юнона. Турочка, возьми свои слова обратно, или я сяду в это кресло, и через пять минут меня не станет. Сознание покидает меня.

Галунов. Товарищ Быстрый, протокол у вас? **Саша.** Какой протокол?

Галунов. Да вот нашей дурацкой комиссии.

Саша. Во-первых (*указав на Галунова*), комиссия была дурацкой только наполовину, а во-вторых, что вы хотите делать с протоколом?

Галунов. Аннулировать его помельче.

Саша. Никогда. Постановление комиссии должно остаться в силе.

Галунов. Да ведь у дирекции семейный переворот, а мы роль Юноне Антоновне отдали. Что теперь нам за это будет?

Саша. А вот сейчас увидите.

Зинаида Львовна, позвольте и мне принести свои посильные поздравления.

Грааль(*отворачивается*). Не хочу ваших поздравлений, вы в угоду Юноне Антоновне отняли у меня роль.

Саша. Кто же это вам сказал?

Грааль. Вы сами читали протокол, там сказано, что

племянницу играет Юнона Антоновна.

Саша(показывая протокол). Виноват, о Юноне Антоновне здесь даже не упоминается.

Грааль(берет протокол). А это что?

«Комиссия была подавлена достижениями супруги директора».

Саша. Да, «супруги директора» – так это про вас.

Юнона(вскакивая). Ну нет, этого я не позволю. Вы тогда еще не знали, что Сатурн на ней женится.

Саша. Я? Не знал? Кроме вас, это все знали. Граждане, неужели среди вас есть хоть один невинный идиот, который этого не знал?

Вот видите – все знали.

Юнона. В таком случае читайте протокол дальше.

Саша. Пожалуйста.

Сатурн(читает), «...супруги директора, которая воплотила в себе всю безыскусственность нашей новой деревни».

Юнона. «Нашей новой деревни» – это уж обо мне.

Саша. Виноват, про вас я бы написал: «Нашей старой деревни».

Юнона. Вот какую змею я пригрела на своей груди.

Саша. На вашей груди? Вы меня с кем-нибудь путаете.

Грааль. Я всегда считала вас способным человеком.

Саша. О нет, я просто талантливый.

Сатурн(пожимая руку). Спасибо, Саша. Не забудь же автору передать, что роль племянницы играет Зинаида Львовна.

Саша. Непременно позвоню.

Сатурн. Приятно ваше мне старанье.

Грааль. Мы с ним уверены в друзьях.

1-й голос. Да что здесь?

2-й голос. Бракосочетанье.

3-й голос. Не может быть!

4-й голос. Серьезно?

1-й голос. Ах!

2-й голос. Навеки вышли вы из мрака.

3-й голос. Споем мы вам без всяких врак.

Хор.

В товаре нужно меньше брака.

В семейном деле нужен брак.

Ну, молодец же ты, однако,

Директор,

Друг

И человек.

Мы славим вас с законным браком.

Вы забракованы навек.

Действие второе

Картина третья

Люба. Как ты долго. Ну, что тебе сказали в театре?

Митя. Мне нужно в одну ночь племянницу
скомпрометировать, тетку изнасиловать и ноги закрыть.

Люба. Дайте скорую помощь... Врача-психиатра...

Митя. Да нет, я это в пьесе, в пьесе должен сделать.

Люба. Значит, твоя пьеса им не понравилась, тебя не хвалили?

Митя. Понравилась, хвалили, только надо все
переделать наоборот.

Люба(разочарованно отходит). Писал, писал, а теперь
переделывать.

Митя. Ты не дуться на меня должна, а быть моей

музой. А муза что делает? Вдохновляет, помогает, чай разогревает.

Люба. Тебе предлагали помощь, ты сам отказался.

Митя. Кто это мне предлагал?

Люба. Саша Быстрый.

Митя. Опять Саша. Понимаю, вы бы хотели встречаться с ним здесь, в нашей комнате, но это вам не удастся.

Люба. Неужели ты думаешь, что я могу променять тебя.

Митя. Повыше.

Люба. На какого-то Сашу.

Митя. Это ты хорошо показала.

Люба. Довольно, довольно. Ну, что у тебя не выходит? Давай думать вместе.

Митя. Племянница не выходит. Ее директорская жена играть будет, и велела ноги закрыть. Не хочу, говорит, чтобы публика к моим ногам несерьезно относилась. А как я их спрячу?

Люба. Постой, я придумала. Нельзя ли сделать, чтобы на сцене была ночь, совсем темно, тогда ног не будет видно.

Митя. Это можно. Спасибо. Только тогда вообще на сцене ничего не будет видно.

Люба. Правда. Я об этом не подумала.

Митя. С этими ногами прямо с ног сбился.

Люба. Ты мало спишь. Тебе надо отдохнуть. Ложись, пожалуйста.

Митя(ложась). Разбуди меня половина...

Люба. Когда? Уже уснул.

Кто говорит? Саша Быстрый? Что? Плохо слышно.

Я не могу кричать.

Вы хотите прийти к нам? Ни в каком случае, он и так

ревнует. Важное дело? Не верю. Сочиняете, я по глазам вижу. (*Вешает трубку.*) Хорошо, что Митя не слышал: он, кажется, прав, Саша за мной ухаживает. Я сейчас ему напишу, чтобы не смел. (*Пишет.*) «Милый Саша, ввиду моей любви к мужу, прошу к нам не ходить». Так. А марки нет.

Гномов(*готовясь обнять Любу*). Стучали?

Люба. Нет, нет... Товарищ Гномов, нет ли у вас марки: мне надо отправить письмо в театр...

Гномов(*беря конверт*). Гражданину Быстрому. А зачем вам марка? Я сейчас мимо пойду и передам.

Люба. Пожалуйста. Это письмо деловое.

Гномов. Деловое... Чувствую. Интересно, что ваш супруг во сне видит?

Люба. Вы, кажется, думаете...

Гномов. Не беспокойтесь, Гномов умеет хранить тайну. Гномов все знает.

Люба. Этот тоже подозревает.

Митя(*во сне кричит*). Режут, режут!..

Люба. Тебе бандиты приснились.

Кто тебя режет?

Митя. Не меня, пьесу режут. (*Думает.*) Что, бишь, я должен сделать? Да, ноги закрыть.

Люба. Митя, ты думай про другое или газету почитай. Тебе развлечься надо, тогда ноги сами собой закроются.

Митя. Что же в газете веселого?

Люба. Там вся жизнь, как в зеркале, наоборот отражена.

Митя. Сейчас сбегаю за газетой.

Люба. Вы? Я вам сказала, что нельзя приходить. Я даже письмо вам написала.

Саша. Не получал... Я пришел вас предупредить...

Если бы вы видели, что я пережил в театре... Если бы вы знали силу любви.

Люба. Так и есть.

Саша. Если бы вы знали, на что способен мужчина, ослепленный страстью.

Люба. Боже мой! Если бы Митя это слышал.

Саша. Не беспокойтесь, я ему все расскажу, мне сам директор посоветовал.

Люба. Вы хотите об этом говорить с мужем?

Саша. Это любовь касается одинаково нас обоих, и я, как честный человек, должен предупредить, что роли изменились. Та, которую он считал женой, уже не жена.

Люба. Как не жена? Молчите. И мужу не смейте говорить.

Саша. Но почему?

Люба. Потому что он и так меня подозревает, а если застанет здесь... он убьет вас.

Саша. Не понимаю, за что.

Люба. Уходите.

Саша. В таком случае передайте ему сами, что роли...

Люба. Он идет. Бегите. Бегите скорей.

Не туда.

Не туда.

Поздно.

Митя. И здесь Саша Быстрый.

Люба. Почему ты догадался?

Митя. Зачем догадываться, когда статья подписана его полным именем.

Люба. Ах, статья...

Митя. Прочти вслух. Интересно, что мог написать этот идиот.

Люба. Может быть, что-нибудь другое? Слушай, как интересно: «Наши достижения»... «Заминка с мукой»... «Снижение цен на пуговицы»...

Митя. Если не хочешь, я сам прочту. (*Берет газету.*) «Новый фактор нашей культуры, или Баня в рассрочку». Вот болван...

Люба. Пожалуйста, не критикуй, а то дойдет до автора, неудобно.

Митя. Как же он об этом узнает?

Люба. Как-нибудь стороной.

Митя. От такой статьи можно в шкаф спрятаться.

Люба. Только не в шкаф. Садись, пожалуйста, к столу, тебе писать надо.

Митя. Да, да, совсем забыл: в театре еще просили бытовых типов описать. Кого бы такое поотрицательнее?

Люба. А я знаю. На днях к маме в магазин из налогового отдела агент приходил. Уж такой тип, такой отрицательный... даже вещи на дому хотел описать.

Митя. Чем же он отрицательный?

Люба. Пальто рыжее. С усами и маленького роста... Опиши его самыми что ни на есть черными красками.

Митя. Прежде чем описывать, я должен его себе представить, вообразить... (*Закрывая глаза.*) Пальто рыжее... с усами... Сейчас опишу.

Люба, я его вижу, как живого.

Агент. Виноват, я должен описать обстановку, принадлежащую Анне Петровне Благовидовой.

Митя. Ты не поверишь, я даже его голос слышу.

Люба. Я тоже слышу.

Митя. Вот что значит сила фантазии! Но я и

представить не мог такого скверного лица.

Агент. Гражданин, я при исполнении служебных обязанностей и прошу мое лицо не затрагивать.

Люба. Мне кажется, он всамделишный. Брось в него чем-нибудь.

Агент. Гражданин, я приглашу милицию, это хулиганство.

Митя. Значит, живой. Вы, товарищ, простите: я драматург и, подчиняясь вдохновению, хотел вас описать.

Агент. А я агент и, подчиняясь фининспектору, хочу вас описать.

Митя. Это да... Товарищ, я передумал, я не буду вас описывать.

Агент. Ну а я вас все-таки опишу. Гражданка Благовидова вам родственница?

Люба. Это моя мамаша.

Агент. Какие вещи здесь принадлежат ей?

Митя. Здесь все вещи мои, за исключением этого шкафа.

Агент. А что в нем находится?

Митя. Шкаф пустой.

Агент. Разрешите взглянуть.

Люба(подходя). Уверяю вас, там ничегошеньки нет.

Митя. Люба, открой шкаф.

Люба. Нет, нет, у меня предчувствие.

Митя. Какое предчувствие?

Люба. Если ты откроешь шкаф, мы так поругаемся, так...

Митя(отводя Любу). Я не верю приметам.

Люба. Вот увидишь.

Митя. Открывайте, товарищ.

Агент. Однако, вещи сыплются сами. По-видимому, шкаф переполнен.

Митя. Там... ничего... не было.

Агент(*вынимая из кармана пиджака часы*). Странно. Иметь такие часы и уклоняться от налога...

Митя. Товарищ, а вы не фокусник?

Агент. Я-то не фокусник, а вот шкаф у вас волшебный.

Митя. На свете чудес не бывает.

Саша. Иногда бывают.

Агент. Кто? Кто вы такой?

Саша. Я бы хотел остаться инкогнито.

Митя(*агенту*). Что ж вы стоите? Любовника жены описать собираетесь?..

Агент. Вещи вашей жены по инструкции описи не подлежат. До свидания.

Митя(*глядя на Любу и Сашу*). Какая грязь.

Саша(*чистит пальто*). Да, немножко пыльно.

Митя. Вы знаете, чем это смывается!

Саша. Не беспокойтесь, отойдет в простой воде.

Митя. Зачем вы залезли в шкаф?

Саша. По делу.

Митя. Вы что же, меня за идиота считаете?

Саша. Немножко да.

Митя. Вон отсюда.

Саша. Это становится невежливо.

Митя. Убирайтесь – раз...

Саша. Но я должен вас предупредить, в театре большие перемены.

Митя. Убирайтесь – два.

Саша. Я хочу сказать, что жена ди...

Митя. Ни слова о жене!

Ну?..

Люба. Я так и знала, что мы поссоримся.

Митя. Вы давно с ним близки?

Люба. Митя, дорогой, ну вот честное-расчестное...

Митя. Не лгите перед смертью...

Люба. Перед чьей смертью?

Митя. Перед вашей.

Люба. Хорошо, я все скажу... Когда ты ушел за газетой, он прибежал и скоро-наскоро объяснился мне в любви... и все. Честное-расчестное...

Митя. Довольно.

Ура! Моя пьеса спасена. Теперь я знаю, как закрыть ноги племянницы. Я ее в валенки одену.

Люба(*глядя сквозь прорезь в газете*). Митя, ты когда меня убивать будешь?

Митя. Неужели нельзя подождать.

Интермедия вторая

Галунов(*входя*). Там до вас писатели с пьесами пришли.

Саша. Впускай по паре.

Ну и что?

1-й Автор. Вот, пьесу принес.

Саша(*читает*). Драма? Не пойдет: нам нужна комедия.

1-й Автор. Извольте. Пускай называется комедия.

Саша. А конец бодрый?

Заглядывает в конец рукописи.

1-й Автор. Очень бодрый.

Саша. А как же у вас написано, что герой погибает?

1-й Автор. Не обращайтесь внимания, он погибает бодро, без всякого самоанализа погибает... Публика даже

смеяться будет.

Саша(*возвращая рукопись*). Это все равно, погибать нельзя: у нас не граница. (*Второму автору – даме.*)

А у вас что?

Дама(*бойко*). Мелодрама в пяти актах из жизни самоедов с северным сиянием, психологией и танцами.

Саша. Ну и что?

Дама. На далекий приморский берег, где предрассудки и темнота освещаются одним северным сиянием, выбросило бурей...

Саша. Русского революционера Гаврилу.

Дама. Откуда вы знаете?

Саша(*как урок, выученный наизусть*). Он разоблачает шамана, старики хотят его убить, Гаврилу спасает молодая самоедка... Они бегут на оленях... На них нападают белые медведи... Гаврила говорит им речь, и медведи из белых становятся красными.

Дама(*удивленно*). Совершенно верно...

Саша. Ну, так это у нас уже шло.

Автор. Мне надо видеть заведующего литературной частью.

Галунов. Они над репертуаром бьются. В очередь.

Автор. Но, позвольте, я тоже...

Галунов(*беря 2-го автора за шиворот*). Говорят – нельзя.

Саша. Зачем же так грубо?

Галунов(*уходя*). Ничего, это автор.

Саша. Если вы уже здесь, я вас слушаю.

Автор(*передавая рукопись*). Я написал сатиру.

Саша. Сатиру? В таком случае вам придется посидеть.

Автор. Помилуйте, за что же?

Саша(*указывая на стул*). Вы меня не поняли. Садитесь. Обстановка: скромная комната. Это уже не идет. Наша публика привыкла видеть на сцене что-нибудь экзотическое, праздничное: зубоврачебный кабинет, баню или камеру нарсуда... А у вас – «скромная комната...» Не обижайтесь, но это какой-то Анатолий Чехов.

Автор. Антон.

Саша. Антон. Пожалуйста. Из-за мелочей я не спорю.

Автор. Но когда вы ознакомитесь с моей сатирой...

Саша. Я уже ознакомился: пьеса не пойдет.

Автор. Тоже?

Дама. Тоже.

Автор. А это у вас что?

Дама(*подавая потрепанную книжку*). «Ревизор».

Автор. Одолжите на минутку. (*Берет «Ревизора» и подходит к Саше.*) Не откажите дать отзыв еще об одной пьесе.

Саша. Сейчас посмотрим. (*Перелистывает книжку.*) «Казенного жалования не хватает даже на чай и сахар...» Это мещанское зубоскальство над нашими ставками. Посмотрим дальше... «Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам загвоздочку». Что значит – загвоздочку? Это же порнография. (*Перелистывает.*) А это что? «...ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было». На что вы здесь намекаете? И это в расцвет нашего строительства. (*Перелистывает.*) Что ни страница, то какой-нибудь уклон. Вот, пожалуйста: «Ничего не вижу: вижу какие-то свиные рыла вместо лиц...» Это же идеалистическое мировоззрение. Это же мистика. Что

вы думали, когда писали?..

Автор. Это не я писал.

Саша. Значит, какая-нибудь другая бездарность.

Автор. Это Гоголь написал.

Саша. Гоголь?

Никогда бы этого про него не подумал.

Картина четвертая

Комик. Юнона Антоновна, мама моя дорогая, нельзя же так страдать.

Юнона. Не утешайте, я все равно не перенесу... Я так слаба, так слаба...

Старая актриса. И это из-за мужчины. Да если бы все мужчины вокруг меня на колени встали, я бы только гордо и презрительно отвернулась.

Юнона Антоновна. Ах, нет, я любила Сатурна. Я о своем муже заботилась: прежде чем из дома отпустить, я все у него выпрашивала: куда, зачем, к кому, а потом еще по телефону позвоню, проверю – там ли Сатурн Иванович. Я во все мелочи входила. Письма его распечатывала, деньги в его бумажнике сама пересчитывала.

Комик. Вам подкрепиться надо. Покушать не угодно ли? Поросеночка, а. Ну, хоть полпорции, а?..

Юнона Антоновна(слабо). Целую.

Трагик. Юнона Антоновна, вы должны кушать не для себя, а во имя искусства.

Юнона Антоновна. Искусства... но у меня отнимают роли. Дирекция забыла, как я на этих слабых плечах весь революционный репертуар держала. Как еще в девятнадцатом году я первая роль атеистки играла.

Играла искренно, убежденно, даже молилась: «Господи, помоги мне атеистку сыграть». Теперь все кончено. Дайте мне слабых умирающих звуков, таких же, как я сама.

Душевный смерч и тяжкий гнет
Сжимают бедненькую крошку.
Не в силах больше сделать взлет
Моя игрушечная ножка.

В душе моей теперь туман,
Слеза в душе и слезы в небе.
Сгибает горе стройный стан,
Я вся тонка, как будто лебедь.

Не сбросить сердцу тяжких пут,
Былое счастье вспоминая,
Я вся из блессток и минут,
Я не такая — вся иная.

В снегах потерян жизни след,
За счастьем следует расплата,
Меня покинул мой Альфред,
И плачет, плачет Травиата.

Саша. Предлагается подписка на подарок
Грааль-Гаремной.

Юнона. Этого только не хватало.

Любовник. Виноват, по какому же случаю?

Саша. Во-первых, потому, что она невеста Сатурна
Ивановича...

Любовник. Виноват. Подарки должен делать жених,
а не труппа. Насколько я понимаю, Сатурн Иванович

вступает в брак единолично.

Саша. А вы бы хотели, подписавши по рублю, вступить в брак все? Но вы меня не дослушали. Во-вторых, Грааль-Гаремная справляет двухлетний юбилей своей театральной деятельности.

Трагик. Двухлетний юбилей!.. Где мы живем?..

Господи, сделай меня итальянцем. Я подпишу этот лист, только перешагнувши через свой собственный труп.

Старая актриса. Чествование, подарок... И кому? Грааль-Гаремной. Этой... (*Актриса оглядывается.*) талантливой актрисе, нашей гордости, да я первая подпишу.

Сатурн. Что это за подписка?

Саша. На подарок Зинаиде Львовне по вашему распоряжению и по инициативе труппы.

Сатурн. Очень мило. Но я боюсь, что мое присутствие стеснит. Может быть, здесь есть нежелающие подписывать.

Трагик(*подходя подписывать*). Что вы, Сатурн Иванович, я скорее перешагну через свой собственный труп, чем откажусь от подписки.

Сатурн. Сейчас я приглашу сюда Зинаиду Львовну, ей будет приятно видеть ваши подписи.

Юнона. Ха-ха. И я верила в вашу дружбу.

Комик. Вы что же, товарищи?

Трагик (*указывает на старуху*). Это она виновата: «Этой талантливой, нашей гордости»...

Старая актриса. А вы, батюшка, два раза подряд через свой собственный труп переступили.

Трагик. Я запрещаю вам касаться моего трупа.

Любовник. Господа, дело можно поправить. Сплотимся

вокруг Юноны Антоновны и встретим Грааль-Гаремную демонстративно холодно.

Все. Правильно. Правильно.

Грааль. Однако почему мы сидим одни? Кажется, нас бойкотируют.

Сатурн. Нас? Бойкотируют? (*Громко, любовнику.*)

Валентин Степаныч!

Любовник(*с места*). Что?

Сатурн. Рисунок для новой роли у вас намечается.

Любовник(*оборачивается, внимательно*). Для какой роли, Сатурн Иванович?

Сатурн. Вот чудак. Кто же, как не вы, в новой пьесе играет главную роль.

Любовник. Я? Главную роль?

Грааль. Садитесь сюда. Хотите чаю?..

Трагик. Негодяй.

Сатурн(*Трагику*). Терентий Лукич.

Трагик(*неохотно, свысока*). Слушаю.

Сатурн. Хочу вас к постановке привлечь.

Трагик(*подходя*). Ну что же... я всегда...

Старая актриса. Как это подло.

Сатурн. Садись. Тетку дублировать будешь.

Старая актриса. Зинаида Львовна... Сатурн Иванович...

Комик. Ах, мерзавцы, мерзавцы...

Юнона. Вы – один истинный друг.

Комик. Верно, мамочка, верно, только и мне пора...

Зинаида Львовна. Зиночка... Целует руку. Граальчик...

Гаремчик... Ведь я вас вот какой знал, на руках носил... Господи... В доме у вас бывал... Лестница в таких коврах, что с самого верха идешь, и не больно...

Батюшка ваш выйдет, бывало, генерал... Весь дом – на широкую барскую ногу... Шампанское рекой...

Грааль. Вы что-то путаете. Мой отец – пролетарий.

Комик. Я так и говорю: папенька ваш, бывало, слесарь, выбежит на босую пролетарскую ногу... Самогонка рекой...

Юнона. Терентий Лукич... Валентин Степанович.

Любовник. Виноват, я занят.

Старая актриса(целуя *Грааль*). Подумать только:

Юнона Антоновна вашу роль играть хотела.

Грааль. Не знаю, что нашли в этой роли. Я даже пьесы еще не читала.

Сатурн. Роль замечательная, а если у актрисы красивые ноги, прямо клад. Ноги в этой пьесе – главное действующее лицо.

Вот и автор. Вы не знакомы? Автор «Нашего горя».

Грааль(здороваясь).Грааль-Гаремная.

Сатурн. Ну, как? Переделали?

Митя. Готово.

Сатурн(беря у *Мити* рукопись). Вот, Зиночка... роль завтра же для тебя будет переписана. Какая роль...

Изящество, гибкость, нравственное падение, фокстрот...

Грааль. Я хочу сейчас посмотреть.

Сатурн. Постой, я сам прочту одно место... Вот, начало второго акта, прямо для тебя... (*Развертывает рукопись, читает.*) М... м... м... «Осенний вечер. У освещенного подъезда ресторана стоит племянница с лотком в руках...» Странно. «Она изнурена, плохо одета и часто переступает озябшими ногами в валенках»...

Что за черт. (*Мите.*) Может быть, это у вас тетка зябнет?

Митя. Нет, это племянница.

Сатурн. Как, племянница?

Грааль. Покажите мне.

Действующие лица: Анна Петровна Зарудная, женщина сорока пяти лет. Ксения Дмитриевна, ее племянница, молода, но выглядит старше своих лет, бедно одета и на протяжении всей пьесы в валенках... (*Тихо.*) Это я? (*Молчание.*) Я вас спрашиваю: в валенках, старше своих лет — это я?

Сатурн. Да как же вы смели племянницу в валенки втиснуть?

Митя. Она сама просила.

Грааль. Я? Просила?

Митя(указывая на Юнону). Нет, жена директора. Я для нее писал.

Грааль. Я жена директора, я. А если вы писали для этой особы — ваша бездарная пьеса не пойдет. Вот. Вот. Вот.

Митя. Единственный экземпляр.

Юнона. Ха-ха-ха... Конечно, автор писал для настоящей актрисы, а не для какой-нибудь Гаремной.

Грааль. Понимаю, здесь интрига, меня затравили.

Сатурн. Граальчик...

Грааль. Вы обманули меня. Вы хотите, чтобы я на сцене танцевала в валенках.

Сатурн. Я сам эти валенки впервые вижу.

Грааль(срывая туфлю и бросая ее в Сатурна). Я валенок не надену.

Юнона(уходя). Сатурн, вспомни, я тебя при посторонних никогда не била.

Грааль. Оставьте меня.

Сатурн. Зиночка, мы все исправим.

Грааль. Уходите, все уходите.

Митя(*рассматривая рукопись*). Сцену в кафе разорвали, монолог тетки сладким чаем облили, а на идеологический момент кто-то ногой наступил. Послушайте... Неужели из-за каких-то валеных сапог вы меня погубить хотите?

Грааль. Уходите.

Митя(*становясь на колени*). Мне идти некуда.

Саша. И это ревнивый муж...

Пять – пятнадцать – шестьдесят. Любочка? Что поделяваете? Дождитесь супруга? Не дождетесь. Он в театре заболел. Чем? У него с сердцем нехорошо. Он даже голову не может приподнять. Приезжайте скорей.

Грааль. Вы еще не ушли?

Митя. Нет, не ушел.

Грааль. Я в вашей пьесе все равно играть не буду.

Митя. Товарищ Грааль-Гаремная, бросьте (*заглядывает в словарик*)ретроспективный взгляд на будущее. Когда историки станут сочинять мою автобиографию, они упомянут о сегодняшнем дне, они расскажут, как вы камнем преткновения лежали на диване, преграждая путь подающему надежды гениальному писателю.

Пройдет много лет, но и тогда при одном воспоминании ваше старческое лицо вспыхнет краской раскаяния.

Грааль. Не смейте говорить гадостей о моем лице.

Митя(*другим тоном*). Товарищ Грааль-Гаремная, если моя пьеса не пойдет, я все потеряю. Пожалейте человека, пьесу я переделаю, все что хотите напишу.

Грааль. В таком случае уберите тетку на задний план, а мне вместо валенок сделайте серебряные туфельки, кроме того, припишите в первом действии танец, во

втором романс, а в третьем... в третьем и танец, и романс.

Митя. Какой же романс написать? Современный?

Грааль. Нет, пожалуйста, хороший. Что-нибудь вроде этого.

Грааль(*поет*).

Ах, дайте, дайте мне простора.

Ах, опусти скорее штору...

Целуй сильнее, целуй сильнее...

Ах, плечи, ах, встречи,

Ах, речи, ах, вечер,

Огонь в груди,

Ах, уходи,

Ах, подойди,

Огонь в груди...

Саша. Посмотрите, здесь целая оргия.

Люба(*Мите*). Вот почему вы пропадаете в театре! Что вы здесь делаете?

Митя. Мы... вот неожиданность... Мы здесь репетируем.

Саша(*Любе, тихо*). Не верьте, репетируют днем.

Грааль. Это кто?

Митя. Позвольте вас познакомить: это моя жена, а это актриса Грааль-Гаремная.

Люба(*Грааль*). Он вам сказал, по крайней мере, что он нищий и женатый? Что вы в нем нашли?

Грааль(*смеется*). Ах, вот вы о чем... Я нашла в вашем муже много интересного,

Посмотрите, какой у него профиль... А темперамент! Он сейчас так страстно говорил...

Митя. Зинаида Львовна, она и правда подумает... Люба, не верь, никакого профиля у меня нету.

Грааль. Разве вы не стояли передо мной на коленях?

Митя. Я в другом смысле на коленях стоял. Люба, она шутит. (*Грааль.*) Это даже нечестно.

Люба. Подумать только: я ждала его, из-за него волновалась. Зато теперь вы меня подождете.

О господи, как я несчастна...
 Так вот чем артистки сильны...
 Стараетесь, вижу я ясно,
 Вы мужа отнять у жены...
 Ах, эти интриги, кулисы.
 В них счастья конец моего...

Грааль. Ну где вам понять, что актрисе Искусство важнее всего...

Митя(Любе). Кривишь ты презрительно губы...

Люба. С тобой не пробуду и дня.

Митя. Постой же, жена моя, Люба...

Люба. Вы больше не муж для меня.

Митя. Но, Люба, ведь это ужасно...

Люба. Ни слова я вам не скажу! (*Саше.*)

Меня проводить вы согласны?

Саша. Конечно, я вас провожу.

Митя. Ах, пью я страдания чашу!

Люба и Саша. Вы жалкий, пустой человек!

Митя. Все Саша, опять этот Саша,
 Погиб я, мальчишка, навек!

Действие третье

Картина пятая

Митя. «Теперь вы меня подождете...» Так и есть: домой она не возвращалась. Боже мой, она пошла с Сашей...

Куда? Но я бежал... Может быть, я обогнал их...

Товарищ Гномов, товарищ Гномов.

Гномов. Стучали?

Митя. Скажите, моя жена не возвращалась? Я очень беспокоюсь.

Гномов. Напрасно беспокоитесь.

Митя. Как это – напрасно?

Гномов. Что же об ней, об такой, беспокоиться?

Митя. Как вы смеете?

Гномов. А так и смею. Должен я вам глаза открыть или нет? Гномов все знает.

Митя. Что вы знаете?

Гномов. Я за общественной жизнью слежу. Я знаю, чья жена с кем путается. (*Вынимая Любино письмо.*) Вот-с, как честный человек для вас приберег.

Митя. Что это?

Гномов. Это ваша супруга своему писала, а я снести взялся.

Митя. Почему же не снес, негодяй?! Прочь отсюда. Стой. Помни, что бы ни произошло – моя жена не виновата. Ни в чем не виновата.

Гномов(*из-за прикрытой двери*). А что здесь будет происходить?

Митя. «Саше Быстрому». Значит, она меня все время обманывала... Что ж она ему пишет.

Нет, останусь до конца (*Смотрит в словарь.*) ... джентельменом.

Господи. До чего я благородный. Но кому теперь это нужно? Ничего у меня не осталось. Пьесу исковеркали, а я ведь над ней два месяца работал. Так сказать, труд всей моей жизни... Жена ушла... Сейчас она с этим... Нет, не могу. Довольно.

На этом стуле можно ногу сломать.

Почему люди цепляются за жизнь? Ну, что у меня, например, было хорошего? Только и делал, что в чужие потолки лампочки ввинчивал. Да, это я умел. Бывало, только спросишь: где желаете свет? Здесь. – Горит. Тут. – Горит. Там? – Горит. Всюду горит.

А теперь – потемки. Пока я людей освещал – выходило, а как начал просвещать – ни черта не получается... Эх... (*Берется за петлю.*) Забыл. Посмертную записку забыл написать.

Прошу в моей смерти никого не винить... Кроме Саши Быстрого, Гномова, моей тещи и других. (*Идет к петле.*) Скажут, драматург, а умер так (*смотрит в словарь*) шаблонно. Умер... Что только завтра будет?... В обществе писателей переполох... Жалко. Я у них авансом всего десятку взял... Ага, не уберегли таланта. Теперь получай с кого хочешь. Потом вынос моего тела... В Дом печати, пожалуй, не понесут: мало написал. Зато разговоров, разговоров... «Кто это умер, какой хорошенький!» «Известный драматург Сизов». Скажут «известный» или нет? Про покойника, пожалуй, скажут. «Вы не знаете причины смерти?» – «Обыкновенная история, нечем жить и цензура». Вокруг меня народу, народу!.. Человек... двадцать. И вот сквозь толпу пробирается Люба... Убитая, полная раскаяния... Она подходит ко мне и виновато шепчет...

Люба(*негромко*).Негодяй.

Митя. Она даже перед мертвым ругается.

Люба. Кто мертвый?

Митя. Я. Завтра надо мной вся грамотная интеллигенция плакать будет.

Люба(*видя веревку*). Ой, веревка. Помогите! Здесь самоубийство.

Гномов. Где самоубийство?

Люба. Митя повесился.

Анна Петровна. На моей жилплощади? Так-то вы о жене заботитесь. Разве не знаете, что Люба покойников боится? А платки где? Батюшки, на полу. Значит, опять перестирывать.

Гномов. Позвольте внести ясность. (*Мите.*) Вы покончили с собой или нет?

Митя. Отчасти покончил.

Гномов(*Любе*). Причины вам известны?

Люба. Он в театре с актрисой целовался, а я застала.

Митя. Говорите лучше о себе. Вы клялись, что Саша Быстрый больше для вас не существует.

Люба. Да, клялась.

Митя(*вынимая письмо*). А это что?

Люба. Мое письмо. Как оно к тебе попало?

Митя. Не беспокойтесь, я его не читал.

Люба. Напрасно. Ты должен знать о моих с ним отношениях.

Митя. Теперь вы этих отношений даже не скрываете? Это называется... сейчас... (*Смотрит в словарь.*)

Бесстыжий цинизм.

Анна Петровна. Люба, ты не так с ним разговариваешь. (*Мите.*) Кто вы такой? Вы муж моей дочери без

отдельной площади. Что же вы себе позволяете? С актрисами, как маленький, целуетесь. Самоубийствами занимаетесь. Стиранные платки на пол шваркаете.

Товарищ Гномов, прошу выписать этого гражданина.

Митя. Как? Значит, пожитки собирать?

Анна Петровна. Собирайте.

Люба. Мамочка...

Анна Петровна. И ты еще за него заступаешься.

Митя. Люба... (*Пряча письмо.*) Вот все, что от тебя осталось.

Люба. Митя, прочти письмо.

Митя. Я прочту, когда тебя забуду. А сейчас у меня в сердце короткое замыкание.

Люба. Митя, Митя...

Анна Петровна. Люба, не унижайся. Без мужа мы не останемся. Правда, гражданин Гномов?

Гномов. Не знаю-с.

Анна Петровна. То есть как – не знаете? Вы же сами намекали относительно ваших брачных стремлений в Любину сторону.

Гномов. Извините, наивен был. Не знал, что она мужу с посторонним мужчиной изменяет.

Люба. Гражданин Гномов, это клевета.

Гномов. Виноват-с. У меня доказательства есть. Я сам был преступным почтовым голубем и ваши любовные письма переносил.

Люба. Молчите. Как вы могли думать, что после Мити я за этого гнома выйду.

Гномов. Я тоже свой половой вопрос с вами решать не могу.

Люба(поет).

Мы жили вместе. И тогда я
 Такой счастливою была...
 Теперь я только вспоминаю,
 Как жизнь моя была светла...
 Иную он избрал дорогу,
 Она влекла его сильнее.
 И погасает понемногу
 Вся радость милых прежних дней.
 И он ушел. Теперь одна я,
 Навек одна. Всегда одна.
 Последний свет мой угасает,
 В душе ненастье, в сердце тьма.
 Последний свет мой угасает,
 В душе ненастье, в сердце тьма.

Митя(*входит*). Хорошо. (*Свет загорается.*) Я уйду.
 Но когда в театре сыграют мою пьесу, вы обо мне
 вспомните. Я еще знаменит буду.
 Настанет время, когда Гномов прибьет на фасаде этого
 дома мраморную доску: «Здесь страдал и боролся с
 темнотой великий Митя Сизов». А рассказ о том, как
 вы, Анна Петровна, выгнали меня из дома, войдет во
 все хрестоматии, и, когда учитель грядущих поколений
 спросит, кто такая Анна Петровна Благовидова,
 школьники ответят: «Она была... (*Ищет в словаре, не
 найдя, закрывает/*) ...стерва».

Интермедия третья

Сатурн(*с бумагой в руках*). Вот. Получен запрос.
 (*Читает.*) «Ведутся ли в театре собеседования
 на темы общественного значения и вообще

культурно-просветительные работы». Не желая краснеть за вашу неграмотность, я до прихода инструктора хочу лично приступить к просветительной работе.

Старая актриса. Я по возрасту от принудительных работ освобождена.

Сатурн. Здесь не принудительные работы, а просветительные, без замены штрафом.

А вы куда?

Грааль. Я не могу остаться. У меня эпидемия гриппа.

Сатурн. В порядке товарищеской дисциплины всякие эпидемии запрещены.

Помреж. Стыдитесь, товарищи. Я со своей стороны предлагаю, не откладывая в долгий ящик, назначить собеседование минута в минуту через полтора месяца и всех уклоняющихся...

Сатурн. Стой, стой. Мы сегодня беседовать будем. Ну, куда ты бежишь? В буфет? А в красном уголке посидеть не можешь.

Помреж. Сатурн Иванович, не красна изба углами, а красна пирогами.

Сатурн. Милый, не будь мещанином, оставь пироги буржуазии. Итак, приступим.

Актриса. Сатурн Иваныч.

Сатурн. Ну, что еще?

Актриса. Ко мне воры залезли.

Сатурн. Где воры?

Актриса. Дома у меня, на квартире. Залезли и грабят. Я пойду.

Сатурн. Откуда же вы знаете? Что вы, в контакте с ними, что ли? Сидите.

Помреж(как бы глядя в окно, медленно). А вот

и пожарные поехали... (*Сатурну.*) В ваши края заворачивают.

Сатурн. Что значит какой-то личный индивидуальный пожар в сравнении с пламенной эпохой, стоящей сегодня на повестке дня. Я говорю о французской революции. Это прекрасная тема, по поводу которой я предлагаю обменяться мнениями.

Трагик. Против французской революции я ничего не имею.

Юнона. Не понимаю, о чем здесь говорить. Я и так все наизусть знаю.

Сатурн. Знаете? Ничего вы не знаете. Назовите мне деятелей французской революции.

Юнона. Какая невидаль. Пожалуйста. Мадам Сан-Жен, Две сиротки, Орленок, Жанна д'Арк.

Сатурн. Стой, Жанна д'Арк... Жанна д'Арк была святая, а разве святая будет такими делами заниматься? Стыдитесь. Нет, уж лучше я сам сначала доклад сделаю. Ну?

Старая актриса. Предлагаю ограничить время докладчика тремя минутами.

Все. Правильно. Правильно.

Сатурн. Тише. Приступаю к докладу. Итак, французская революция – это великое и радостное событие – стряслась... во Франции... В один прекрасный день... вечером. Ну, вот, значит, так. Тамошний народ купал тамошних спекулянтов в этой... в тамошней Неве. Ну, вот... Я вам лучше по книжке прочитаю.

Ну, вот я вам прочту... Куда же все девались?

Галунов. Мы здесь.

Сатурн. А остальные где?

Галунов. Должно, отлучились.

Сатурн. Отлучились. А ты чего смотрел? Видишь, я культработу веду. Неужто не догадался двери запереть.

Саша. Здравствуйте, Сатурн Иванович. Что у вас? Горе?

Сатурн. Только было просветительное собеседование наладил – разбежались.

Санта. Ну и что?

Сатурн. Как – что? Мальчишки-статисты в театре все общественники, все знают: и Чемберлен, Чан Кай-ши, и Алехин, а основной актерский кадр или в буфете, или в пинг-понг зажаривает.

Саша. Ну и что?

Сатурн. А то, что не могу их собрать, да и только.

Саша. Собрать? Сюда? Это же одна минута. (*Щелкает на счетах, громко спрашивает.*) Уже выдают? За все три месяца? Впускайте по одному, а то давку устроят.

Трагик (*вбегая*). Выдают?

Саша. Артельщик за деньгами пошел.

Трагик. Моя первая очередь.

Актриса (*вбегая*). Я за вами.

Сатурн. А как же воры в квартире?

Актриса. Ничего, как-нибудь без меня ограбят.

Сатурн. Все?

Галунов. Все.

Сатурн. Запирай двери.

(*Беря книгу.*) Итак, французская революция, это великое и радостное событие, стряслась во Франции...

Картина шестая

Митя. Сатурн Иваныч, уже второе действие кончилось, а они не аплодируют. Неужели моя пьеса провалилась?

Сатурн. Вы не театральный человек. Второй акт кончается трагически: на сцене четыре трупа, а вы хотите, чтобы аплодировали. Просто публика затаила дыхание и переживает.

Митя(*прислушивается*). А почему они смеются?

Сатурн. Смеются? Это они так, друг на друга смеются. Да вы не волнуйтесь. Я лично спектакль веду. Все в порядке. (*Рабочим.*) Ты зачем в аристократический дом самовар из Островского тащишь?

Не беспокойтесь. В третьем акте среди действия хлопать будут: вращающаяся сцена, монолог Юноны Антоновны, танец Зинаиды Львовны... еще автора вызовут. (*Помощнику режиссера.*) Второй звонок.

Митя(*глядя в отверстие занавеса*). И Анна Петровна... и Люба здесь... а остальные шестнадцать человек незнакомые.

Сатурн. Сейчас начинаем.

Грааль. Сатурн, это возмутительно. Через четверть часа я должна танцевать на сцене, а серебряные туфли до сих пор не принесли.

Сатурн. Галунов.

Беги в мастерскую, чтобы немедленно туфли прислали.

Галунов. Слушаю.

Грааль. Вы что же, мсье автор. Обещали у Юноны Антоновны все монологи вымарать, а сами оставили.

Митя. Один... Я всего-навсего один монолог со свечой оставил.

Грааль. Сатурн, я не хочу, чтобы она монолог читала.

Сатурн. Зиночка, теперь об этом говорить поздно.

Грааль. Юнону и так публика принимает.

Митя. Позвольте мне как автору...

Сатурн. Ну, что вы все мешаете... (*Подталкивает Митю за кулисы.*) Придержите, пожалуйста, автора в буфете.

Юнона Антоновна, ты не находишь, что монолог затягивает картину?

Юнона. Ну нет. Мне и так от всей роли только «Ах, ах!» оставили. Лучше бы прямо в программах указали, что я глухонемую играю. Монолог я прочту.

Грааль. В таком случае...

Сатурн. Некогда, некогда. Прошу на сцену. Третий звонок.

Грааль. Хорошо. Я вам устрою монолог со свечою.

Сатурн. Терентий Лукич, ну кто вам сказал, что аристократы такие галстухи носили.

Трагик. Извиняюсь, я – сам аристократ.

Сатурн. Гонг.

Грааль. Бонжур, тетя. (*К Трагику.*) Бонжур, дядя. Хорошо ли вы спали?

Трагик. Какой же сон, моя дорогая племянница, возможен при этой скверной советской власти.

Сатурн. Правдиво играет.

Трагик. Десять лет ворочаюсь я с боку на бок, не смыкая глаз.

Юнона. Ах, ах.

Грааль. Дядя, не хотите ли чаю?

Трагик. Нет, по утрам я привык пить рабоче-крестьянскую кровь.

Юнона. Ах, ах.

Грааль. Дядя, не могу ли я помочь вам?

Трагик. Да, можешь.

Юнона. Ах, ах.

Трагик. Слушай, твоего знакомого общественника посылают в деревню, чтобы он электрифицировал мужиков.

Юнона. Ах, ах.

Трагик. Я не могу допустить этого.

Грааль. Что я должна сделать?

Трагик. Ты должна увлекать его до тех пор, пока он не разложится в твоих объятиях.

Грааль. Дядя, мне противно.

Трагик. Стыдись.

На тебя смотрит наш древний предок — предводитель дворянства, прославившийся усмирениями еще в тысяча восемьсот... девятьсот пятом году.

Грааль. Ты убедил меня, я согласна.

Юнона. Ах, ах.

Трагик. Тише...

Это пролетарий приехал.

Сатурн(Любовнику). Ваш выход.

Трагик. Мы спрячемся здесь.

Юнона. Ах, ах.

Грааль. Вы уезжаете в деревню?

Любовник(бодро). Да, еду строить новую жизнь.

Грааль. Что же вы будете делать?

Любовник. Прежде всего я наметил сломать колокольню, и вообще предстоит большая стройка.

Грааль. И вам не жаль расставаться с Москвой?

Любовник. Нет, в деревне я буду окружен деревьями, здоровыми людьми, животными, я постараюсь найти с ними общий язык.

Грааль. Неужели вам мало работы в Москве? Здесь еще есть колокольни. *(Завлекая.)* Оставайтесь.

Любовник. Зачем?

Грааль(*страстно*). Для меня.

Любовник. Я не могу понять, где в тебе кончается женщина и начинается классовый враг.

Грааль. Забудь врагов. Я принесу из нашего родового погреба бутылку столетнего портвейна номер одиннадцать, я буду с тобой... близко, близко, только повернись спиной к деревне.

Любовник. Я разлагаюсь.

Сатурн. Барабан.

Любовник(*вырываясь из объятий*). Слышишь, идут пионеры, а я... что я делаю?..

Сатурн. Психологические моменты у него хороши.

Грааль. Неужели любить – преступление?

Любовник. Пока в деревне не проведено электричество, мы не имеем права целоваться.

Грааль(*обнимая*). Милый, ты ошибаешься, можно и без электричества.

Сатурн. Давай гудок.

Любовник(*вскакивая*). Фабричный гудок! Он зовет нас отчитаться перед обществом в наших поцелуях. Я должен идти.

Грааль. А я?

Любовник. Идем вместе.

Грааль. Но что скажет мой дядя?

Любовник. Смело шагай через своего прогневшего дядю.

Грааль. А тетя?

Любовник. Тетя – выдумка хилой интеллигенции.

Грааль. Ты заразил меня своей бодростью. Идем.

Трагик(*выходя*). Нет, ты не уйдешь отсюда, несчастный.

Направляет на любовника револьвер.

Грааль становится перед дулом. Из-за кулис выходит Юнона.

Юнона. Ах, ах.

Грааль. Убей тогда и меня.

Трагик. Молчи, отступница. Подумай, что скажут портреты предков.

Грааль. Я раскаиваюсь в аристократических предках и надеюсь личным трудом завоевать себе пролетарское происхождение.

Юнона. Ах, ах.

Трагик. Этого я не переживу. (*Приставляя дуло к виску.*) Одно движение, и фамильный револьвер избавит меня от позора.

Сатурн. Стреляй.

Любовник. Уйдем отсюда. (*Вместе с Грааль уходит за кулисы.*)

Грааль(злорадно). Послушаем «монолог со свечой».

Юнона(ломая руки). Зачем, зачем ты ушел. Один... без меня... Кто позаботится о тебе на том свете.

Сатурн. Батюшки, свечка!

Митя. Ну? Как?

Сатурн. Идите вы... (*Шепотом Юноне.*) Свечку, свечку поправьте.

Юнона(не слыша). Случилось непоправимое. Мои слова не разбудят тебя...

Сатурн. Терентий Лукич, потерпи, родной.

Митя. Что же это? Что же это? Товарищи!

Сатурн. Гоните автора.

Юнона. Никакие силы не заставят тебя подняться.

Митя(высовывается, удерживаемый актерами). Что?

Что случилось?

Сатурн. Занавес. Занавес.

Юнона(*хватаясь за занавес*). Дайте же монолог дочитать. (*Торопливо продолжает монолог, придерживая занавес.*) Помнишь, как мы оба были молоды и прекрасны...

Сатурн. Поворачивай сцену.

Юнона(*скороговоркой*). Помнишь ли ты...

Грааль. А мы приготовились монолог ваш слушать.

Юнона. Ах вы, сволочи.

Сатурн(*вбегая на сцену, Трагику*). Что же вы теперь-то лежите? Лежать надо было раньше. Неужели потерпеть не могли?

Трагик. Извиняюсь. Здесь не старый режим, чтобы актеров горячим стеарином поливать. Я еще в местком пойду, пускай двенадцать сверхурочных пятен на моем трудовом лице зафиксируют.

Сатурн. У вас, извините, не лицо, а харя.

Трагик. В советской стране всякую харю уважать должны.

Грааль. Турочка, туфли принесли?

Сатурн. Какие туфли?

Грааль. Для танца, серебряные.

Сатурн. Господи. Монолог. Стеарин. Местком.

Туфли. Черти. Дьяволы... Не видал я твоих туфель. Устанавливайте последнюю картину.

Девушка. Вот... Туфли из мастерской... для артистки Грааль-Гаремной. (*Юноне.*) Это вы будете?

Юнона. Да, я. Спасибо, милая. Серебряные туфли... Прекрасно. Вы их поищите.

Сатурн. Предка не забудь переменить.

(Юноне.) Обидели тебя сегодня, Юночка.

Юнона. А тебя, я думаю, каждый день обижают.

Сатурн. Трудно, трудно... *(Громко.)* Прошу на сцену.

Грааль*(видя коробку).* Туфли принесли!

Сатурн. Некогда, некогда. Гонг.

Занавес.

Грааль. Товарищ муж, почему сегодня у нас такой буржуазный стол?

Любовник. Я расскажу, но твоя тетка не выдаст нас?

Юнона. Ах, ах.

Грааль. Нет, она тоже прозрела и сквозь труп своего мужа увидела светлое будущее.

Любовник. В таком случае – слушай. *(Таинственно.)*

Сегодня. На улице. Я встретил хорошо одетого человека и нечаянно толкнул его. *(Изумленно.)* Вдруг он приподнимает шляпу и извиняется на чистейшем русском языке. Кто это был, по-твоему?

Грааль. Конечно, иностранец.

Любовник. Он мне тоже показался подозрительным. Мы разговорились, он выдал себя за любителя балета, тогда я назвал наш адрес и прибавил, что здесь живет известная балерина. Завлеки его разлагающим танцем и заставь проболтаться.

Вот, он приехал. Помни, на тебя смотрит мой красный предок, предводитель крестьянства еще в тысяча семьсот девятьсот пятом году.

Юнона. Ах, ах.

Грааль*(Юноне).* Тетя, займите гостя. *(Убегает за кулисы.)* Платье. Скорей.

Сатурн*(актеру, играющему роль Балетомана).* Ваш выход.

Юнона. Ах, здравствуйте, здравствуйте.

Балетоман. Могу ли я видеть балерину Завзятову?

Юнона. Это моя племянница, она сейчас выйдет, прошу садиться. Не угодно ли стакан вина?

Балетоман. Мерси, я не пью.

Юнона. Как странно... А вот и она — моя племянница.

Указывает на вход.

Грааль. О-ля-ля, ля-ля-ля. Да, это я. (*Тихо.*) Туфли, туфли скорей.

Сатурн. Свечка...

Помреж(*чиркая спичкой и зажигая свечу*).

Действительно, свечка.

Грааль. А туфли?

Сатурн(*шаря со свечкой*). А-а туфель нет.

Грааль. Это Юнона. За монолог. Их спрятала Юнона. Ищите, ищите скорей.

Галунов. Нашел.

Грааль. Где они?

Галунов. Убегли.

Сатурн. Батюшки. На сцене две минуты молчат...

Юночка, солнышко, поговори от себя, родная.

Юнона. Ах, ах.

Митя. Юнона Антоновна, мамаша, не погуби...

Сатурн. Куда вы лезете... Сами напишут, а потом...

Вертите сцену. (*Грааль.*) Давай голос.

Грааль(*плачущим голосом*). О-ля-ля. О-ля-ля-ля. Да это я, да это я... Я убью ее.

Сатурн. Зиночка. Стой, стой...

Помреж. Я придумал. Вы выйдете на сцену, как будто по пьесе так полагается, и спросите у Юноны Антоновны, где ваши туфли. Может быть, она сжалится.

Грааль. Шаль!

(*Балетоману.*) Не смотрите на меня. Тетя, милая, не видали ли вы моих новых туфель?

Юнона(*наслаждаясь*). Дорогая племянница, прежде всего надо здороваться.

Грааль. Бонжур, тетя.

Юнона(*протягивая руку*). Здравствуй, милая.

В хороших домах принято старым теткам ручку целовать.

Грааль. Тетя, где мои туфли?

Юнона. Ах, ах, какая ты неряха. Поди, поищи, как следует, посмотри, свечечку зажги.

Грааль(*топая ногами*). Где мои туфли, я спрашиваю?

Юнона. Ах, ах.

Грааль(*окончательно выходя из роли*). Юнона Антоновна, это подло.

Юнона. Что-о-о?

Сатурн. Батюшки! Сейчас подерутся.

Митя. В моей пьесе драки нет... я не писал про драку.

Сатурн. Уберите автора!

Грааль. Где мои туфли?

Юнона. А монолог мой где?

Сатурн. Занавес. Занавес!

Грааль(*к публике*). Граждане зрители! Я сейчас должна танцевать перед вами, я была готова положить свои ноги на алтарь революционного искусства, но эта реакционная тварь помешала мне. Сегодня она спрятала мои туфли, завтра спрячет платье, я останусь голая... и наша общественность должна это видеть.

Вы... Юнона Антоновна... Вы...

Юнона(*уверенно, угрожающе*). Подойди, подойди,

милая.

Сатурн. Зиночка...

Грааль(*оборачиваясь*). Ах, это вы, вы, вы во всем виноваты!..

Сатурн. Меня-то, меня-то за что? (*Прячется за Юнону.*)
Юночка, спаси.

Юнона. Я постороннего человека спасти не могу.

Сатурн. Юночка, разве ты не видишь — я к тебе вернулся. Я стучусь в твои двери.

Юнона. А она?

Сатурн. Это было мое юношеское заблуждение.

Грааль. Дайте мне серной кислоты.

Юнона. Не бойся, Турочка, со мной тебя никто не тронет.

Грааль. И это мужчина! Как я могла его целовать...

Помреж. Не знаем.

Грааль. И вообще мне, молодняку, здесь душно. Меня давят филистерские традиции. Я уйду и сумею найти театр, во главе которого стоит директор-гражданин, человек общественный, активный и холостой.

Сатурн. Ну, публика разошлась. Давай занавес.

Юнона(*актерам*). Может быть, вам тоже душно?

Актеры. Нет... Что вы, Юнона Антоновна... Нам здесь ужасно хорошо...

Юнона(*Любовнику*). Вы что же, Зинаиду Львовну не проводите? (*Трагику.*) А вы, Терентий Лукич? Для Грааль через собственный труп шагали?

Трагик. Разок шагнул.

Юнона.(*Помрежу.*) А ты?

Помреж. А что я, Юнона Антоновна?

Юнона. Зиночку такой (*Показывает.*), помнишь?

Помреж. Помню.

Юнона. На руках носил?

Помреж. Не отрекаюсь, носил. Таскаешь ее, бывало, а она или интригует, или на чужих мужчин бросается.

Сатурн. Не вспоминайте о ней. Теперь все пойдет по-прежнему.

Актеры(*подходя к Юноне*). По-прежнему, по-прежнему.

Юнона. Нет, дорогие товарищи, я теперь к одиночеству привыкла и без вашей дружбы как-нибудь проживу.

Каждый. Юнона Антоновна, мы не виноваты. Юнона Антоновна.

Юнона Антоновна, мы не виноваты.

Митя(*подходит к кулисе, снимает афишу*). «Наше горе» Дмитрия Сизова... Писатель... Заниматься бы мне честным трудом... Теперь в нашем переулке лучше не показывайся... Засмеют. Если бы я деньги растратил или кражу совершил – все легче: дело обыкновенное, а то я дра-ма-тур-гию совершил. Прославился.

Люба(*осторожно пробираясь*). Митя. Здравствуй, Митя.

Митя. Поглумиться пришли. Что же одни? Вам бы Сашу, Гномова, мамашу с собой захватить.

Люба. Мама у подъезда дожидается.

Митя. Зовите сюда. Срамите в два голоса – все равно... в душе все пробки перегорели.

Люба. Я по другому делу пришла.

Митя, пойдем домой.

Митя. Нет, я человек погибший... одно слово – драматург.

Люба. Ничего, и драматурга любить можно.

Митя. Любить? (*Вынимает письмо.*) Нет, после

этого всякая любовь (*как бы поворачивая штепсель*)
выключается.

Люба. Митя, прочти, пожалуйста. В этом письме ни
одного эротического слова нету.

Митя. Эх!..

«Милый Саша...» А это не эротическое?

Люба. Это только сначала.

Митя. «...ввиду моей любви к мужу прошу больше не
приходить». Может, ты меня только так... (*Указывая на
письмо.*), письменно любишь?

Люба. И письменно, и устно.

Митя. Люба... Люба ты моя... полуваттная.
У меня к тебе тоже постоянный ток высокого
напряжения.

Люба. погоди, я маму сюда позову.

Каждый. Юнона Антоновна, мы не виноваты.

Сатурн. Юночка, они не виноваты.

Юнона. Кто же виноват?

Трагик. Вот настоящий виновник!

Старая актриса. Конечно, автор во всем виноват.

Галунов. Авторов в театр пущать нельзя.

Сатурн. Правильно. Хорошая пьеса должна идти без
всяких ног, а он ноги на сцену вывел, потом валенки
натащил, потом туфли...

Помреж. Товарищ, может быть, это ваша профессия...

Митя. Нет, профессия у меня другая, и я ваш театр кое в
чем поучить могу.

Сатурн. Например.

Митя. Как у вас сцена освещается? Включил софит
— и ладно. Разве так в порядочной природе бывает? В
освещение надо душу вкладывать.

Все. Очень хорошо.

Митя. Я даже всякие пороки могу освещать. Угодно видеть подхалимство людское? Пожалуйста.

Хотите – человеческую глупость покажу?

Галунов(поворачиваясь и отходя). Лучше что-нибудь другое.

Митя. Угодно...

Сатурн. Нет, больше не надо.

Юнона. Нам бы в театр такого электрика.

Сатурн(восхищенно). Вам бы не драматургом, а монтером быть.

Митя. Я монтер и есть.

Сатурн. Дорогой мой, полтора ста целковых в месяц.

Угодно? (*Вырывает листик из блокнота и пишет.*

Передает Мите.) Завтра в контору пожалуйста.

Митя. Ладно. Только вы не подумайте, что монтер не может хорошую пьесу сочинить. У меня не вышло, у другого выйдет.

Галунов. Сатурн Иванович, нельзя уж и мне какое художественное назначение получить?

Сатурн. Ты будешь в театре заведовать... акустикой.

Саша. Спектакль уже кончился. Неужели я опоздал? А где Зинаида Львовна? Я первый хочу ее поздравить. Много ей хлопали?

Помреж. Да, хлопали порядочно.

Сатурн. Сегодня весь успех выпал на долю моей жены, Юноны Антоновны.

Саша. Значит, опять шанже² ваших дам.

Юнона. Да, и нам с вами придется поговорить.

Саша. Одну минуточку. (*Бежит к телефону.*)

Цветочный магазин? Не можете ли принять обратно малоподдержанный букет? Но я его почти не нюхал. Нет? (*Вешает трубку.*) Теперь я вас слушаю.

Сатурн. Вам в театре была поручена литературная часть, а вы что делали? Подтачивали мою неокрепшую нравственность.

Юнона. Нет, пока он в театре, я не могу дышать полной грудью.

Саша. Из всего сказанного верно только то, что у вас полная грудь. Я подтачивал его нравственность! Когда он сам по три раза жен сменяет. Сменовеховец!

Это намек? Пожалуйста. (*Надевает пальто.*) А вы, товарищ драматург, смеетесь? Сияете, как на похоронах цензуры. Когда же, наконец, театр изживет авторов?!

Помреж. Куда же вы теперь, Саша?

Саша. Куда? Вы думаете, что вы меня раздавили? Что меня сейчас повезут в клинику Склифосовского? Ничего подобного. Передо мной все дороги открыты. Я еще, например, композитором не был.

Митя(*потрясая запиской*). Люба, Анна Петровна, я больше не писатель, я опять человеком стал.

Саша. Анна Петровна.

Анна Петровна. Саша Чернявский. Компаньон! У меня без вас все шляпы прахом пошли.

Саша. Ничего, наладим.

Анна Петровна. Голубчик, разве вы не заняты?

Саша. Я только что кончил работу в театре, все наладил и теперь могу перейти к вам. (*Подает Анне Петровне букет.*) Видели? Я уже работаю (*Указывает на Анну Петровну.*) в крупной, почти заграничной фирме. Вам смешно. Вы еще о себе в газетах прочитаете.

У меня давно перо чешется. Подождите, на вас еще свалится новая декорация, как красный снег на голову. Вот тогда вы запоете.

Все(*поют*).

Мы отыграли акт финальный,
Уходим пестрою толпой.
И вот уж занавес прощальный
Шумит над нашей головой.

Конец

Сергей Федотов

Мистика воображенного и реальность сцены

Ныне во многих городах России (включая обе российские столицы), да и во многих странах известны пермский театр «У Моста» и его художественный руководитель Сергей Федотов. Они пользуются заслуженной любовью зрителей и уважением коллег, критики и специалистов сцены. Тридцать три года назад Сергей Федотов создал свой авторский театр. В полной мере авторский потому, что Федотов – сценограф в своих постановках. И автор инсценировки – в спектаклях, поставленных на основе прозы. «У Моста» авторский театр еще и потому, что в основе работы Федотова со своими артистами, с его студентами и слушателями его семинаров и мастер-классов) разработанный им метод подготовки, воспитания актеров. Развивая традиции русской театральной школы психологического реализма, обогащая эти традиции методиками Михаила Чехова и Ежи Гротовского, Федотов разработал свой метод технологии, направленной на развитие психофизики актёра, его

способности работать с внутренней энергией и со своим подсознанием. Сергей Федотов создал особую сценическую эстетику и сам обозначил ее так: «У Моста» – мистический театр, в котором все реально, и театр реальности, где все мистика».

Федотов не раз в своих выступлениях и интервью говорил о мистике, о мистичности, мистериальности жизни – как о свойстве миропонимания и мышления и как о творческом методе самопознания и познания мира. Творчество Сергея Федотова – постоянное напоминание: искусство сцены почти явное безумие. Особая «управляемая медитация» участников спектакля вместе со зрителями – сразу в реальном мире и в мире воображенном. А воображенный мир больше реального. Федотов разворачивает сюжет, комический или трагический, – в вещественном пространстве сцены, но по законам фантазмагии (даже если сюжет основан на бытовых, сиюминутных реалиях). Его актеры в облике персонажей приходят на сцену из другого мира – и уводят туда с собой зрителей. И тот, другой мир, становится образом нашего здешнего мира.

Здесь надо сказать о работе Сергея Федотова с литературным текстом, который он берет в основу той или иной постановки. Если это пьеса – то Федотов чрезвычайно бережно относится к каждой букве, к каждой запятой авторского текста. Если это проза, то ее, конечно, приходится сокращать, адаптируя к сцене. Но принцип взаимодействия с авторским текстом неизменен у Федотова. Для него, помимо обозначенных в программке «действующих лиц», в сюжете, поверх сюжета, существуют еще два персонажа, главных, неразрывно связан-

ных друг с другом: автор текста и сам текст. Для Сергея Федотова необычайно важны внутренняя музыкальность текста, мелодическая интонация, ритм. А ритм — основа всего. Через ритм — ритм текста, ритм структуры действия, ритм движения актеров и света в пространстве сцены — Федотов воплощает «мистическое», воображенное, фантазийное в реальном игровом пространстве, в вещественных декорациях и аксессуарах, в натуральном предметном мире. Во плоти и крови реальных, конкретных актеров.

Сергей Федотов тонко и точно чувствует мистическую природу сценического пространства, рождавшегося в древних мистериях, и мистику нашего сознания. Ведь в нашем воображении живут сразу все времена и эпохи, прошлые события и то, что нами воображается, как будущее. То, что мы знаем о своей жизни — и то, что слышали о жизни других (думаем, что знаем, хотя сами не переживали этого). Такова природа сценического действия. Федотов включает в сценографию своих спектаклей «аутентичные», подлинные предметы, привозимые им из тех городов и мест, где побывал в поездках — скажем, из Армении, Ирландии, из российских сел. То есть из стран и мест, где происходят события сюжетов его постановок.

Но спектакли Сергея Федотова — не только экспериментальный поиск новаторских путей в сценическом творчестве (хотя именно с этого начиналась жизнь театра «У Моста»). Постановки Федотова в его театре и в других театрах в России и зарубежом — это сохранение и приумножение классических традиций русского театра, русской сценической школы. И традиций и опыта

мировой театральной культуры. В репертуаре театра «У Моста» представлены лучшие произведения российской и мировой прозы и драматургии (классические и современные). Можно также сказать, что творчество Федотова и театра «У Моста» способствуют сохранению и развитию связей между культурами народов в России и других странах (культура и искусство «поверх барьеров» - что так важно в нынешние времена противоречивых «официальных» международных отношений). Вот уже десять лет, каждые два года в Перми проходит задуманный Сергеем Федотовым и организуемый его театром масштабный Международный фестиваль спектаклей по пьесам Мартина МакДонаха. А сам Федотов – первооткрыватель для России драматургии этого, знаменитого ныне во всем мире, ирландского драматурга.

Можно было бы еще многое сказать о театре «У Моста» и о Сергее Федотове. Можно упомянуть о том, что дипломами, грамотами, лауреатскими знаками увешаны стены в театре до самого потолка: и в кабинете его художника, и в маленьких коридорчиках, и в переходах между залами, и в обоих зрительских фойе, и в фойе гардеробном. Можно напомнить, что при сверхнапряжённой разъездной жизни (помимо гастролей – участие уже в 230 фестивалях) – на «домашней» сцене играется по 50-70 спектаклей в месяц и выпускается 6-7 премьер в год. Но завершу я этот текст словами Сергея Федотова о себе самом – откровенными и точными:

«Я ощущаю театр как загадку и тайну, как некое мистическое поле, погружаясь в которое, актер и зритель существуют в каком-то новом космическом пространстве. В потустороннем мире есть белое и

черное, есть Бог и дьявол. Каждый выбирает свое. Я выбрал Бога. А ещё у каждого есть ангел- хранитель. Во всяком случае, у меня он точно есть. Он охраняет не только меня, он охраняет и близких мне людей. Помогает в таких ситуациях, из которых, казалось бы, выхода нет. Поэтому я абсолютно спокоен. Все идет как надо. Просто я работаю волшебником».

**Валерий Бегунов,
театральный критик**

Справка – вместо послесловия:

Сергей Павлович Федотов, художественный руководитель театра «У Моста» (Пермь). Заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Национальной премии «Золотая Маска», лауреат Национальной премии Чехии, лауреат премии Правительства РФ, лауреат Строгановской премии, дважды лауреат краевой премии в сфере культуры. В 2004 году за постановку «Собачье сердце» (М. Булгаков) был признан лучшим режиссером Чехии и стал первым иностранцем в истории Чешской Национальной премии, удостоенным этой высшей награды. В марте 2006 года министр культуры Чехии вручил С. Федотову приз газеты «Пражские новости» за особый вклад в чешскую культуру. 11 января 2011 года в день своего 50-летия Федотов был удостоен чешской медали им. Езефа Юнгмана. 18 мая 2012 года Сергею Федотову присуждена премия Правительства РФ им. Федора Волкова за вклад в развитие театрального искусства.

В «послужном списке» театра «У Моста» больше 230 фестивалей. Гастроли Индии, Египте, Австрии, Германии, Польше, Чехии, Болгарии, Сербии, Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории, Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Белоруссии, Венгрии, Словакии, Словении, Румынии, Армении, Грузии, Турции, Ирландии, Израиле, Казахстане, на Кипре и во многих городах России. Театр «У Моста» – лауреат и трижды номинант Национальной премии «ЗОЛОТАЯ МАСКА», лауреат премии «Звезда Театрала» в номинации «Лучший региональный театр России», обладатель более 50-ти Гран-При зарубежных и российских фестивалей, чемпион Индийской театральной Олимпиады, участник. По рейтингу журнала FORBES театр «У Моста» входит в десятку лучших театров России. По версии портала Yell.ru театр «У Моста» занимает четвертое место в рейтинге лучших Российских театров.

Владимир Бейлис

*«Мое сердце связано
с Малым театром
навсегда»*

25 апреля будет отмечать 85-летие замечательный режиссер Владимир Бейлис, творческая судьба которого неразрывно связана с Малым театром, где он ставил спектакли «Человек и глобус», «Доходное место», «Царь Борис», «Таланты и поклонники», «Тайны Мадридского двора», «На всякого мудреца довольно простоты», «Как скрыть убийство», «Восемь любящих женщин», «Васса Железнова», «Варвары» и многие другие. В его постановках неизменно заняты самые яркие звезды знаменитой труппы. А главным секретом своего успеха он считает увлеченность любимым делом.

Оглядываясь на пройденный путь, Владимир Бейлис рассказывает: «В четвертом классе я первый раз ощутил, что такое сцена, играя в школьных постановках. У нас были замечательные педагоги, которые прививали любовь к литературе и театру. Помню, когда я первый раз посмотрел «Синюю птицу» во МХАТе, я не спал ночь после этого спектакля, такое было сильное впечатление. Я с детства мечтал

стать актером, но после окончания школы не смог поступить ни в один из театральных вузов. Это, конечно, был страшный удар. Перенести его было трудно, но я все выдержал. Я закончил технический вуз, работал по специальности. Но меня не оставляло желание связать свою жизнь с театром. И я все-таки осуществил свою юношескую мечту – поступил на режиссерский факультет в ГИТИС, в мастерскую Марии Осиповны Кнебель, которая была ученицей Станиславского. Для режиссера у меня был прекрасный возраст и жизненный опыт, работа инженером, поездка на целину. Все это пригодилось в дальнейшем».

В 1968 году Владимир Бейлис пришел работать в Малый театр. Вместе со своим коллегой Виталием Ивановым они должны были поставить спектакль «Человек и глобус» по пьесе В.Лаврентьева о создании атомной бомбы в СССР.

Евгений Самойлов в роли физика Бармина в спектакле «Человек и глобус». Режиссер -Владимир Бейлис

Молодым режиссерам поручили дать сценическую жизнь современной пьесе на очень сложную тему, с политическим содержанием. Бейлис и Иванов с честью справились с этой задачей. Тогда отношения Советского Союза и США были напряженными, после Карибского кризиса продолжалась холодная война, искали пути к развитию диалога и добрососедства. В спектакле «Человек и глобус» главную роль – физика-атомщика Бармина, под которым подразумевался Курчатов, играл Евгений Самойлов. В постановке затрагивалась тема создания сверхоружия, вопросы мира и дружбы между народами.

«Тогда в Малом театре часто бывали члены правительства и члены политбюро, – рассказывает Владимир Бейлис. – К нашему спектаклю было огромное внимание. Какие-то моменты нас просили смягчить. Тема острая: создание атомной бомбы, отношения с американцами. В постановке участвовали два артиста, которых только недавно взяли в театр – Евгений Самойлов и Эдуард Марцевич. Также роли исполняли Весник, Владиславский и другие замечательные актеры. Работать с мастерами – было счастьем и большим экзаменом. Если бы спектакль провалился, нас вряд ли бы оставили в Малом театре. Приходили смотреть эту работу все старики Малого театра. «Человек и глобус» – это не Островский, не Чехов, это была современная пьеса. Я не могу сказать, что она высшего литературного качества, но она была с мелодраматическим сюжетом, с большим политическим подтекстом».

Постановка имела успех, в рецензиях той поры

отмечалось: «В этом произведении напряженные раздумья соединены с живой хроникой века, с движущейся политикой времени».

Сцена из спектакля «Таланты и поклонники»

Режиссерский дебют со спектаклем «Человек и глобус» оказался для Владимира Бейлиса на редкость удачным, и свою дельнейшую судьбу он связал именно с Малым театром, хотя много ставил и на других столичных подмостках, работал в провинции и за границей. Особое внимание, конечно, он всегда уделял классике. Мастер вспоминает: «Я поставил несколько спектаклей Островского. Например, спектакль «Таланты и поклонники» шел с успехом много лет. Счастливая судьба была у постановки «На всякого мудреца довольно простоты». В спектакле играли Борис Клюев, Элина Быстрицкая, Ирина Муравьева. Спектакль принимали хорошо. Однажды Татьяна Васильевна Доронина посмотрела этот спектакль, он ей очень понравился. Она пригласила меня в свой театр.

Но я сказал: «Я кальку делать не буду». И поставил другой спектакль. Был случай, когда у нас, в Малом театре, заболел исполнитель одной из ролей. И мы пригласили из МХАТа Горького актера. Потом был случай, когда они нашего актера приглашали. Хорошо, когда в театральной среде отношения строятся на дружбе и братстве. Грустно бывает видеть, когда в разных театрах возникают бучи, революции. В Малом театре замечательный художественный руководитель Юрий Мефодьевич Соломин, идет работа, мы занимаемся творчеством. У нас большой состав, 140 человек – труппа. Все должны быть заняты, все хотят играть. И это дело руководства, чтобы была нормальная творческая атмосфера, выходили премьеры».

На репетиции спектакля «Инженер»

Как у каждого человека, у Владимира Бейлиса случались и трудные периоды в жизни. Он считает, что в сложных обстоятельствах нужно проявлять благоразумие и продолжать работать. «За те годы,

что я служу в театре, были разные ситуации, когда в отношении меня, как мне казалось, были вещи несправедливые, – говорит он. – А с точки зрения театра, считали, что это правильно. Я сжимал в кулак свою волю, и делал все, что требовалось. Я так понимаю свое служение великому Малому театру. Мое сердце связано с ним навсегда».

В этом сезоне Владимир Бейлис выпускает премьеру по Островскому «Горячее сердце». Он убежден, что сюжеты из пьес великого драматурга необычайно актуальны для нашего времени. А о секретах режиссерского мастерства он говорит так: «Режиссер – это и организатор, и придумщик, это профессия, в которую входит очень много компонентов. Режиссер – это образованный, честный, любящий актера человек. Если ты не любишь актера, то лучше уходи из этой профессии. Никогда не получится спектакль, если нет команды и любви друг к другу».

25 апреля Владимир Бейлис будет отмечать свое 85-летие. К его юбилею мы попросили из Музея Малого театра предоставить редкие архивные фотографии, связанные с его режиссерскими работами: «Человек и глобус», «Инженер», «Таланты и поклонники».

Татьяна Медведева

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Вы можете получить от нашего практика-эксперта профессиональную рецензию, квалифицированную консультацию о своем драматургическом произведении. Наши театральные публицисты-критики, драматурги, имеющие ни одну постановку в профессиональных театрах России и за рубежом вместе с вами доведут вашу пьесу до завершения, помогут подготовить текст пьесы для постановки спектакля на профессиональной сцене, для участия в любом творческом конкурсе. Заявки просим отправлять на официальный электронный адрес Гильдии: **info@gprussian.ru** указав фамилию выбранного Вами эксперта. Услуга предполагает оплату, в зависимости от её объема и вида. С каждым желающим воспользоваться предоставленными услугами официально заключается типовый договор. Эксперта Вы можете выбрать на нашем сайте, на странице «Члены Гильдии драматургов».

Константин Бобров

*сценарист, драматург, член
Гильдии драматургов России*

Казенная затворница *(монопьеса)*

*На фоне загородного дома, окруженного деревьями с
желто багряной листвой.*

*На сцене стол и стул. На столе россыпью яблоки и
груши, стакан и бутылочка воды. Выходит героиня.
В руке потрепанный временем фотоальбом и старая
толстая тетрадь. Садится за стол.*

Героиня. Дорогие родственники! Раз уж мы все собрались на даче, воспользуюсь случаем и расскажу вам историю нашей семьи. Все начинается с любви. С большой любви и настоящей. Когда нет горести и слез. Конечно не избежать печали в жизни, а слезы бывают и от радости. О своей любви мне рассказала прабабушка после смерти прадеда. Все началось случайно. Романтичный прадед влюбился в прабабушку с первого взгляда. Впрочем, она тоже. Бывает же такое. Совсем

еще неопытная восемнадцатилетняя девчонка. Мне не верилось в любовь с первого взгляда и вот пример из родного семейства. Если бы ни смерть его, прабабушка вряд ли поведала об истории их знакомства. Горе делает людей открытыми и память выплескивает все сокровенное наружу. После февральской революции 1917 года, Временное правительство уже летом передало часть Смольного института исполкому Петроградского совета. Прабабушка, совсем тогда юная, окончившая Смольный институт с золотой медалью и продолжившая в нем обучение для карьерного роста, однажды встретила с ним, изменившим всю жизнь, и возможно спасшим ее. Времена были страшными. За революцией последовала гражданская война. Осенью институт переехал на юг России, в Новочеркасск. Начальница Смольного института, княгиня Голицына, просила прабабушку поехать с ней, но случилась любовь и она осталась в Петрограде.

Открывает альбом и начинает просматривать фотографии.

Героиня. Вот они на фотографии той поры. Боже, как они молоды! Невероятно красивая пара! Теперь буду говорить словами прабабушки. Когда мы впервые встретились, Кирилл Александрович сразу решил покорить меня. Казалось бы случайная встреча во время посещения с воспитанницами театрального представления, но все в нашей жизни предначертано Богом. Мое сердце дрогнуло от его решительного предложения. Совсем вскружил мне голову. Повез к себе на Большую Морскую. Каково же было мое удивление и разочарование!

Красивый фасад дома и всего лишь комната на чердаке. Но я не показала вида, что мне не нравится. С ним и ради него, я была готова пойти на все. Хотя и понимала, что не может такой человек жить в скромном жилище. Обычно там жили бедные студенты и неудачники. Он же был одет изысканно. Красив, умен и учтив. Прекрасная, грамотная речь и поведение уверенного в себе человека. Предчувствие чего то необычного меня не обмануло. Не случайно, Кириллом Александровичем был выбран лозунг жизни, необычное в обычном. Оказалось, что это была проверка. Могу ли я перенести тяготы и лишения? Он не знал, что смолянки обязаны соблюдать институтское благонравие и вести себя сдержанно. Называли нас, казенными затворницами. Все же каков хитрец! На следующий день смилостивился, отвез к себе на квартиру на Литейном. Впервые я обрела свой дом. Через несколько дней мы обвенчались. Я не понимала что со мной происходит. Неделю назад увидела его впервые и уже стала супругой. И только на следующий день после венчания я узнала кто он. На этом месте, я впервые в жизни прервала прабабушку и назвала ее поведение легкомысленным. В ответ услышала самое страшное ругательство Анастасии Павловны: Ты, бессовестная душечка! Веди себя достойно и грациозно. Так ругались смольные студентки. Институт благородных девиц остался в ней навсегда. Итак, продолжаю рассказ словами Анастасии Павловны. Кирилл Александрович оказался хирургом. Потерявшая родителей в детстве, бесприданница, не смела и мечтать о подобном. Он баловал меня, заботился обо мне и всячески оберегал. Сменил и пополнил мой гардероб. Денег не жалел, но и не пускал

их на ветер. После НЭПа, жизнь стала тяжелой, но мы выстояли и вырастили троих детей. На долю нашего поколения выпало много испытаний. Два сына погибли во время войны. С легкой руки нашего папы, я с дочерью уехала за урал. В эвакуации учила местных детишек в сельской школе. Голодное время было. Соборность русского народа, советского народа, помогла всем выжить. Кирилл Александрович, всю блокаду лечил раненых защитников города. После прорыва блокады вернулись в Ленинград. Город не узнали. Осиротел. В скверах и парках, жители выращивали овощи. Война продолжалась, а я по милости Божьей вновь в интересном положении. Родился сын. Весь в нашего папу. Наглядеться не могу. Дочь поступила в медицинский институт. Решила пойти по стопам любимого отца. И у нее получилось. Стала отличным хирургом!

Героиня замолкает. Открывает бутылку с водой и наполняет стакан. Делает несколько глотков и ставит стакан на стол. Открывает тетрадь, дневник прабабушки.

Героиня. Всегда очень волнительно читать ее дневник. Первую запись она сделала в июле 1917 года. В нем самое сокровенное. На каждой странице она пишет о нем и называет по имени и отчеству. Делится о материнском счастье, рассказывает про первые шаги детей. И все же больше всего о нем, о мелких обидах, прощении и признании своих ошибок. Все пропитано любовью. Особенно во время разлуки, когда она находилась в эвакуации, а он был в блокадном Ленинграде. Признается ему

в любви и с нетерпением ждет встречи. А вот запись с пронзительной болью. наших сыновей, Александра Кирилловича и Павла Кирилловича, больше нет. Они погибли. Как же так? Кто вернет наших мальчиков? Если бы ни дочь, то и жить незачем. Следующая запись появилась лишь через месяц. Завтра мы возвращаемся домой. Наконец-то я увижу, Кирилла Александровича. Написала она и о нас. Напрасно ругают молодежь. Какие люди при дворе, такие и времена. Конечно все мы разные, но по другому не должно и не может быть. Иначе окружающий нас многообразный мир, наполнится монотонными и скучными тонами.. Радуюсь за наших детей и внуков с правнуками. Слава Богу, у всех светлые головы, здоровые и адекватные устремления. А вот ее последняя запись. Сегодня приснился Кирилл Александрович. Мы гуляли по Дворцовой площади и долго о чем-то говорили. Во сне мы были молоды и счастливы! Проснулась и все забыла. Старею. Раньше бы запомнила. Все, значит моя миссия на земле исполнена и я обязательно встречу с ним. Мечтаю об этом вот уж несколько лет. Пора и честь знать...

Героиня делает паузу, из стакана пьет воду.

Героиня. На следующий день она умерла. Легла спать и не проснулась. Похоронили в одной могиле с ним, с самым любимым человеком. Такова ее последняя воля. В нашей семье долгие годы мы ничего не знали о происхождении прадеда. Он никогда не говорил, а мы не спрашивали. Не знали ни одного родственника и не слышали ни одного упоминания о них и о его родителях. Редкая

выдержка. Словно и не было никого. Но ведь так не бывает. Даже если он не знал своих родителей и не видел их никогда, то каким образом беспризорник мог получить отличное образование и отменное воспитание? В придачу ко всему, он в совершенстве владел английским и китайским. И только на смертном одре он признался, что после гражданской войны, вся семья эмигрировала сначала в Маньчжурию, а затем за океан в Австралию. Оказалось что он из династии военных. В роду было несколько генералов. И вся многочисленная его семья до октябрьской революции жила во Владивостоке. На вопрос, как удалось скрыть в непростое советское время свое происхождение и избежать возможных репрессий, ответил банально просто: Вся жизнь игра, а мы актеры.

Журнал «ДрамТеатр» сотрудничает с авторами. Редакция принимает пьесы, статьи, очерки по теме журнала. Решение о публикации принимает редакционный совет.

Электронный адрес редакции info@gprussian.ru

Перепечатака материалов журнала возможна только с разрешения редакции журнала.

Права на пьесы и другие материалы журнала принадлежат авторам

© Гильдия драматургов России, 2022г.